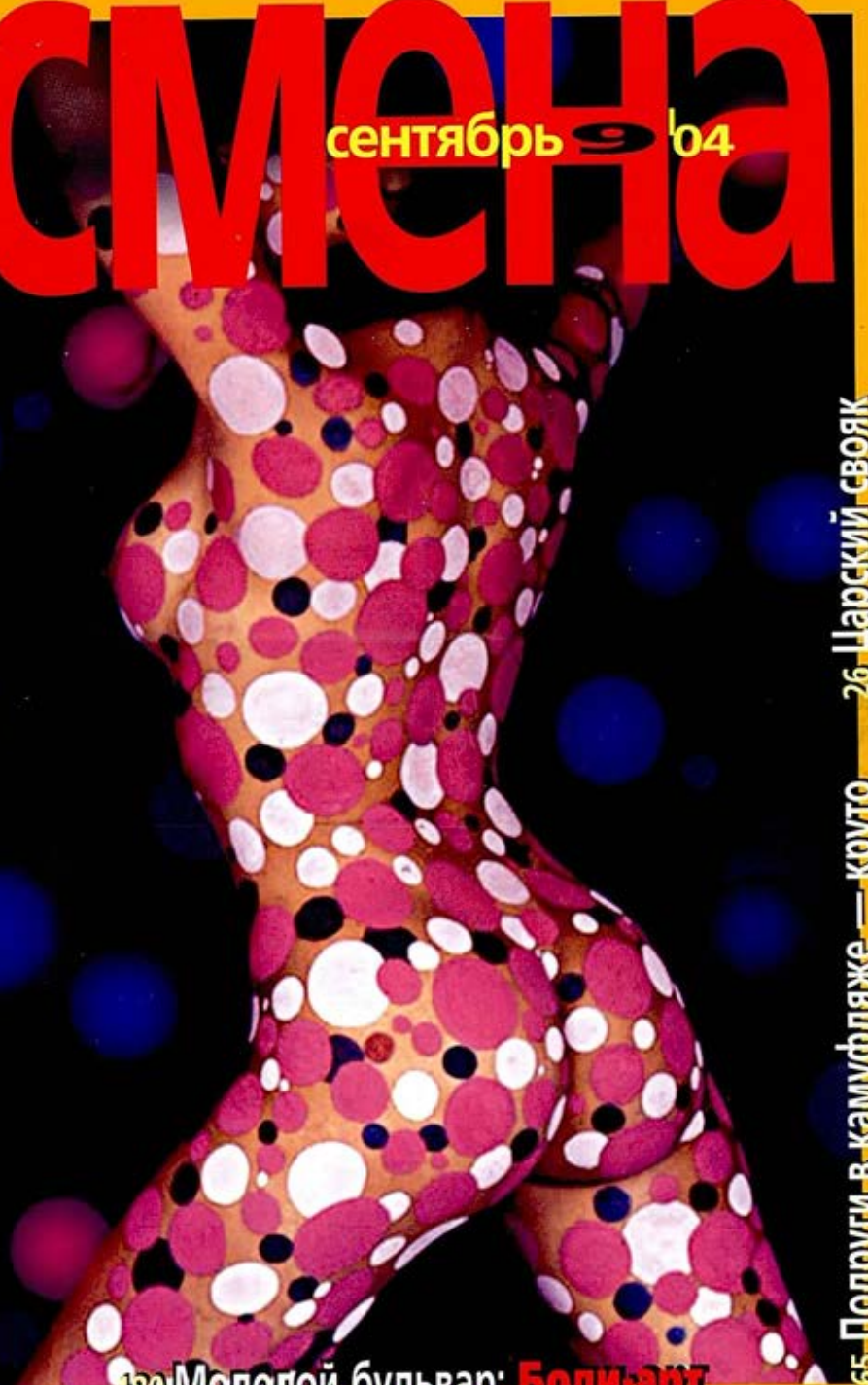

СМЕНА

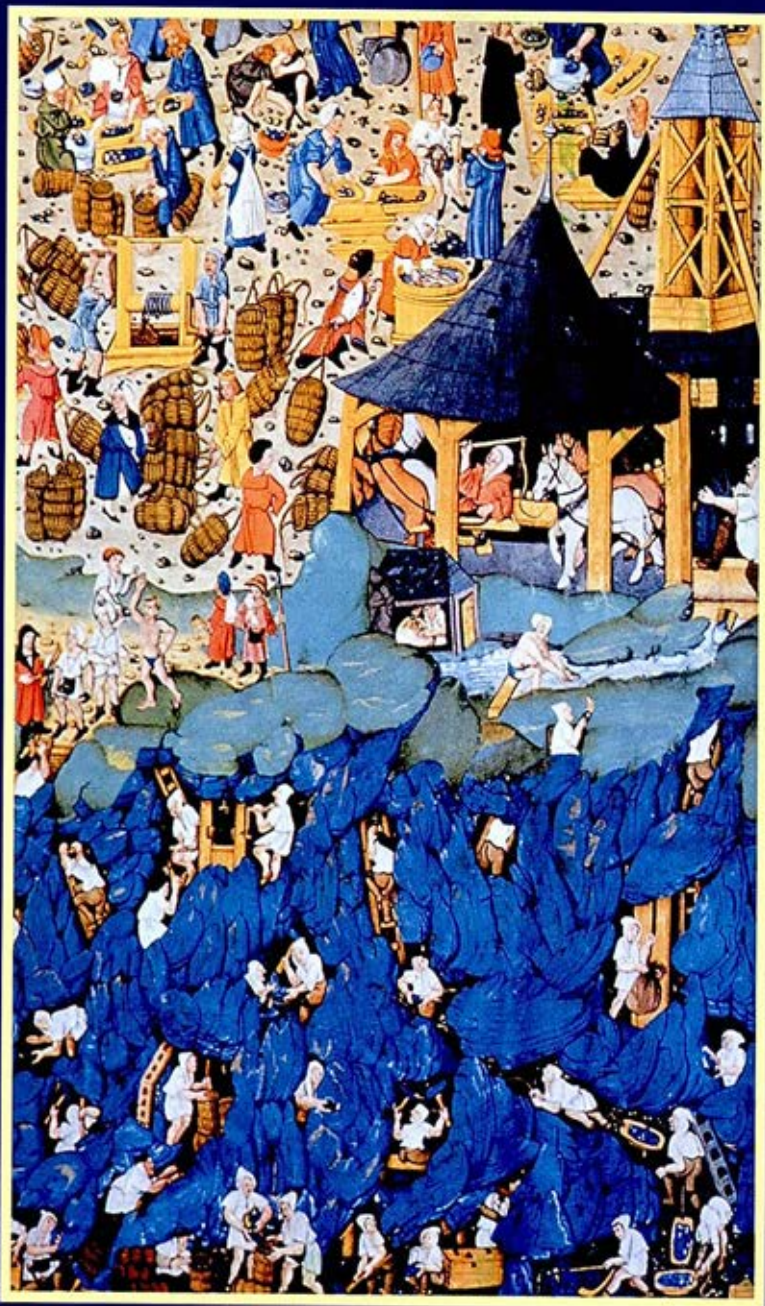
сентябрь 9 '04

147 Претити, но лишний 112 Тернал свс-та 117 К истинс

180 Молодой бульвар: **Боди-арт**

165 Подруги в камуфляже — круто 26 Царский свояк

кутна гора

стр.4-11

40-20

главный редактор

Михаил
Кизилев

редколлегия

Николай
Левичев

главный художник

Виталий
Федоров

зам. главного редактора

Тамара
Чичина

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

2004
сентябрь (1679)

Сдано в набор 15.07.2004.
Подписано к печати 20.08.2004.
Печать офсетная.
Заказ № 9099.
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 14,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

212-15-07 — для справок.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: jurnal@smena-id.ru

www.smena-id.ru

Отдел распространения:

257-31-37,

sales@smena-id.ru

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Per.№ 014832

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в ФГУП "Смоленский
полиграфический комбинат"

по адресу: 214020, Смоленск,
ул. Смольянинова, д. 1.

**Журнал выходит
12 раз в год.**

© "Смена", 2004.

сентябрь '2004

наследие веков

Игорь Опарин
4 Кутна Гора
 Ирина Опимах
12 Хиросигэ

рассказ

Владимир Бочаров
92 Звонарь

звезды мирового экрана

Владимир Нислов
129 Взлеты и падения кумира

▼ стр. 26

стр. 160 ►

стр. 12 ►

стр. 138 ►

издалека

Любовь Русева
26 Царский свояк

расследование

Екатерина Манарова
122 Убить мамочку

ПОЭЗИЯ

Ирина Путяева
89 Стихи

остросюжетный роман

Светлана Бестужева

36 Компромат из компьютера

зарубежный рассказ

Ричард Матесон

100 Не превышай скорости

Майкл Мэллори

112 Пламя черной свечи

◀ стр. 180

▼ стр. 4

молодой бульвар

Максо-мак

138 Газ до отказа — и ты непобедим

Кирилл Подоляк

143 "Мышь!" — на коврики!

Стрелы Амура

147 Третий лишний!

Полина Теслер

151 Связь, правящая миром!

Евлампия Бехтерева

154 Когда поют даже горы

Татьяна Полева

160 Прыжок в экстрим

Екатерина Постникова

165 Ах, эти женщины!..

Дарья Самородова

170 Хрупкое тело таланта

Анастасия Румянцева

176 Что-то...

Рассказ

Алла Пустынова

180 Bodi-art prikol

Андре Стееман

НОЧЬ С 12-ГО НА 13-Е

Кто, подписавшись Зеленым Драконом, попытался заставить Герберта Абуду выложить кругленькую сумму в 50 тысяч долларов? Именно по этой причине детективу месье Венсу пришлось провести ночь с 12-го на 13-е — крайний срок, отпущенный вымогателем, — в кабинете Абуды: ведь по окончании этого срока коммерсант должен был либо заплатить, либо умереть...

Октябрь '2004

АНОНС: 10

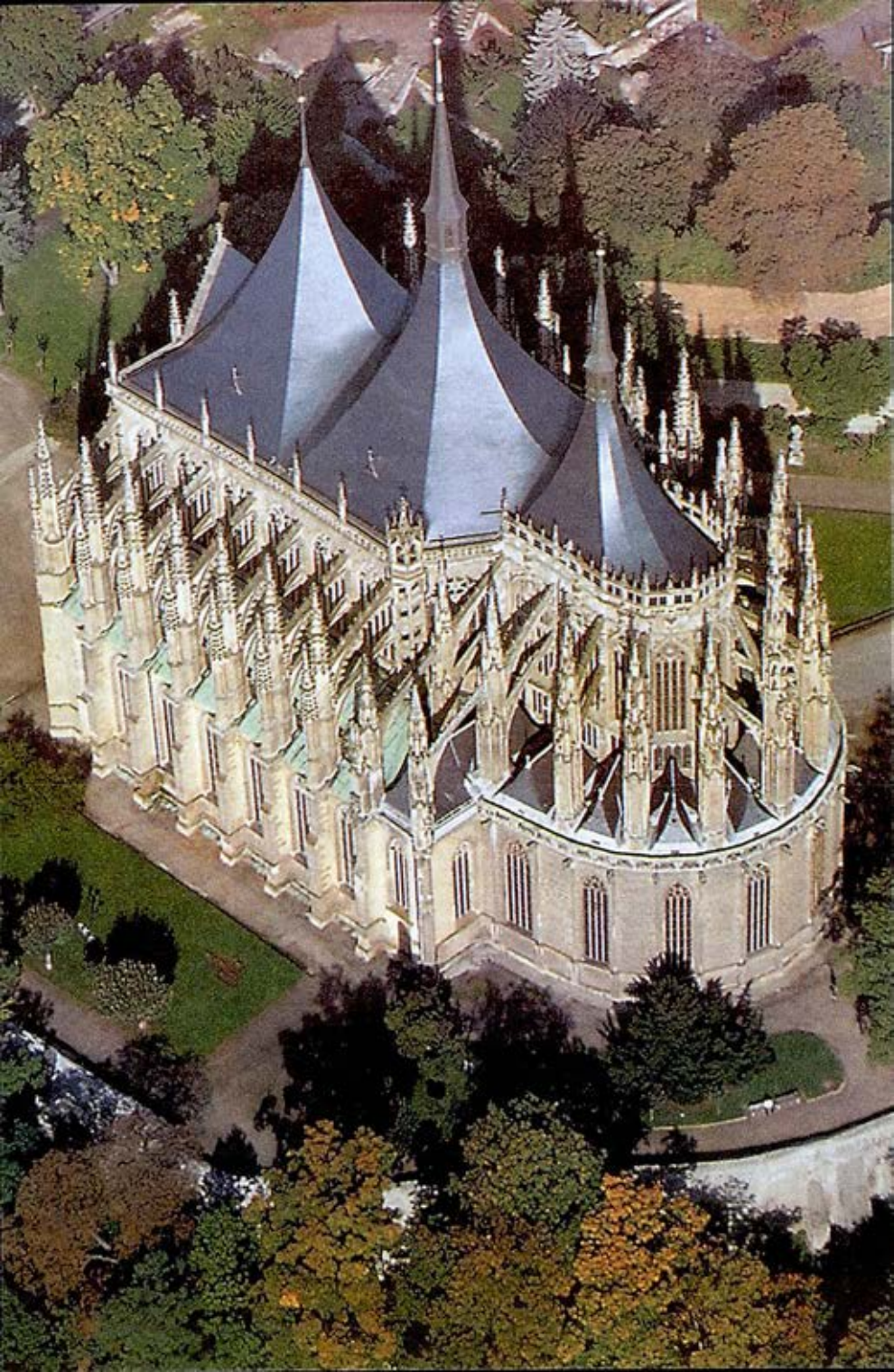
Кутна Гора

■ Есть в Чехии очень интересный город — Кутна Гора. За свою долгую историю знавала Кутна Гора триумфы и падения, видела царственных особ и армии бедняков. Кутна Гора всегда была в фаворе у чешских королей и изо всех сил старалась угнаться за красавицей Прагой. И есть в этом городе храм, в который способны войти далеко не все. Костехранилище — так называется этот украшенный человеческими костями костел, творение сознания изощренного и в чем-то циничного, скорбный памятник тщеты человеческой жизни...

В старой легенде рассказывается, как однажды некий монах Антоний из цистерцианского монастыря, расположенного в селении Седлец, решил прилечь отдохнуть после праведных трудов на монастырском винограднике. Светило солнышко, трава была мягкой, ну и заснул монах. А пока он спал, выросли рядом с ним три серебряных прута. Антоний, проснувшись, был поражен до глубины души. Он тут же решил — нужно скорее рассказать братьям-монахам о чуде, а чтобы не потерять заветное место, оставил там ярусу и побежал в монастырь нагишом.

Так сначала о серебряном чуде узнали монахи, а потом слух о серебре, которое на землях Седлеца якобы просто лежит на поверхности, прошел по всей Чехии, да и не только... Так на этих землях началась "серебряная лихорадка". Было это в XIII веке.

Прознав о серебре, ринулись сюда толпы бедняков, желавших схватить судьбу за хвост. Быстро вырос шахтерский поселок Кутна Гора — появились дома, лавки, трактиры, ну и конечно же, шахты и плавильные печи. В Градеке, старейшем районе города, построили первый завод по переплавке руды. Добыча серебра велась грандиозными темпами — ежедневно с двухсотметровой глубины на поверхность поднимали до тонны руды. Длинные туннели делили кутногорское подzemелье на 20 уровней! Очень скоро шахтерский поселок превратился в богатый город, став в Чехии вторым по величине и значению после Праги — ведь здесь добывалось две трети европейского серебра! Для контроля над разработками король Вацлав II издал в 1300 году горный кодекс "Ius regale montanorum", закон о горном деле, по которому только король

Костел Всех святых в Горы и интерьеры Костельной церкви.

имел право распоряжаться залежами серебра, осуществлять надзор за добычей и иметь долю в разработках. Король приказал ввести единую монету, которую стали чеканить тут же, в Кутна Горе, на Влашском дворе. Чеканившиеся здесь чешские гроши считались тогда самой твердой валютой в Европе и ходили они не только в Чехии, но и в Германии, Венгрии, Польше, и даже на Руси, в Тверском княжестве. (Не случайно именно в Кутна Горе открылся единственный в мире музей денег, где можно проследить историю развития этой столь важной для человечества индустрии с древних времен — от медных прутьев, серебряных пластин и золотых колец до изысканных монет.) А потом в городе вырос королевский замок, дворцы приближенных короля. Кутна Гора из маленького поселка превратилась во вторую столицу Чехии. Кутногорцы изо всех сил старались превзойти Прагу. Королевский дворец у них уже был, но вот знаменитого пражского Карлова моста не было! Тогда они решили построить нечто похожее, и им удалось — вдоль иезуитской коллегии провели дорогу и украсили ее скульптурами, фигурами святых — ну чем не Карлов мост?

Разбогатевшие жители города возмнили, что они всемогущи — с королем отношения прекрасные, им вот только не хватало еще договориться с Богом, и они принялись строить храмы и часовни. В 1330 году построили собор святого Якоба, а в 1388 начали строить — на деньги шахтеров — собор святой Варвары, покровительницы рудокопов. Первый архитектор собора — Ян Парлерж. Его отец Петр — создатель знаменитого пражского собора святого Вита. Кутногорцы не случайно выбрали Яна Парлержа — им так хотелось превзойти пражан, что они требовали от архитектора, чтобы их собор был еще больше и величественнее, чем собор в Праге. Может, сын

окажется лучше отца, ну, по крайней мере, не хуже. И храм действительно получился весьма впечатляющим. Недаром теперь он находится под охраной ЮНЕСКО.

А больше чем за сто лет до открытия серебряных месторождений, в 1142 году на нынешней окраине Кутна Горы, в квартале Седлец, основали цистерцианский монастырь, тот самый, в котором жил легендарный монах Антоний. К XIII веку монастырь уже приобрел огромное влияние во всей округе. У монастырских стен возникло кладбище, и монахам вменялось в обязанность отпевать и хоронить умерших. По преданию, аббат Седлецкого монастыря Гейденрейх принес горсть земли со святых мест Иерусалима и распылил ее по кладбищу. Так кладбище обрело святость, и чести быть похороненным на нем добивались не только чехи, но и жители других европейских стран. Тысячи жертв страшных эпидемий, лютовавших в средние века, нашли здесь последний покой. В хрониках отмечено, что в 1318 году на кладбище похоронили 30000 человек!

Шли годы. В XV веке счастливая звезда Кутна Горы стала закатываться. Начались страшные войны между католиками и протестантами — гусистские войны. В начале XV века профессор Пажского университета Ян Гус выступил с резкой критикой католической церкви. Монахи погрязли во лжи и пороках! Чем же они, так любящие земное богатство и радости бытия, лучше нас, мирян? — страстно вопрошал почтенный профессор свою аудиторию, которая становилась все больше и больше. Пражане, а потом и жители других городов Чехии, с восторгом внимали речам Гуса — ведь в их представлении римско-католическое духовенство и немецкое дворянство были врагами родины. Римская церковь, пытаясь бороться с вредными идеями Гуса и его приверженцев, ис-

пользовала все возможные средства. В 1414 году Ватикану удалось вызвать Гуса на Констанцкий собор. Пражанин появился в Риме под охраной грамоты, которую ему вручил император Сигизмунд. Но папа и его люди, эти святейшие отцы, повели себя, как бывало частенько, весьма недостойно и обманули Гуса: когда он отказался отречься от своих взглядов, судили его и приговорили к смертной казни. Гуса сожгли на костре 6 июля 1415 года, но его смерть не остановила войну. Борьба только разгоралась. Идеи церковной реформации наложились на взлет чешского патриотизма, и вот уже папа Римский объявляет крестовый поход против гуситов, который заканчивается в июле 1429 года поражением крестоносцев от чешского войска под руководством Яна Жижки.

Кутна Гора, в которой были сильны католические традиции и жило много немцев, — на стороне противников Яна Гуса, католиков. Своих врагов кутнагорцы сбрасывали в шахты — благо шахт этих имелось немало, а гуситы в благородном порыве не один раз сжигали город, а в 1421 году, охваченные святым чувством борьбы с продажными монахами, даже сожгли красивейший Седлецкий монастырь. При монастыре, как водится, находилось кладбище с костелом Всех святых. Костел начали сооружать еще до гуситских войн, в начале XIV века. У монастыря были собственные серебряные шахты, и он мог себе позволить дорогое строительство. И теперь, во время страшных войн, унесших огромное количество жизней как католиков, так и гуситов, у священников кладбищенского костела оказалось особенно много работы. Места для могил не хватало, и монахам приходилось выкапывать захоронения прежних лет и хоронить там новых умерших. Костел был двухэтажный — на втором этаже служили мессу, а на первом — сваливали человеческие кости из старых могил. Пона-

чалу они валялись кое-как, грудами. В 1511 году один полуслепой монах сложил их в пирамиды — наверное, решил, что во всем должен быть порядок. В 1661 году в голове другого монаха возникла мысль украсить костел костями — он сделал первые костяные украшения. Храм постепенно приобретал жутковатую славу — с одной стороны, здесь по-прежнему молились Богу, а с другой — первый этаж словно стал храмом Смерти.

Между тем смолк гром пушек, в город пришел мир. Только вот шахтерское дело понемногу затухает — серебра становится все меньше, а его добыча — все дороже. С 1547 года здесь уже не чеканят чешский грош. Мощный удар нанесло по здешним шахтерам дешевое американское серебро, потоком хлынувшее в Европу. А еще возникали страшные эпидемии чумы... В 1713 году, когда в городе умерло более 6000 человек, скульптор-иезуит Франтишек Баугута возвел чумной столб, направив Богу эту молитву в камне — пусть ужасный мор отступит от людей, пусть хоть какие-то жизни сохранит... Через некоторое время чума-таки смилостивилась над людьми, но работать на рудниках уже оказалось некому.

После чумного мора в Костехранилище костей еще прибавилось. Монахи костела принялись поддерживать дикую традицию и по-прежнему украшать первый этаж храма "веселенькими" композициями из человеческих костей. В начале XVIII века архитектор Ян Сантини Аихл внес свой вклад в создание весьма необычного интерьера собора — соорудил из костей короны над пирамидами, подсвечники.

В 1784 году император Иосиф II по всей Чехии закрывал католические монастыри, в том числе и Седлецкий монастырь. Все монастырское имущество — земли, рудники и храмы — купило богатое аристократическое семейство Шварценбергов. Приехав в

Седлец, граф Шварценберг побывал в кладбищенском костеле Всех святых. На него произвело сильное впечатление своеобразное, мягко говоря, убранство первого этажа костела. И граф, человек весьма свободомыслящий, решил продолжить сложившуюся за столетия традицию — он пригласил поработать над интерьером храма некоего Франтишека Ринта из города Ческа-Скалице. Ринт приехал в Седлец вместе со всей своей семьей. Скульптор оказался незаурядным человеком — идея украсить костел композициями из человеческих костей показалась ему весьма увлекательной. Но время уже было другое, век Просвещения, как никак. Ринт поставил дело на производственную основу. Теперь кости использовались не просто так — сначала их дезинфицировали, потом отбеливали с помощью хлорной извести. Из тех шести костяных пирамид, которые находились в храме, Ринт две разобрал, часть использовал для своих изделий, а оставшиеся кости захоронил на монастырском кладбище под огромным железным крестом. Ринт сделал поразительные вещи, среди которых особенно впечатляюще выглядит люстра — говорят, что в нее вошли все кости человеческого скелета — и костяной герб Шварценбергов. В 1598 году один из Шварценбергов, Адольф, захватил венгерскую крепость Дьер и существенно подорвал могущество турок. В награду за это император Рудольф II разрешил поместить на герб Шварценбергов отрубленную голову турка и изображение вороны. И Ринт укрепил на гербе своего покровителя череп неизвестного и давно умершего чеха (а может, немца, кто знает) и использовал кости кисти рук для изображения вороньего крыла...

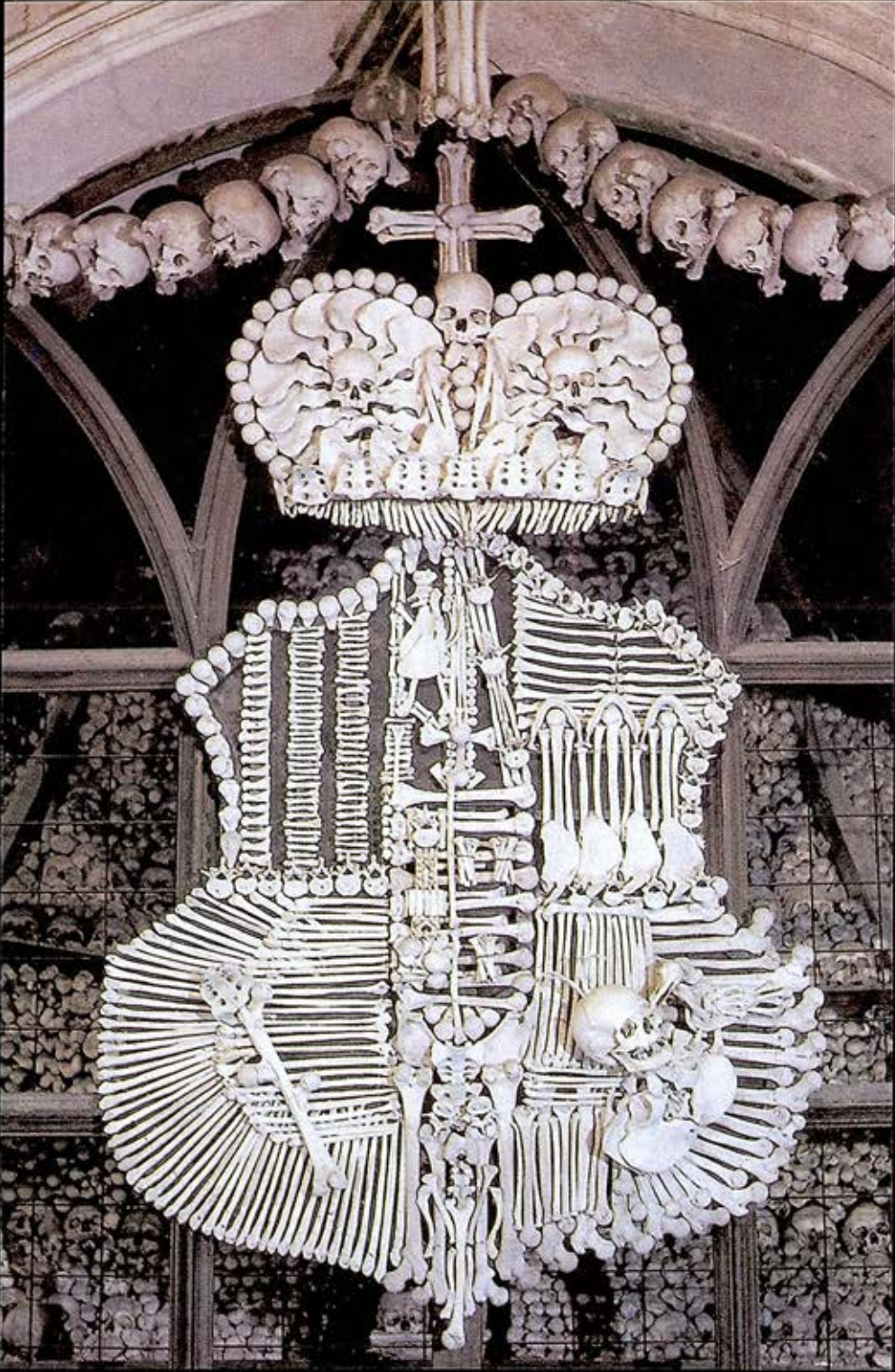
По приблизительным оценкам, в убранстве Седлецкого костела использованы останки 40000 человек! Самые старые кости — людей, живших в на-

чале XIV века! На некоторых черепках видны следы от пуль...

Что это такое — Костехранилище? Воплощение безумных фантазий не очень здоровых людей? Или величественный памятник смерти, скорбное напоминание о хрупкости человеческой жизни, о ее быстротечности и неизбежности смерти? А может быть, создатели этого необычного храма Смерти просто хотят нам сказать: люди, пока вы живы, будьте добрее, терпимее, думайте о других, любите и учитесь прощать, не тратьте годы, что вам отпущены, на ничтожную суету, ведь все так или иначе кончится одним — смертью, грудой костей...

Кутногорцы не раз пытались повысить статус своего города, возобновив горный промысел. Но это становилось все труднее и труднее — в земле после стольких лет разработок уже мало что осталось. Во время Второй мировой войны нацисты здесь организовали добычу свинца и цинка. И потом коммунисты вели разработку полезных ископаемых. Последнюю шахту закрыли в 1991 году, когда в недрах города не осталось ни серебра, ни свинца, ни меди...

Нынешние кутногорцы могут только вспоминать о былом величии своего города — теперь это небольшой провинциальный городок, жители которого зарабатывают деньги на местном сахарном заводе, на табачной фабрике и в пивоварне, а потом тратят их по вечерам, сидя в уютных трактирчиках и попивая знаменитое чешское пиво. Благодаря предкам, у них есть и еще один источник доходов — туристы, которых неудержимо влекут в город разные достопримечательности, среди них и удивительный, полный благоговения перед Богом, устремленный в небо готический собор святой Варвары и странное, безумное, единственное в мире Костехранилище, памятник смерти и тщетности бытия.

ХИ ро СИ ГЭ

■ Андо Хиросигэ, пожалуй, один из самых известных японских художников, тончайший лирик, потрясающий мастер, пытавшийся постичь природу и человека в ней. Его работы оказали огромное влияние на самых разных художников, среди которых Ван Гог и Клод Моне. Он сумел создать яркий образ своей родины и образ любимого города Эдо (старое название Токио), недаром в Японии его называют самым японским пейзажистом.

Япония — страна уникальная. Уникальны ее история, культура, уникальна и ее природа. Островное государство, оно веками было отрезано от остального мира, обособлено от других культур.

В 1180 году победил в междоусобной войне Еритомо Минамото. В 1192 году он принял титул сегуна и принялся укреплять могущество своего клана. Так в Японии началась эпоха сегунов, полководцев, крупных феодалов, правящих страной от имени императора. Постепенно складывалась строгая иерархическая система японского общества. В эпоху Эдо (1603-1867) — именно в эту эпоху

Ирисы в Хорикири. 1857.

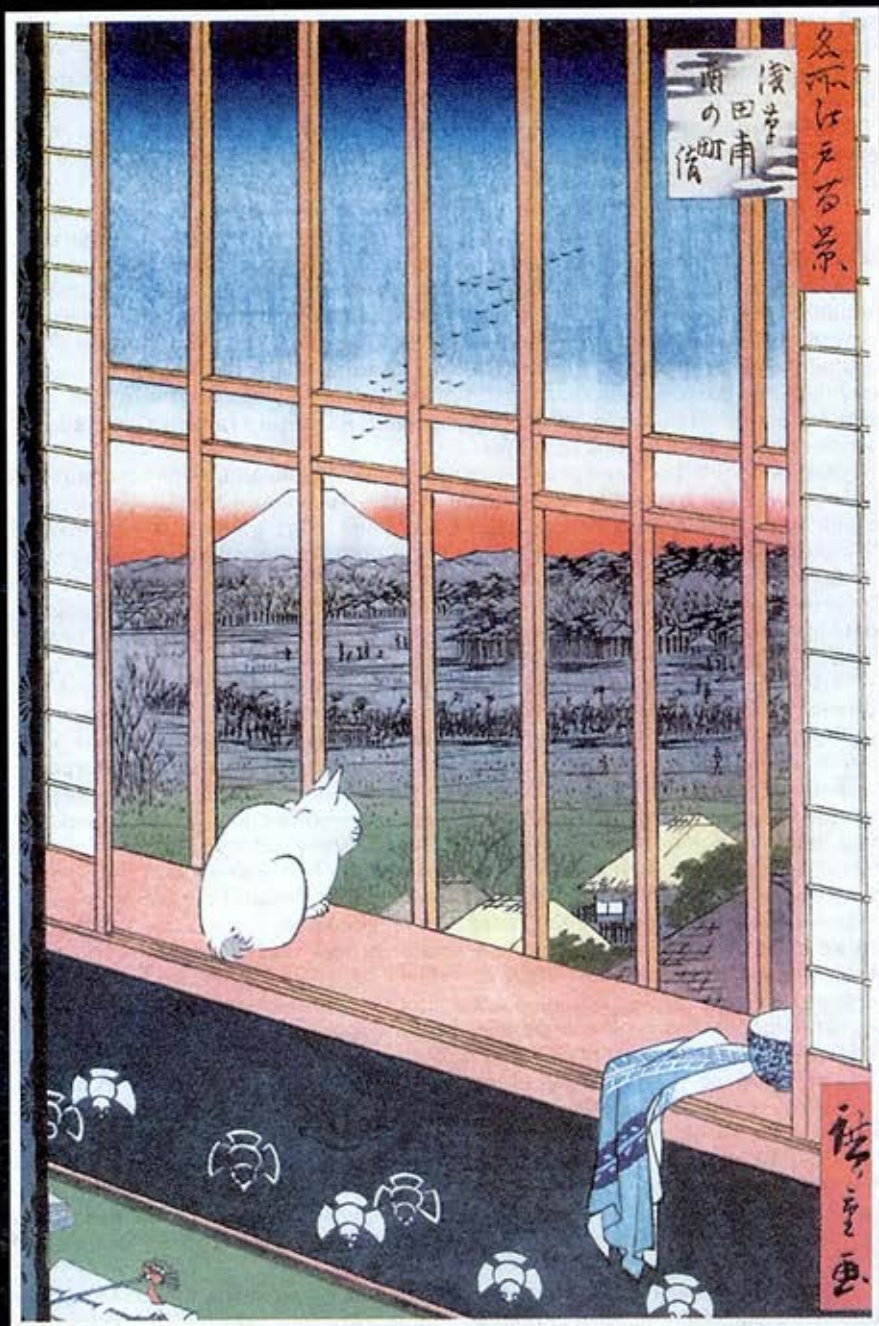
жил Хиросигэ, родившийся в 1797 году, — страной правил сегунат Токугава. Власть в стране целиком принадлежала сегунам из рода Токугава, которые мудро и умело подчинили себе весь японский народ и императорскую семью. Сегун умело распределил землю между дайма — наиболее верными вассалами. В Японии существовали четыре класса: наверху социальной лестницы стояли самураи — воины, владевшие не только боевыми искусствами, но и глубокими познаниями в литературе, философии, живописи; затем шли крестьяне, ремесленники и купцы. Представителям этих классов запрещалось менять свой статус. Были еще и парии — люди, занимавшиеся самыми низкими профессиями, обитатели дна.

В 1633 году сегун Измицу запретил дальние плавания и почти полностью изолировал Японию от зарубежных влияний. Строжайше запрещались все контакты с внешним миром. (Только в 1720-х годах законы на ввоз товаров и других предметов из Европы несколько смягчились.)

Япония в таких условиях быстро развивалась — причем очень самобытно и интересно. И стала страной грамотных, читающих людей. К концу XVIII века грамотными были все представители самурайского сословия (в том числе 50 процентов женщин), больше половины выходцев из семей торговцев и ростовщиков, около половины — из слоя ремесленников. Даже в деревне грамотные преобладали. По всей стране были разбросаны различные учебные заведения, государственные и частные — от конфуцианской академии Сехэйко, открытой еще в 1630 году для подготовки правительственных чиновников, до многочисленных начальных школ, где учились дети всех сословий — и горожан, и крестьян. Активно развивалось издательское дело, и тираж книг достигал нескольких тысяч экземпляров — почти как сейчас в России. В середине XVIII века появились библиотеки, в которых книги брали те, у кого не имелось денег их купить. Развивалась не только экономика, но и культура — возникали свои, совершенно не похожие на европейские, течения в искусстве, свои жанры. В городах набирал популярность театр кабуки и укие-э — картинки на бытовые темы.

Буддийский термин "укие" означал "юдоль скорби, бренный мир". Но с XVII века под этим словом стали понимать уже нечто иное — "мир наслаждений, мир любви". "Жить лишь дарованным тебе мгновением, наслаждаться, любуйся луной, цветением вишни, осенними листьями клена, петть песни, пить вино и развлекаться, просто отдаваясь течению, ничуть не заботясь о нищете, вызывающе глядящей нам в лицо, бездумно отдаваться потоку, подобно тыкке, бесстрастно влекомой течением реки. Это то, что мы называем укие", — так был довольно дерзко переосмыслен японцами XVII века скорбный буддийский термин.

Активному, самоуверенному, грубоватому японцу-горожанину, терпеливо откладывающему деньги не только на черный, но и на белый день, мир представлялся светлым, сулящим разнообразные радости и наслаждения. Быт веселых кварталов Эдо, любовные истории гейш становятся сюжетами повестей, спектаклей, картин и гравюр. И вот горожанин, любитель эротических повестей писателя Сайкаку, наслаждался в театре "Кабуки" условной игрой актеров, сам порой сочинял стихи — трехстишия хокку, при случае цитировал мудрые шедевры великого Басе и украшал своё жилище гравюрами на дереве, укие-э. Особенно ценились не столько чисто бытовые сценки, сколько пейзажи — японцы всегда трепетно относились к природе, обожествляли ее. Закат и заход солнца, шторм, порыв ветра, цветение сакуры могли стать источником высочайших эстетических наслаждений и созвучны высоким философским переживаниям. Ма-

Рисовые поля, округ Асакуса. 1857.

стера, способные отразить в своих произведениях невыразимую прелесть окружающего мира, пользовались огромным авторитетом в обществе. Андо Хиросигэ было суждено стать одним из последних и самых ярких представителей укие-э.

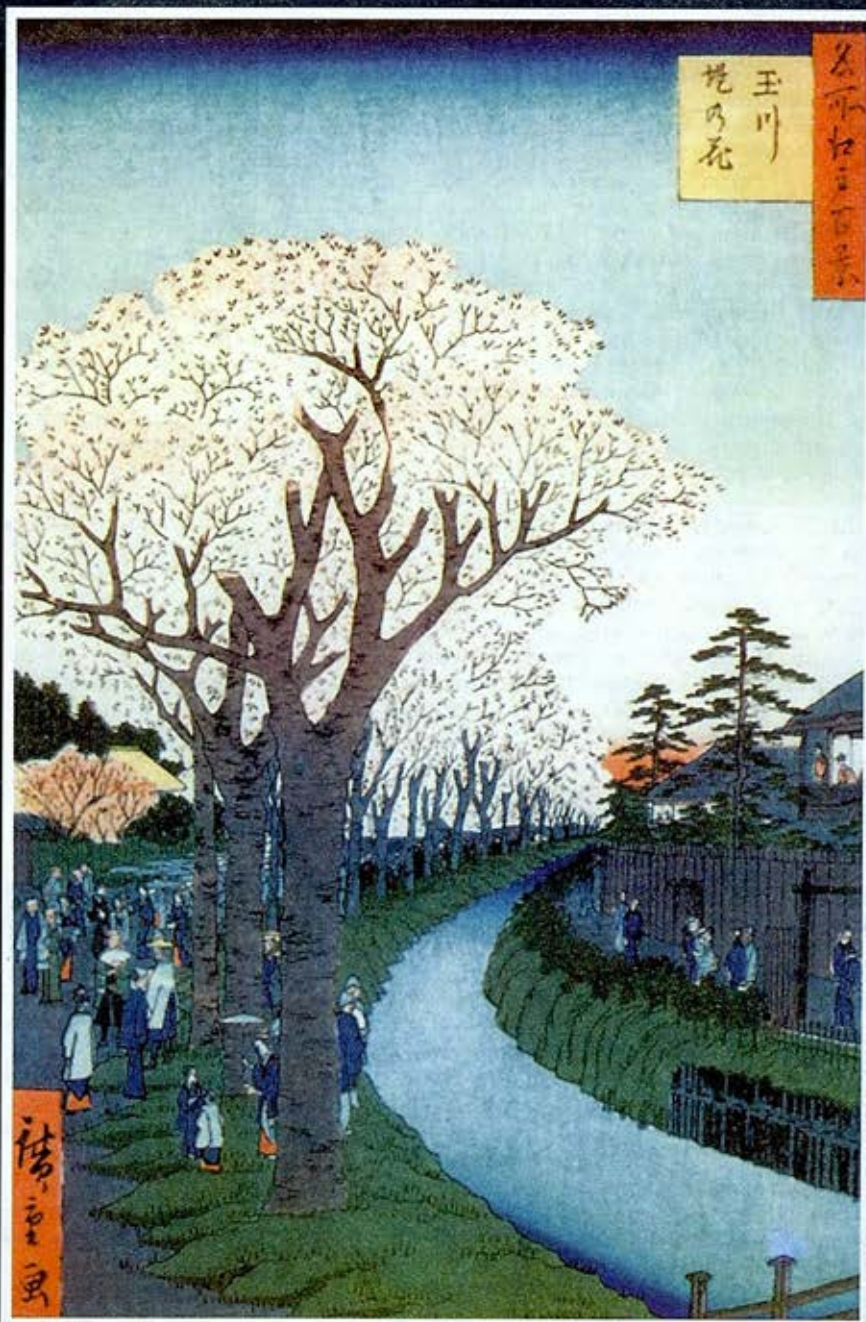
Андо Хиросигэ родился в семье небогатого самурая. Его отец Андо Гэнэмон был бригадиром городских пожарных в Эдо. При рождении мальчику дали имя Токутаро (по японской традиции, по мере взросления человек меняет имена, и потом Хиросигэ последовательно получал имена Токубэй, Дзюэмон и Андо). Семья не имела больших денег, но была достаточно обеспечена, чтобы дать ребенку хорошее образование. И вот уже маленький Токутаро изучает иероглифы и одновременно учится разбираться в сортах бумаги, туши и кистях. Мальчику привили любовь к чтению — он много читает, а также изучает историю, литературу и даже сочиняет стихи. А еще он любил рисовать. Получалось у него совсем неплохо. Друг отца Окадзима Ринсай, заметив явный талант мальчика, дал ему первые уроки, научил пользоваться тушью, делать тонкие светотени, придумывать композицию. Токутаро — десять лет, но юный художник уже вполне освоил классический стиль гравюры.

Жизнь сулила Токутаро серьезные испытания. В тринадцать лет он лишился родителей. По законам Японии, он должен принять на себя обязанности отца — руководить пожарными города. Долг самурая, и тут ничего не поделаешь. Мальчик стал пожарным, но в глубине души по-прежнему мечтал рисовать.

Выполняя свою работу, Хиросигэ умудрился найти время и продолжить учебу — он становится учеником Тохиро, известного мастера гравюры на дереве, ксилографии, в лучшей школе того времени, которая называлась очень романтично — Утагава, что означало Река поэзии.

Ксилография — печать с деревянных досок — появилась в Японии еще в VIII-XII веках, вместе с буддизмом, и применялась поначалу для изготовления черно-белых оттисков с изображением Будды. В XII веке в стране начинают печатать — методом ксилографии — книги, и украшают их чудесными ксилографическими гравюрами. Тогда они еще были черно-белыми. Потом японские художники освоили изготовление цветных гравюр — они стали слегка подкрашивать черно-белые изображения киноварью, на смену которой позднее пришла темно-красная краска, и оттенять рисунок черной плотной краской, что создавало эффект лаковой поверхности. Первые оттиски с использованием красного цвета появились в середине XVIII века. Постепенно развивалась цветная печать, и уже в 1765 году появились первые многоцветные гравюры, которые назывались "парчовыми картинами". Гравюры укие-э создавали три человека — художник, резчик и печатник. И конечно же, важную роль играл издатель, который изучал спрос на сюжеты и определял тираж гравюры. Процесс изготовления гравюры выглядел таким образом: художник наносил тушью на бумагу — тонкую, прозрачную — рисунок; затем гравер, наклеив рисунок на доску из вишни, груши или самшита, вырезал первую печатную форму. Затем делалось несколько черно-белых оттисков, на которых художник показывал задуманные им цвета, и резчик изготовлял нужное количество (иногда более тридцати) печатных форм, каждая из которых соответствовала одному цвету или тону. Потом за дело брался печатник: обговорив с художником цветовую гамму, он наносил краску, растительной или минеральной основы, и на влажной рисовой бумаге вручную печатал гравюру.

В школе Утагава царил жесткая дисциплина, от учеников требовалось бесконечно копировать работы старых мастеров. Но юноше очень хотелось учиться

Река Тамагава. Цветы на дамбе. 1856.

ся, и трудности его ничуть не пугали. Уже после первого года в школе он получил звание мастера гравюры и новое имя — Хиросигэ Утагава, означавшее, что он — воспитанник самой лучшей и самой известной школы в Японии.

Казалось бы, он уже зрелый мастер, но сам художник так не считал, и еще многие годы провел, учась в школе Капо, а потом — в школе Сидзе и у художников Нанга, осваивая приемы построения композиции, изображения природы и природы. Самостоятельным художником Андо Хиросигэ стал лишь в тридцать пять лет. В 1828 году умер Тохиро, и Хиросигэ предложили пост директора школы Утагава, но художник отказался — стиль его работы уже был так далек от канонов его альма матер...

На ранних работах Андо изображены сцены из театральных спектаклей, он иллюстрировал романы и сборники юмористических рассказов, писал сценки из жизни гейш и актеров. На первый взгляд, в его картинах не было ничего особенного, что бы отличало его от огромной армии японских художников, мастеров ксилографии. Но вот только было в лицах его героинь нечто, что заставляло запомнить имя художника — какой-то надлом, душевная боль, усталость, безнадежность и даже отчаяние. Для Андо очень важно психологическое состояние его персонажей.

В 1823 году Андо женился. Теперь у него свой дом, в котором его всегда ждет очаровательная жена. А потом у него рождается сын Тюдзиро. Казалось бы, все хорошо, только вот работа в пожарной бригаде отнимает столько времени! С большим трудом удалось договориться и передать отцовскую должность дяде — до совершеннолетия Тюдзиро. Теперь молодому мастеру ничего не мешает полностью отдаться искусству.

Андо много работает, и вскоре понимает, что его основное предназначение в искусстве — пейзаж. Он старается передать тонкую грань между днем и вечером, между поздним летом и ранней осенью. В 1831 году у Андо появляется новое имя, означающее "сосредоточившийся на сокровенном". "Живопись — зримая поэзия, и поэзия — живопись слов"; — так писал известный японский поэт Мацуоки, и кажется, что писал он эти слова о гравюрах Хиросигэ.

Одни из любимых сюжетов художника — виды его родного города Эдо. Японская столица играла огромную роль в жизни художника — здесь он родился, вырос, учился. Здесь обрел любовь и успех. Каждый день он смотрел на город, на его жителей, каждый день любовался чарующей красотой окрестностей. В те времена Эдо — совсем небольшой городок, причем районы типично городские чередовались с рисовыми полями, парками и садами. Пейзаж был удивительно разнообразен и живописен. И на картинах Хиросигэ наряду с улицами, мостами, площадями появляются картинки типичной сельской местности — поля, долины, водопады. При этом для Хиросигэ не очень существенны чисто топографические детали — гораздо важнее для мастера психологический портрет места, душевное состояние человека, живущего там или смотрящего на картину. Гравюры Хиросигэ резко отличаются от творений его гениального предшественника, великого Хокусая, который в своих пейзажах высказывал философские идеи, воплощая их в стилизованные изображения природных явлений. Нет, Хиросигэ создает образ мира, в котором живут его соседи и друзья, помогает зрителю почувствовать тончайшие оттенки переходов из одного состояния природы в другое. И всегда в его картинах мягкий лиризм, покой и любовь — к своему городу, к своей стране, к своей культуре.

Огромный — и заслуженный — успех пришел к Андо после создания серии гравюр "Пятьдесят три станции Токайдо" (1833-1834). Ежегодно по традиции в

Роца Суйдзін в Масани, у реки Сумидагава. 1856.

дар императору из Эдо в Киото (там была резиденция императора) посылался белый конь, которого сопровождала процессия самураев. И однажды Хиросигэ попросил разрешение принять участие в этом шествии. Самураи ехали не торопясь, а устав, останавливались в гостиницах. Путешествие заняло две недели и позволило художнику увидеть природу своей страны. Результатом поездки стали знаменитые гравюры серии "Пятьдесят три станции Токайдо". Маленькие заснеженные деревушки, чайные домики небольшого приморского городка, горные перевалы, деревья, плывущие в тумане ранним утром... Все это возникло на его картинах. Невыразимая красота, удивительно гармоничное единение величественной природы и маленького человека. Пятьдесят пять листов серии сделал Хиросигэ знаменитым.

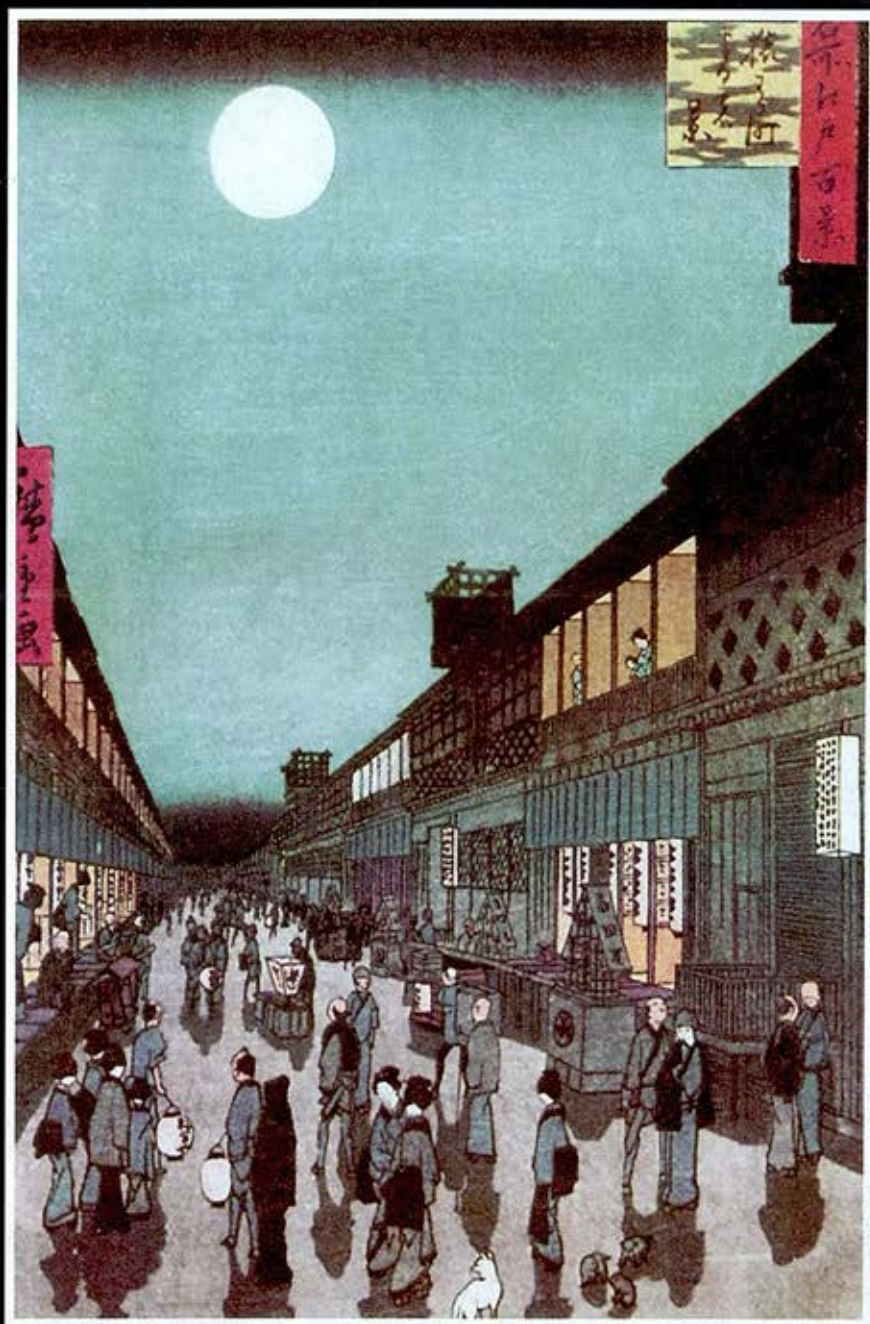
А еще — уверенным в своих силах мастером. Он создает не только пейзажи — Андо пробует себя и в историческом жанре, создавая гравюры к знаменитой в Японии трагедии Такэда Идзумо "Сокровищница самурайской верности", делает жанровые сценки — порой очень смешные, например, изображает нападение оставленной жены на новую пассию мужа. Более того, теперь он позволяет себе и определенную дерзость — создание карикатур, в которых дает собственную, весьма нелюбимую, оценку общепринятым взглядам и нормам. И конечно же, Андо продолжает творить образ Японии — "Виды Киото", знаменитые "Восемь видов окрестностей Эдо", "Восемь видов провинции Кинодзава", "Тридцать шесть видов Фудзи" и другие гравюрные серии показывали японцам, которые не могли путешествовать по стране по разным причинам (в частности, законы не очень способствовали свободе передвижения), красоту Японии, красоту ее разных уголков в разные времена года и суток. Тут и цветение японской вишни сакуры, и осенние клены, и лунный пейзаж, и спокойное течение реки, и бурные водопады...

В 1839 году умерла жена художника. Большое горе поселилось в его доме и в его душе. А через шесть лет он лишился и горячо любимого сына Тюдзиро. Трудно было жить, трудно было работать. Спасло его только искусство и новая любовь — Андо вновь женился, на бедной женщине, дочери крестьянина Оясу, взял на себя обязанности по воспитанию ее дочери. Видно, в этой простой женщине, в этой крестьянке было что-то, что привлекло к ней утонченного, изысканного, но с раненой душой, художника, заставило снова поверить в счастье.

В конце 1840-х годов Хиросигэ начал работать над серией "Сто видов Эдо", которую считал лучшей в своем творчестве. Создавалась эта серия несколько лет, завершил художник ее в 1858 году, и некоторые оттиски с деревянных досок сделаны уже после его смерти.

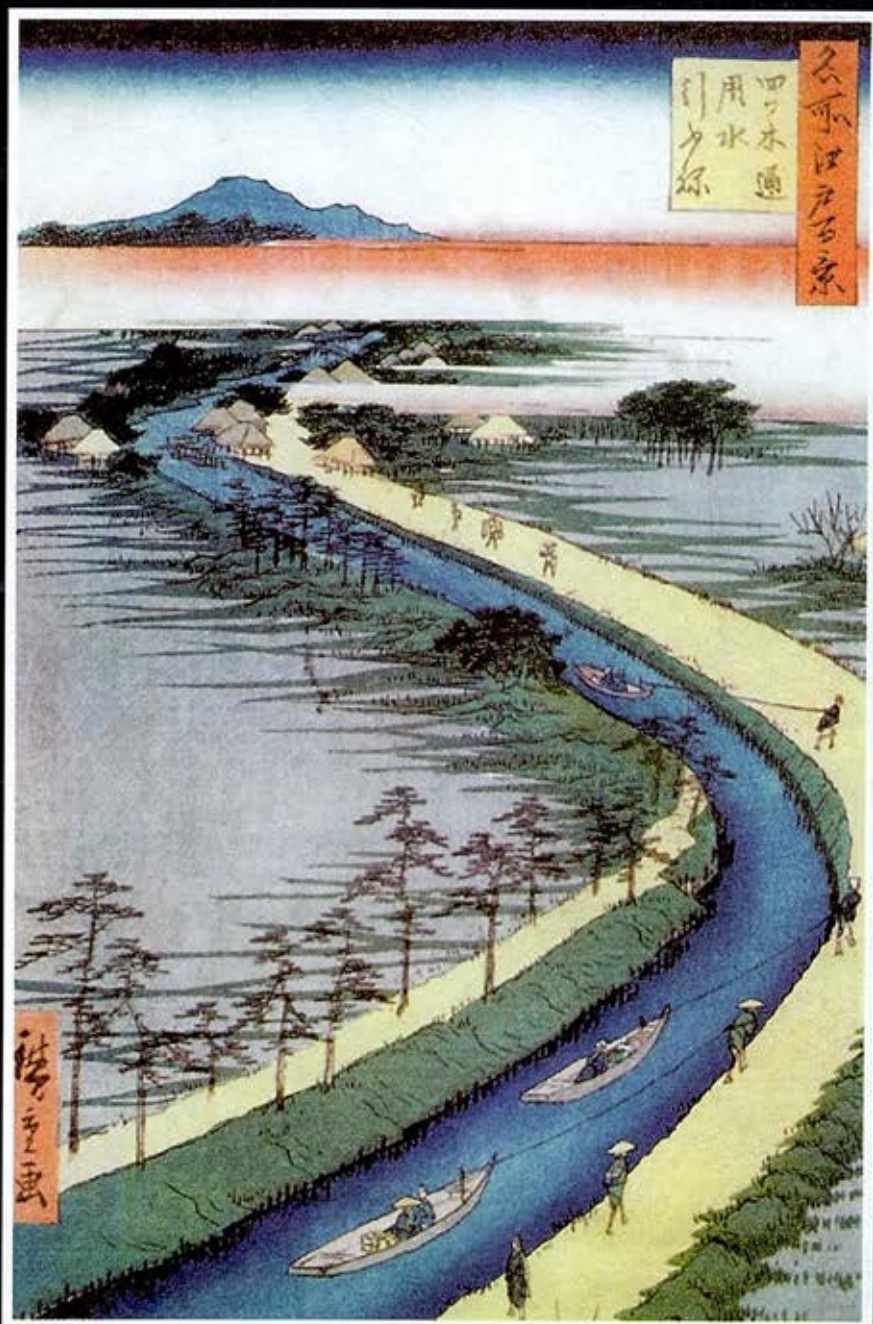
Хиросигэ словно приглашает нас совершить путешествие по своему любимому городу. И вот мы уже с Андо спускаемся к реке Сумидагава, проходим под мостом Эйтай-Баси, окидываем взглядом район Сузаки, приближаемся к устью реки в районе Цукуда-Дзима, а затем, идя по берегу, мимо округа Сиба, взбираемся на холм, где стоит караульная служба, и поворачиваем снова на ту дорогу, по которой начинали свой тур. Каждая гравюра сопровождается определенными пояснениями — картушами с названием серии, именем художника и описанием места. Эти картуши нисколько не портят картины, а даже вносят некий ритм в композицию, создавая своеобразные акценты. Хиросигэ не копирует точно вид местности, а создает ее чувственный образ, пейзаж — переживание, пейзаж — лирическое настроение, пейзаж в восприятии человека.

Хиросигэ стал самым известным в Японии пейзажистом. У него огромное количество заказов, часть которых выполняют почтительные ученики. Однако что-

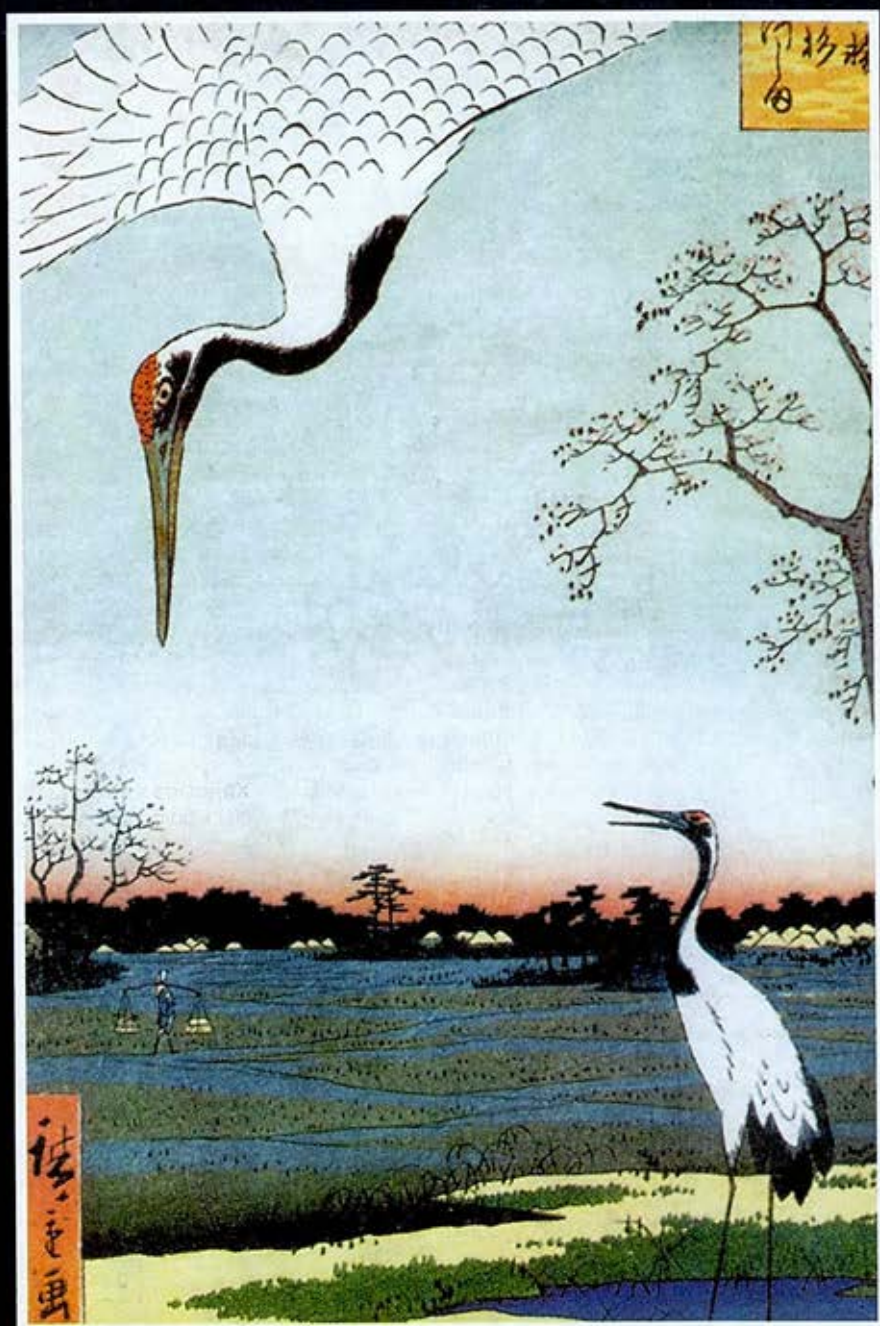

Ночной квартал Сарувана 1856

Бариси на канале Ецуги. 1857.

то в его душе надломилось. Ему не нравится то, что он делает. Нет новых идей. Андо стал задумываться о Боге, о своем предназначении. В 1840-х годах правительство Японии издало специальные указы, направленные против роскоши, в частности, запрещалось при изготовлении гравюр использовать дорогие краски, большое количество досок, дорогую бумагу. Хиросигэ не устраивают дешевые красители, дающие мертвый, резкий цвет. Творческая неудовлетворенность, тревога и неуверенность в том, что он живет не так, что искусство ничего не решает в жизни, не делает людей лучше и тоньше — вот что определяет теперь его состояние и его творчество. В 1847 году он стал послушником. Но при этом не перестает работать и путешествовать. Нет в душе его мира и гармонии, и его картины теряют цельность. Он делает серию харимадзэ — это несколько разрезных картинок на традиционном для гравюры листе, сделанные в разнообразных геометрических фигурах; на первый взгляд, они фрагментарны и бессвязны. И зрителю требуется определенное напряжение, чтобы через деталь, через тонкие намеки увидеть и представить себе целое. Клод Моне восхищался совершенством этих работ: "Утонченность их вкуса всегда нравилась мне, и я признаю их эстетику, основанную на намеках, их умение вызвать представление о предмете посредством фрагмента".

В 1856 году Хиросигэ принял постриг и стал монахом, которому позволялось жить в миру. Он готовил свою душу к смерти, часто говорил, что оставит занятия искусством, но все, видно, в его душе сопротивлялось этому, и работал он до конца. Работал над своей любимой серией — "Сто видов Эдо".

Андо Хиросигэ скончался 6 сентября 1858 года. От холеры. Тогда еще эту болезнь лечить не умели. Похоронили художника в буддистском храме Тогакудзи, стоявшем в районе Асакуса его любимого города Эдо. В этом же храме были погребены его родители. Перед смертью он написал такие строки: "На дорогах Адзума оставляю кисть, приготавливаюсь к путешествию, где увижу замечательные виды Страны Запада". Буддисты верят, что на Западе находится Амида, рай Будды. И конечно же, Хиросигэ ушел в Амиду.

А его работы стали известны во всем мире. Пейзажи Хиросигэ вдохновляли разных художников в разных странах, а простым любителям искусства рассказали о том, какая есть на Востоке чудесная страна — Япония. ■

иллюстрация **Геннадия Новожилова**

ЦАРСКИЙ СВОЯК

6
Любовь РУСЕВА

35

■ Касаясь вопроса верного служения Отечеству, мы зачастую можем говорить не об отдельных личностях, а о целых родах, прославивших Россию. Причем одни дали блестящую плеяду военачальников, другие — дипломатов, третьи — государственных деятелей, четвертые обессмертили свою фамилию благотворительностью. (Правда, последняя черта была присуща большинству родовитой знати.) Некоторые рода дали державе видных деятелей в разных сферах. В этой связи особую признательность потомков заслуживает княжеский род Куракиных.

В 1397 году знаменитый Витовт, расширяя пределы Литовского княжества, согнал с удела своего родственника Патрикия Александровича Звенигородского (что на Волыни), и тот осел в Новгороде. Правнук великого князя литовского Гедемина стал родоначальником Патрикеевых, Хованских, Булгаковых и других. От его праправнука, князя Андрея Ивановича Булгакова, по прозванию Курака, и пошли Куракины. В XVI и XVII столетиях 12 представителей этой фамилии были боярами. Андрей Петрович, например, во время пребывания Иоанна IV Грозного в Литве (1579) управлял Москвой, а в 1582 году он усмирил черемисов. Боярин Иван Семенович в 1606 году участвовал в заговоре Шуйского против Лжедмитрия, через два года он разбил Лисовского на берегу реки Москвы, а в 1614 "охранял Москву от крымцев". Федор Федорович Куракин был воспитателем царя Федора Алексеевича, в 1659 году он отразил от Лохвиц Выговского, в 1662 году управлял Москвой, затем участвовал в войне с Польшей. Памятен и смоленский воевода князь Иван Григорьевич Куракин, чей сын стал одним из первых и самых видных профессиональных дипломатов Петра Великого.

Князь Борис Иванович, образованнейший человек своего времени, оставил после себя не только ценные путевые записки и автобиографию "Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная", но и огромный архив — ценнейший материал для изучения истории петровского времени. В автобиографии князь Борис Иванович писал о своем рождении и крещении: "Июля 20 числа 184 года, 1676 года от Рождества Христова, в начале 6 часу дня родился

(по науке астрономии в квадратах фигуры о планетах долженствую объявить), в царство царя Федора Алексеевича, которой был мне восприемником, также и сестра его царевна Екатерина Алексеевна. И по рождении мать моя скончалась в пяти неделях, которую болезнь получила от самого моего рождения..." В пятилетнем возрасте мальчик остался круглым сиротой. Вскоре он был пожалован стольником к царевичу Петру и принимал участие в его потешных играх.

Гвардеец Куракин в составе Семеновского полка участвовал в обоих Азовских походах Петра. Биографы этого замечательного человека отмечают его отвагу на полях брани. Сам же князь Борис Иванович в автобиографии об этом даже не заикается.

Перед началом второго похода князь Куракин породнился с царем, женившись на родной сестре его жены Евдокии. "И того года, перед Масленицею, сговорил я жениться на дочери Федора Абрамовича Лопухина. Уже мне была супругою княгиня Ксения Федоровна. И перед Масленицей был сговор публичной, на котором сговоре все бояре были и другие персоны, и дарили..."

Сразу после похода двадцатилетний князь в числе молодых дворян отправляется по повелению царя в Венецию для изучения навигации, европейский языков, "равно как и для примечания чужестранных нравов и поведений". Уже письма и записки этого периода свидетельствуют, во-первых, о чрезвычайной способности князя к иностранным языкам (он овладел практически всеми европейскими языками), и во-вторых, о его любопытстве и жажде познать новое. Последняя черта сохранится до конца его жизни. Что касается языков, то он их схватывал на лету: даже находясь где-либо проездом (например, в Белоруссии и Литве), Куракин усваивал лексику и выражения, которые затем использовал в письмах и деловых документах.

Уже в этой первой заграничной поездке молодой Куракин обратил на себя внимание иностранцев трудолюбием, энергичностью, широтой интересов, холодным ироничным умом и пылким темпераментом. В Риме и Вене ему дали лестную характеристику: "Умен, способен к языкам, царю весьма предан. Несомненно, займет видное положение в государстве". В Венеции князь изучил математику, астрономию, механику, фортификацию. Позже, куда бы ни приезжал по дипломатическим делам Борис Иванович, он везде производил благоприятное впечатление своей обходительностью и умом. "Это очень честный человек, — писала курфюрстина ганноверская Софья. — Он кажется более итальянцем, чем москвитом, и владеет сим языком в совершенстве, со всей мыслимой учтивостью. Поведение его я нашла во всех отношениях безупречным". Это было чрезвычайно важно для державы, стремительно входившей на европейскую арену. И князь Куракин для престижа России сыграл немаловажную роль.

Не менее важным для молодой России были и наблюдения русских дворян над бытом, традициями и нравами заморскими. Наблюдательность князя, его любопытство и владение пером и в этом плане сыграли свою положительную роль. Любопытно читать записки человека, воспитанного в старых московских традициях, где он описывает жизнь европейских стран. Многое его поражает, многим он восхищается. Но даже то, что, казалось бы, должно было вызвать отторжение, Куракин приводит как факт, но не осуждает. Он все пытается понять и объяснить, либо воспринимает как есть и описывает с юмором. Как может отреагировать воспитанный в строгих правилах ортодоксальной церкви человек, узнав, что монахи с разрешения "санто фиции" (своеобразной полиции нравов католической церкви) посещают публичные дома, содержащиеся специально для них?!

О "санто фиции" и ее роли Куракин пишет нейтрально: "Санто фиция есть конгрегация в том конвенте у оцтов доминиканов, которые смотрят и остерегают все слабости религии каталицкой. И так имеют аувториту, что и самого папу могут судить, ежели б что кардиналы или папа сам противную какую в церкви своей учинили, или хотя бы папа секретно начал чинить, а уведали бы в санто фиции, могут, взяв его судить, и по правом чего надлежит тому и осудить. Токмо того никогда не делают и такие случаи когда бывають, то тех пап с консилию из санто фиции окармливают или каким секретным способом уморят".

Закончив обучение, князь Куракин в начале 1699 года возвратился в Москву и через несколько дней овдовел. Царь в это время строил флот в Воронеже, поэтому Борису Ивановичу пришлось ехать туда для "сдачи" экзаменов. Петру приятно было видеть похвальные грамоты и дипломы молодых специалистов, но он предпочитал верить не бумажкам, а себе, потому и экзаменовал каждого возвратившегося "студента".

В 1700 году началась длительная Северная война, и князь участвует во многих ее сражениях. За первые пять лет он дослужился до майора. Куракин отличался слабым здоровьем, и этим воспользовался Петр: под видом поездки на лечение царь послал князя с дипломатической миссией в Литву, Польшу, Германию и Голландию. Конечная же цель путешествия — переговоры о заключении союза с Венгрией. Куракин, легко устанавливая контакты с государственными деятелями, блестяще справился со своей миссией. Начатые им переговоры с Венгрией принесут со временем свои плоды — взаимные обязательства двух стран будут подписаны.

Карл XII пытался лишить Петра I одного из союзников, своевольно назначив польским королем Станислава Лещинского. Царь срочно отправляет к папе Римскому посольство, чтобы убедить Климента XI не признавать протекже шведского короля и заставить его действовать в самой Польше против Станислава Лещинского как врага католицизма. При этом князь Куракин, посланный в Рим "без характера" должен был показать, что сам царь не враг католицизма. После долгих споров по поводу церемоний при представлении папе сошлись на том, что князь не дважды, а всего лишь раз будет целовать папу в ногу.

"Теперь буду описывать римскую свою бытность, которую похвально напишу, что никогда никто московской нации в приемности такого гонору и порядком не был принят, где во всех церемониях так установил, как и чести Царского Величества, так и к своей персоне, как и других прочих министров европейских и князей от санкви (крови) принимают.

И быв на авдиенции, целовал у папы ногу, также и на всех авдиенциях ногу целовал; и потом кардиналам отдавал визиты, где и мне все оные отдали визиты, всех с восемнадцать человек. И потом имел рыгалы цукорами и другими галантереями..."

И снова подробное описание нравов. Кардиналы, например, во время службы свою красную скуфью снимают только в присутствии папы, "а кроме того никогда не снимают, хотя б цесарь, или кто из принцев ни был..." Вне службы, бывая в частных домах, они "имеют обхождение простое со всеми, и сидят равно, где и прочие; также и с кем будут иметь нужду конверсовать, конверсуют, сидя в ровном лице, просто, без тех осторожностей, как в церемониях".

Судя по дневниковым записям и путевым заметкам, пяца Навона, где всегда большое скопление карет, часто бывает местом "баталий", которые могли привести и к дипломатическим конфликтам. Так, 11 августа 1707 года князь наблюдал за любопытной сценой между графом Сарау и испанским "gentilom ambas-

cadure". Первый был в карете, а второй в "бирочке" (двухколесная тележка). Лошади испанца обрызгали графа, и тот приказал кучеру специально обрызгать испанца. На следующий день три лакея публично избili кучера, и "из того родилась ссора. И конте Сагау послал до посла гишпанского, чтоб учинил в 24 часа sodisfacione, а ежели не учинит, намерен сам учинить, когда дождался посла гишпанского самого и звать его на шпагу. И тем ему хочет афронт учинить. И впредь что будет, будем о том писать".

Сообщил князь на Родину и о нечистоплотном авантюристе, бывшем в Риме аббате, который находился в то время на русской службе в чине генерал-майора и выдавал себя за принца. Аббат тщетно добивался епископства и кардинальства, наделал долгов на 5 000. Узнав об этом, брат его, испанский генерал, насильно увез должника и запер на два года в крепости, пока не собрал нужную сумму для выплаты долга. И случился с этим самым аббатом на этой самой площади Навона "великий афронт": "случился ему ехать и встретить принца Юстиниана, в котором переулке не могли разехаться, только кому-нибудь назад было должно уступить. И съехавшись, кучеры так стояли. Когда Юстиниани, увидав то упрямство, зная римское обыкновение, тотчас карету оставя одну, а сам вышел, и с лакеем пошел пешком, а кучеру не велел уступать места". Видно, карета Юстиниана оказалась гораздо мощнее и крепче кареты будущего русского генерала, поскольку его кучеру удалось высвободить лошадей, вырваться из затора и при этом сорвать кровельный верх кареты аббата. "И потом тот принц Дарамштат просил садисфации, ничего не мог получить, только что тот кучер был на некоторые недели от дому отказан. И хотел идти на дуэль, только не пошел". Дуэли самозванный принц испугался и не нашел ничего лучшего, как поступить на русскую службу, где стал генералом. Можно только догадываться о реакции Петра на это известие, Меншиков, которому постоянно Куракин писал, думаю, хохотал до колик.

После Рима князь по приказу царя посетил Венецию. Встретившись с главой Венецианской Республики, посол докладывал, что Венеция желает упрочить дружбу с царем, согласна торговать даже в случае войны России с Портой и собирается снарядить к нам корабль с восточными товарами.

На обратном пути Борис Иванович останавливается в Вене. Как всегда он описывает традиции и нравы, сравнивая их с римскими. Музыка в венском придворном костеле тоже хороша, но не сравнится с итальянской. В Австрии князю во время аудиенции у императора пришлось целовать не ногу, а руку. Удивил его ужин у старой императрицы, где за столом прислуживали придворные дамы. "И есть носили, и ставили, и резали. И пить подавали, как цесарю, так и другим. И перед всяким было по маленькой солоночке. И первой кубок пил цесарь про здоровье матери и других. А между собою мало разговоров было; токмо кавалеров была камора полна и набита вся, и великою смелостью с дамами разговаривают без всякого опасения. А когда цесарь не выпил первого кубка, тогда все министры стояли при столе, а как выпил, то отдав поклон и поехали по своим домам..."

Во время аудиенции у императора обязательно делали три поклона: у входа, посредине зала и у рундука. После речи целовали руку и пятились с теми же тремя поклонами. Все входит при шпагах и в шляпах. Чтобы попасть на аудиенцию, Куракину пришлось рано поутру просить об этом обер-камергера, затем напомнить перед обедом. Тогда ему назначили время на полшестого. Но это не значит, что посол будет принят именно в это время, поскольку при тамошнем дворе принято было "выдерживать" людей в "предбаннике" несколько часов.

Но удивило князя в данной ситуации то, что вместе с другими более часа заставили ждать и саксонского кардинала. В отличие от венского двора, в Риме кардиналов не заставляют часами ждать, они просто приезжают в назначенное время.

Видно, обычай главного цесаря Европы считался нормой, но русский царь придерживался другого правила. Петр назначал аудиенцию, когда выкраивал свободную минуту и не любил ждать посланников. Один такой европеец поплатился за опоздание. Петр Алексеевич назначил ему аудиенцию на 4 часа утра. Естественно, тот опоздал, а царь-батюшка еще более естественно не стал его дожидаться и отправился в Адмиралтейство. Когда посланник явился во дворец в половине пятого, то ему пришлось отправиться вслед за Петром, ибо дело было чрезвычайно важным. Царь же в это время осматривал мачту строящегося корабля и пригласил подняться к себе посланника. Русские вельможи и моряки здорово потешались, наблюдая, как дипломат пытается сделать на верхотуре обязательный реверанс. Поделом, не нужно опаздывать, тем более, когда дело не терпит отлагательства. После часа беседы на мачте посланник спустился едва живой.

Не успел князь вернуться в Россию, как Петр снова его посылает в Вену, Прагу, Гамбург, Ганновер, Амстердам, Эгер и Братиславу с целью помешать вербовке волонтеров в шведскую армию, что могло повлиять на исход Северной войны. Куракин успешно справился с поручением и был произведен в генерал-майоры. В этом же 1708 году стало известно о предательстве Мазепы, и царь поручает своему свояку чрезвычайно опасное и очень важное дело: доставить из Киева в Глухов малороссийских епископов для избрания нового гетмана.

В следующем году князь Куракин снова отличился, но уже на поле брани. Во время Полтавской битвы он командовал Семеновским полком, и оказал существенное влияние на исход сражения. Карл XII упредил действия русских войск, и на рассвете 27 июня 1709 года основные силы шведов навалились на участок, где стояли семеновцы. Корпус под руководством Куракина выдержал натиск генералов Розена и Шлиппенбаха, а затем отрезал их от главной армии и заставил сдать.

Любопытно, что после Полтавской виктории Борис Иванович попадает в кратковременную опалу, и причиной тому — его пристрастие к дипломатии. Быть умелым и отважным военачальником и отказываться от ратного дела? Но князь отчетливо понимает — он прирожденный дипломат и должен заниматься своим делом. С этого же года он становится послом одновременно в Ганновере, Лондоне и Амстердаме.

В Ганновере Куракин убеждает курфюрста Георга, будущего короля Англии, отказаться от услуг шведского двора и вступить в союз с Россией. Переговоры продолжались более полугода: Георг не решился заключить союз, но Куракину удалось устранить враждебность Ганновера к России. В Англии и Голландии по заказу князя строили и покупали корабли, он приглашал на русскую службу иноземцев и присматривал за учившейся в Европе русской молодежью. В Лондоне Куракин успешно вел переговоры о нейтралитете Англии по отношению к союзнице России — Дании.

В 1711 году Борис Иванович становится полномочным министром при английском дворе и Голландских Штатах. С этого времени князь уже не возвращается на Родину — живя в Гааге, он блестяще отстаивает интересы России. В 1717 году, во время второго путешествия по Европе, Петр I останавливался у него в гаагском доме.

Успехи Куракина в немалой степени можно объяснить и тем, что он считал моральные принципы самым важным качеством дипломата, дорожил репутацией честного партнера. Петр I высоко оценил его заслуги на дипломатическом поприще, наградив высшим орденом Российской империи — Андрея Первозванного.

Опытный дипломат видел политику европейских стран целиком, а не в отдельной взятой стране. Он прекрасно знал все пружины, которые в скором времени могут заработать. В своих донесениях князь постоянно советовал, как нужно вести себя с различными странами. Борис Иванович сообщает о сближении непримиримых Англии и Франции, что было чревато для России. Гага в тот период считалась чрезвычайно важной в дипломатической жизни Европы, потому Англия, враждебная нам, так давила на Голландские Штаты. "Господа голландцы, — писал Куракин, — в великой конфузии находятся. Мое мнение: если эти государства все больше и больше будут приходить в несогласие, то, конечно, в нас нужду иметь будут, и в таком случае, приняв меры, требуемые нашими интересами, не надобно упускать времени заключить с ними хотя оборонительный союз и свой кредит устанавливать; но теперь пока надобно относиться одинаково как к Англии, так и к Голландии".

В феврале 1713 года английский посланник в Голландии лорд Страффорд прямо сказал князю Куракину:

— Англия никогда не захочет увидеть в разорении и бессилии корону Шведскую. Намерение Англии — содержать все державы на севере в прежнем равновесии. Выгоды нашей торговли требуют, чтобы мы старались о прекращении Северной войны. Россию трудно помирить со Швецией: ваш государь хочет удержать все свои завоевания, а шведский король не хочет ничего уступить. По моему мнению, Ливонию нельзя отнять у Швеции. Надеюсь, что ваш государь удовольствуется Петербургом, о чем у нас есть уже известия. Нарва по своему положению одинаково нужна обеим державам.

"Во всяком случае, — писал Куракин, — мы с своими союзниками никакой надежды иметь не можем: министры императорские, видя свое бессилие, очень щадят шведа; здешние Штаты хотя бы и намерены были что-нибудь для нас сделать, да бессильны, делают только то, что угодно Англии".

Страффорд внушал влиятельным людям в Голландии, что если царь будет иметь гавани на Балтийском море, то вскоре выставит свой флот, который будет вреден многим государствам. "Английское купечество, торговавшее на Балтийском море, — писал историк Соловьев, — подало королеве проект, в котором говорилось, что если царь будет иметь свои гавани, то русские купцы станут торговать на своих кораблях со всеми странами, тогда как прежде ни во Францию, ни в Испанию, ни в Италию не ездили, а вся торговля была в руках англичан и голландцев; кроме того, усилится русская торговля с Данией и Любеком".

На эти враждебные заявления последовала угроза Петра.

— Я, — сказал он Гоусу, — желаю иметь посредниками цесаря и Голландские Штаты, ибо надеюсь на беспристрастие этих держав. Не отвергаю и посредничества Англии, только подозреваю ее в некоторой враждебности к себе. Я готов со своей стороны явить всякую умеренность и склонность к миру, но с условием, чтобы медиаторы поступили безо всяких угроз. В противном случае я разорю всю Ливонию и другие завоеванные провинции, так что камня на камне не останется; тогда ни шведу, ни другим претензии будет иметь не к чему.

Передавая эти слова Петра, Гоус внушил своему правительству, что с царем надо быть осторожным, что он очень желает мира, но враждебными действия-

ми принудить его ни к чему нельзя. "Сие донесение, — писал Куракин, — нашим делам не малую пользу учинило".

Особенно ярко проявился талант князя Бориса Ивановича в 1713 году на Утрехтском конгрессе, подведем итоги войны за Испанское наследство (1701-1714). Он не допустил на нем обструкции "северных дел", тем самым предотвратил вмешательство других стран в Северную войну на стороне Швеции. Более того, Куракин удержал Англию от проявления открытой враждебности к России. Став одним из гарантов Утрехтского договора, Россия обязалась защищать мир всеми средствами, вплоть до применения вооруженных сил против его нарушителя.

В апреле 1714 года царь направил свояка на Брауншвейгский конгресс, созданный по инициативе Австрии и призванный положить конец Северной войне. Однако Карл XII сорвал работу этого конгресса. В это же время ганноверский министр Бернсдорф объявил Куракину о желании курфюрста принять участие в дележе Шведского наследства. За Бремен и Верден он обещал установить союзнические отношения с Россией. План Ганновера приобрел особую ценность, когда его курфюрст стал английским королем Георгом I. В ноябре 1714 года в Лондон отправился чрезвычайный и полномочный посол князь Куракин. Однако в ходе переговоров выяснилось, что власть короля чрезвычайно ограничена, а его влияние на политику ничтожно. Вопрос о союзных отношениях между двумя странами снова подняли в 1716 году в связи с военными и дипломатическими успехами России, и в марте Куракин прибыл в Лондон на переговоры. Он должен был заключить торговый и оборонительный договоры, причем последний предусматривал обязательства о взаимной помощи и взаимных гарантиях. Но неожиданно позиция Англии резко изменилась: 31 марта 1716 года англичане потребовали немедленно подписать отдельно торговый договор без заключения намеченного союзного договора. Куракин отказался это сделать без согласия и инструкций своего государя. Переговоры пришлось прервать, и князь вернулся в Гаагу.

К середине 1716 года позиции России значительно упрочились, ей удалось добиться почти полной изоляции Швеции. На повестку дня встал вопрос о мире, и король готов был пойти на контакт. Князь провел в Гааге и в Амстердаме предварительные мирные переговоры. Однако в начале следующего года англичанам удалось уничтожить Северный союз, возникла угроза образования общеевропейской коалиции, направленной против России. Чтобы предотвратить сближение Англии с Францией, Куракин организовал поездку Петра I в Париж. Именно тогда царь остановился в гаагском доме русского посла и собственноручно вручил ему орден Св. Апостола Андрея Первозванного. Куракин отправляется вместе с Петром во Францию, где не только участвует в переговорах, но и становится переводчиком царя.

После отъезда царя на отдых в Спа переговоры вели Куракин и Шафиров. Их усилия увенчались успехом: 15 августа 1717 года Россия, Франция и Пруссия подписали в Амстердаме исторический договор "для содержания генеральной тишины в Европе", в соответствии с которым три державы вступали в оборонительный союз, предусматривавший взаимную гарантию безопасности владений. От имени России договор подписали канцлер Головкин, Шафиров и Куракин. По условиям договора Россия признавала Утрехтский мир 1713 года, Франция соглашалась заранее признать условия будущего русско-шведского договора, отказываясь от продления франко-шведского договора 1712 года, то есть Швеция оставалась без французской политической и финансовой поддержки. В результате Карл XII был вынужден начать с Россией мирные переговоры.

В 1722 году, во время Персидского похода Петра, Борис Иванович руководил всеми российскими послами. Донесения они слали ему, а не царю, и от него получали указания, как действовать. В начале 1724 года князь Куракин стал чрезвычайным и полномочным послом в Париже. Петр возложил на свояка хлопоты о бракосочетании французского короля Людовика XV с великой княжной Елизаветой Петровной. "Мы желаем, чтобы сей последний жених Нам зятем был, в чем гораздо прошу всевозможные способы к тому употребить и твой труд по крайней важности". Однако этот брачный союз был невыгоден многим европейским державам. В конце 1724 года Куракин сумел убедить царя и добиться его согласия нормализовать отношения с Англией. Та решила направить в Петербург своего посла и, что особенно важно, согласилась признать за царем императорский титул.

После смерти Петра Великого, Екатерина I пожаловала Куракина действительным тайным советником. В это время (1725) Европа раскололась на два враждебных политических лагеря: Венский (Австрия и Испания) и Ганноверский (Англия, Франция и Пруссия). Оба союза боролись за привлечение на свою сторону России. Для разрешения конфликтной ситуации оба блока решили созвать конгресс "ради восстановления генеральной тишины в Европе". Местом его проведения был выбран Суассон. Коллегия иностранных дел одним из русских представителей на него назначила опытного князя Куракина. Но в самый разгар подготовки к конгрессу Борис Иванович скончался.

Сын его Александр Борисович, бывший посол во Франции, перевез тело отца в Москву, где царского свояка и одного из самых замечательных петровских дипломатов похоронили в фамильном склепе Чудова монастыря в Кремле.

Перед смертью князь Борис Иванович Куракин завещал своему сыну построить в Москве богадельню с церковью для пятнадцати заслуженных офицеров, обеспечив ее надлежащим доходом.

Сын царского свояка Александр Борисович (1697—1749) одним из первых представителей русской знати получил образование за границей. Будучи послом при Версальском дворе, он сумел с помощью Франции добиться нейтралитета Турции во время Персидского похода Петра I. Вернувшись в Россию, он занимал ряд придворных должностей.

Внуку князя Куракина — Борису Александровичу — еще не исполнилось тридцати лет, когда его назначили президентом коллегии экономии (министром финансов). Его преждевременная смерть огорчила чрезвычайно императрицу Екатерину II. Незадолго до кончины князя она писала ему: "Князь Борис Александрович. Я безмерно сожалею, что вы больны и желаю слышать о вашем облегчении. Рекомендую вам для того оставить все ваши труды по делам, на вас положенным, потому что вы, — как слышу, — и в болезни их не покидаете. Не беспокойте себя отнюдь ничем, по коих пор совершенно не выздоровите. Я слышу, что вы лекарств не принимаете; пожалуй, хотя для меня поберегитесь: мне ваше здоровье надобно. Екатерина".

Внук царского свояка умер на тридцать первом году жизни. Все современники отмечали, что даже в этом возрасте он был уже "замечательным государственным мужем и обещал сделаться одним из величайших людей своего Отечества". Его старшего сына — Александра Борисовича II, одного из самых видных представителей рода, современники называли "великолепным" князем, а потомки — "другом царей". Его младший брат Алексей при императоре Павле был генерал-прокурором, при Александре I — генерал-губернатором Малороссии, с 1807 по 1811 годы — министром внутренних дел, позже — членом Государственного совета.

иллюстрация **Алексея Берж-Берткевича**

36

Светлана БЕСТУЖЕВА

88

Юридическая из Компьютера

Часть вторая.

Глава тринадцатая. Пожар на Рождественке

“Где бы какого психа ни носило — обязательно на тебя налетит”, — крутился у меня в голове один из тезисов, терпеливо и любовно подбирившихся моим мужем во время нашего брака по отношению ко мне. Человек творческий, он просто не мог без чеканных формулировок. Человек более чем неглупый — чрезвычайно редко ошибался. А уж по отношению ко мне — никогда.

Дело не в том, что я собиралась в дальнейшем вести жизнь монахини — отнюдь. Я все-таки была еще достаточно молодая и в меру привлекательная женщина. Но после короткого и не слишком приятного романа с блистательным Александром, а особенно после вынужденного переезда и всем с этим связанного, какой-то участок моего мозга оказался заблокированным, и личная жизнь фактически свелась к общению с Галкой, Мариной и Володей.

А поскольку людьми они были работающими и занятыми, да и ко мне на выселки (равно как и от меня) ехать — удовольствие ниже среднего, то я получила то, что получила — почти полное одиночество. Телефонные разговоры, естественно, не в счет. А попытка слегка расширить круг общения, введя в него нового человека, оказалась не слишком удачной. Больше я таких попыток не делала: наверное, где-то там, наверху, решили, что мне для разнообразия нужно и уединения вкусить.

В результате мерзким и слякотным вечером я тащилась на очередное заседание клуба любителей детективов в гордом одиночестве.

От вялых и невеселых размышлений я поневоле оторвалась, когда обнаружила, что улица перекрыта невероятным количеством пожарных машин. На темноватой, в общем-то, вечерами Рождественке было светло, как днем, и так же оживленно. Со свойственным мне оптимизмом я решила, что горит именно то здание, где находится мой клуб. Ошиблась: горели, причем практически открытым огнем, верхние три этажа монументального здания, где, по моим представлениям, находилось Министерство Морского Флота. И где когда-то, в незапамятные времена, работал Володя.

В клуб я, естественно, опоздала, свободных стульев уже не было, но мой излюбленный подоконник был в моем распоряжении. Вообще-то такой аншлаг был чем-то новеньким: обычно в зале всегда есть свободные места, благо помещение достаточно просторное. Но на сей раз, видимо, предстояло что-то не совсем обычное.

Когда я отдышалась и осмотрелась, то обнаружила, что на сей раз презентуется, точнее, рекламируется творение пресс-секретаря одного очень известного политика.

— Вы здесь первый раз? — услышала я над ухом шепот и подняла глаза.

Надо мной склонился мужчина средних лет и, в общем-то, приятной наружности. Очень темный шатен, в очках и с довольно приличными зальсинами надо лбом. Слава Богу, не роковой красавец! И даже без усов, зато глаза внимательно-ласковые, насколько их позволяли разглядеть слегка затемненные очки.

— Почему вы так решили? — задала я встречный вопрос, хотя сама терпеть не могу такую манеру вести разговор.

— А у вас такое выражение лица...

— Идиотское, — услужливо подсказала я.

— Я бы сказал — непосредственное, — усмехнулся мой собеседник.

На нас начали оглядываться присутствующие. Откровения пресс-секретаря меня не взволновали, скорее, начинали активно раздражать, посему я решила выйти в

холл и покурить. Глядишь, говорильня закончится, можно будет пообщаться кое с кем из знакомых.

Достав сигарету, я обнаружила горящую зажигалку в непосредственной близости от своего носа. Зажигалку держал шатен, которому я тут же выставила два плюса: курит и обладает хорошими манерами.

— Так вы здесь впервые? — снова задал он тот же самый вопрос. — Вообще-то я сам здесь первый раз, должен был с другом встретиться, а его все нет и нет. Простите, что я к вам прицепился, но у вас на лице было просто написано: "Какая гадость!"

— А вы считаете, что — прелесть? — скептически усмехнулась я. — Зарабатывать деньги и имя на чужом грязном белье... Нет, я слишком брезглива. Да и не интересно мне, кому, за что и сколько его шеф платил и от кого получал. Это не детектив, а просто уголовка. Причем очень грязная уголовка.

— А на угощение останетесь?

Подловил!

— Обязательно. Я голодная, до дома ехать далеко, икра и шампанское, как налю, вчера закончились, а я без них заснуть не могу... Вот закушу тут и поеду со спокойной совестью в родные пенаты.

Мой собеседник расхохотался, от чего сразу стал выглядеть моложе и симпатичнее. Я какое-то время крепилась, но потом тоже не выдержала.

Отсмеявшись, мы решили познакомиться. Точнее, Андрей представился мне, а я назвала свое имя. Государственной тайны я при этом не выдавала, так почему бы и нет? Если бы я пришла не одна, я бы, конечно, не стала флиртовать с кем-то еще...

Пятнадцать минут спустя мы болтали с Андреем уже вполне непринужденно.

— Вы просто любите детективы или пишете их? — поинтересовался Андрей.

— Кто же не любит детективы? Но я их не пишу, а перевожу. Проще получается.

— В каком смысле?

— А в том, что со словами у меня все в порядке — запас достаточно богатый, а вот с мыслями случаются перебои. Перевод же — идеальный вариант.

— И с какого языка?

— Могу с английского, могу с французского. Как говорится, читаю на этих языках без словаря и... ничего не понимаю.

— Не знаю, как с мыслями, — рассмеялся Андрей, — но с чувством юмора у вас явно все в порядке.

— Вы так думаете? Что ж, приятно слышать. Это мое качество далеко не всем нравится.

— У людей разные вкусы. Я, например, терпеть не могу чопорных зануд.

— Удивительное совпадение. Я тоже.

— Может быть, у нас найдутся и другие общие интересы?

— Поживем — посмотрим, — философски заметила я. — Кстати, кажется, говорильня закончилась. Шутки шутками, но я действительно не прочь что-нибудь съесть.

Когда началось застолье, в смысле, фуршет, я поняла, что вечер, в принципе, удался, искомую дозу положительных эмоций я получила, шампанское меня взбодрило, но не лишило ни безупречности макияжа, ни сдержанно-хороших манер. Все-таки возраст со счетов сбрасывать не приходится, и на четвертом десятке лет как-то несолидно резвиться со всей непосредственностью восемнадцатилетней девы. А эта самая непосредственность, сохранившись на удивление хорошо, меня нередко подводила.

— Вы разрешите мне проводить вас? — спросил снова возникший возле меня Андрей.

— А не боитесь? — скептически осведомилась я.

— Не знаю, что вы имеете в виду, но скорее всего не боюсь. Даже ревнивого мужа.

— Это вам не грозит.

— Значит, никаких проблем.

— Я далеко живу.

— В Волоколамске? Или в Клину?

— Нет, в Москве, но на окраине.

— Куда еще метро не протянули?

— Протянули. Но на нем надо ехать долго-долго.

— А я не тороплюсь. Впрочем, если вы возражаете...

— Наоборот. Приятно, что не нужно будет одной в темноте добираться до подъезда. Я трусиха, каких поискать, а от метро до моего дома шлепать минут пятнадцать, да еще последнюю часть пути — темным двором.

— А зачем же тогда одна ходите?

Я только пожала плечами. Неглупый, вроде бы, человек, а задает такие вопросы.

— Поехали, — разрешила я. — Только не говорите, что я вас не предупреждала. Если что, жалобы будете писать на самого себя, особенно когда придется одному возвращаться ночью домой. Ночевка исключается.

— Возможно, вас это удивит, — суховато отозвался Андрей, — но я уже взрослый мальчик и давно самостоятельно отвечаю за свои поступки. Особенно те, которые касаются женщин. Но если бы вы подарили мне несколько минут вашего времени...

— И чашку горячего чая? — не без ехидства осведомилась я.

— Ага! — не слишком интеллигентно откликнулся мой собеседник. — Только не думайте, пожалуйста, что я собираюсь на вас набрасываться с поцелуями и объятиями. Терпеть не могу отказов.

— А вдруг я соглашусь? — обнаглела я. — Вдруг именно на такое времяпрепровождение я сегодня вечером и рассчитывала? Поцелуй там, объятия, то се... Иначе с чего бы вам в такую даль тащиться?

Обнаглела, похоже, от растерянности. А Андрей посмотрел на меня так, будто прикидывал, до какой степени я серьезна.

— Это — вряд ли, — вынес он приговор. — Во всяком случае, не сегодня.

— Уговорили, — рассмеялась я. — Чаем я вас напою, а потом невежливо выставлю, потому что завтра у меня куча работы, да к тому же мечтаю хорошенько выспаться. Не то, чтобы я была особой неженкой, но поездки в метро меня всегда утомляют.

— Купите машину.

— Ну, тут уж проблем не будет вообще. В лучшем случае, я доеду до первого столба, на чем все и закончится. Это — не мое.

— Да, машины действительно нужно любить, иначе и заводить не стоит.

— Не говоря уже про то, что денег на лимузин я пока не накопила, — не без ехидства заметила я. — Кажется, вы тоже.

Это замечание Андрей предпочел оставить без ответа.

— В общем, пьем чай, трогательно прощаемся, и я начинаю осуществлять главную часть программы: глубокий и здоровый сон. Часиков эдак до десяти...

— Счастливая. А мне еще всю ночь работать...

— Кем же вы трудитесь? Если не секрет, конечно.
Андрей бросил на меня короткий взгляд и ответил:
— Конечно, секрет.

“Ма! Я, конечно, свинтус, но ты не поверишь, как быстро тут летит время. Я все время собирался тебе написать, как только стали известны результаты спектрального анализа твоих локонов и другого материала (ты знаешь, какого), но то забывал, то вообще не писал. Прости, пожалуйста.

Значит, никакой ртути нигде не обнаружено. Зато и в первом образце (волосы), и во втором (прах) — явный радиоактивный фон, в первом, правда, значительно меньше. Что это значит — понятия не имею, поговори с отцом или с дядей Володей.

Как ты себя чувствуешь? Уже привыкла к новой квартире? Летом приеду — проверю и сделаю ремонт.

Лобзюю. Твой непутевый сын”.

Глава четырнадцатая. Сюрприз старого дивана

В квартире, разумеется, было не слишком прибрано. Но я решила этим пренебречь. Главное, чтобы по стульям, креслам и просто по полу не валялось нижнее белье, а постель была более или менее аккуратно застелена. На письменном столе у меня всегда — творческий беспорядок, в просторечии — бардак, а пыль я вытираю только тогда, когда кто-нибудь из наиболее остроумных гостей пишет на экране телевизора “Светлашка-неряшка”. О том, что творится под тахтой и шкафами, лучше не думать. Да я и не думаю... почти.

Впрочем, Андрей оказался достаточно воспитанным человеком и ограничился замечанием о том, что у меня очень уютно. Пусть лицемерие останется на его совести, хотя после столичного метрополитена и особенно стандартно-загаженного подъезда “хрущобы” мои апартаменты могут показаться вполне даже пристойными. По контрасту, так сказать.

Я пошла на кухню заваривать чай, на ходу соображая, можно ли вообще приглашать туда постороннего человека и не слишком ли нынче вечером обнагтели тараканы, которых лично я боялась до дрожи. Поэтому я предложила гостю пару минут поскучать в комнате без меня, точнее, немного освоиться. Но скучать не пришлось никому. Через какое-то непродолжительное время Андрей возник в дверях кухни.

— Светлана, можно вас на минуту?

— Что случилось?

— Кое-что. Пойдемте в комнату... пожалуйста.

В комнате ничего экстраординарного не происходило, беспорядка не увеличилось, но, к сожалению, и не уменьшилось. Андрей кивнул в сторону двери на лоджию и спросил:

— Что вы там храните?

Я пожала плечами. Если честно, сама уже не совсем точно знала — что именно. А признаваться в том, что устроила там гибрид чулана с помойкой как-то не хотелось.

— Да так, не разобранное... не очень нужное... если честно, точно не помню. Все руки не доходят, да и сил нет: после переезда неважно себя чувствую, да и основной работы всегда хватает, можно сказать, живу от аврала до аврала. А почему вы спрашиваете?

Андрей протянул руку в направлении лоджии, и в руке у него что-то запищало. Сначала мне показалось, что в комнату залетел комар средних размеров, но потом дошло, что писк какой-то неживой.

— На лоджии-то у вас источник радиации, — скучным голосом сообщил мой гость. — Фонит что-то. Слышите, дозиметр сигналист. Я подошел к двери, а он как запищит.

— Вы что, постоянно ходите с дозиметром? — учтиво осведомилась я. — Следите за чистотой окружающей среды?

— Я достаточно часто хожу с дозиметром, — все тем же скучным голосом отреагировал Андрей. — И, как видите, не всегда зря. Разрешите, я попробую установить причину этого... фона.

— Попробуйте, — согласилась я, уже совершенно ошалев.

— У вас есть резиновые перчатки?

С таким же успехом он мог попросить у меня пожарную каску. Или бронежилет.

Андрей, видимо, понял, поэтому лишь вздохнул и достал из кармана нечто, оказавшееся тонкими и прозрачными пластиковыми перчатками. Не человек, а ходячая санитарно-эпидемиологическая станция: сначала дозиметр, потом перчатки.

— Простите, — обратилась ко мне "санэпидстанция", — здесь довольно темно. Может быть, настольная лампа?..

Пять минут спустя, держа на весу оную лампу, каким-то чудом еще не перегоревшую, я тупо наблюдала, как мой гость обыскивает лоджию, делая дозиметром какие-то круги и ломаные линии. Жужжание менялось, то затихало, то усиливалось, пока, наконец, не обнаружился квадрат, где звук был почти стабильным. Источник его, судя по всему, находился в стоящем на лоджии старом диване, о котором я почти забыла. Почти...

— Давно у вас этот... экспонат?

Диван, действительно, был выдающимся. Произведение мебельного дизайна середины шестидесятых годов, не приобретающее с годами ни благородного изыска старины, ни хотя бы очарования примитива, да еще довольно долго простоявший на неотапливаемой лоджии, этот лежак мог впечатлить любого человека, даже со здоровой нервной системой. Почему-то диван сей был очень дорог моему покойному мужу. Единственная вещь, с которой он не пожелал расстаться, когда мы, сделав ремонт в нашей с ним квартире, обставили ее практически заново.

— Этот диван? — тупо переспросила я. — Он не мой, а... В общем, муж купил его лет тридцать с лишним назад. Мы тогда еще... То есть я тогда еще в школу не ходила... А в чем дело?

На кухне заливался свисток чайника, автоответчик через определенные интервалы подавал сигнал о том, что на нем имеются сообщения, а я стояла и бездумно наблюдала за тем, как мой новый знакомый, совершая чудеса эквилибристики на крайне ограниченном пространстве лоджии, вполне профессионально обыскивает теперь уже исключительно любимый диван мужа. И продолжала пребывать в том же подобии транса, когда Андрей извлек из-под валика в изголовье какую-то небольшую металлическую штучку в форме цилиндра. Дозиметр при этом просто взбесился.

— Чистый пакет и фольгу, если есть, — не то попросил, не то скомандовал Андрей.

— Что это? — беспомощно осведомилась я.

— Еще не знаю. Чистый пакет и фольгу, пожалуйста, — повторил он.

Я принесла из кухни требуемое, потом на совершенном автомате пошла заваривать чай, оставила это занятие на середине, вернулась в комнату и устала на Андрея, который тщательно упаковывал свою находку.

— Что делать? — спросила я. — Звонить в милицию? Или на эту, как ее там, санэпидстанцию? Я как-то раньше никогда...

— Вы сознательно хранили диван на лоджии?

Я покачала головой.

— Господь с вами, конечно же нет. Это чудище давно надо было выбросить, как и половину вещей в этой, с позволения сказать, квартире, да как-то руки не доходили. Я вообще не собиралась везти его с собой, да так уж получилось... И потом муж с ним ни в какую не хотел расставаться.

— Вы развелись?

— Он умер. В прошлом году. Так неожиданно... почти и не болел. И вдруг буквально за месяц сгорел...

Фраза повисла в воздухе, а я осталась с открытым ртом. Всего за месяц... его родная сестра категорически запретила делать вскрытие... срочная кремация — процедура, к которой мы с мужем почему-то относились с омерзением, но сестра настояла... Да ну, бред, издержки профессии. Буйная фантазия. Бокал шампанского, наконец.

Андрей внимательно наблюдал за мной.

— Светлана, я не специалист, но, похоже, это — капсула с радиоактивным веществом. Штука, в общем-то, далеко не безобидная, хотя точный ее вид и предназначение определить не берусь: мне таких видеть пока не доводилось.

— Удивительное совпадение, — пробормотала я не без сарказма. — Мне тоже.

— У меня есть друг в... ну, скажем, в органах, — тактично проигнорировал мой выпад Андрей. — Хотите, я ему позвоню, посоветуюсь. Ситуация, прямо скажу, непростая. Я лично советы давать не берусь, да и примете ли вы их от малознакомого человека?

— Выбор у меня не слишком велик, — вздохнула я. — Среди моих знакомых нет никого из органов, да и вообще из тех, кто хоть что-то понимает в этих делах. Сплошь гуманитарии, да еще со странностями... Впрочем...

— Впрочем — что?

— Мой бывший муж работает в институте радиоактивных проблем.

— Работал, вы хотите сказать.

— Нет, именно работает. Мы развелись несколько лет назад, потом я снова вышла замуж и вот — овдовела.

— Хотите позвонить ему? Пусть приедет и разберется.

— Он не приедет. Просто посоветует мне обратиться в компетентные органы, что вы уже и так предлагаете сделать. Так что круг замыкается. Позвоните, конечно, если это удобно вашему органисту. Время-то почти ночное — двенадцатый час, между прочим. И живу я не на Тверской...

— У вас, Светлана, бзик на географической почве. Удобно. И потом не могу же я вас оставить с этой штукой в квартире. Это опасно, в конце концов. Может быть, даже смертельно опасно.

— Но до сих пор...

— До сих пор ее хоть как-то закрывали балконная дверь, какой-то узел на диване и валик. До сих пор вы не знали о том, что живете рядом с источником радиации. И даже, насколько я понимаю, понятия не имеете, как он оказался в диване. Правильно?

— Правильно, — обреченно согласилась я.

— Ну — звоню?

— Звоните, — махнула я рукой. — Хоть своему знакомому, хоть в Министерство по чрезвычайным ситуациям, хоть Шойгу, хоть самому черту, наконец. Иначе у меня крыша окончательно поедет.

Пока Андрей набирал номер, вел какие-то переговоры, и вообще — действовал, я, наконец, довела до конца процесс заварки чая, снова про него забыла, налила себе обыкновенной воды и закурила. Первая же затяжка заставила меня мучительно раскашляться, и тут я вспомнила...

Сестра моего мужа, сидя на этом самом диване в той, навсегда утраченной мною квартире, в точности так же поперхнулась табачным дымом. Я помчалась на кухню за водой, муж кинулся в ванную к аптечке, возник небольшой переполох, но потом все успокоилось. Это был ее второй и, как выяснилось, последний визит к брату, с которым они чуть ли не десять лет даже не разговаривали.

Снова мы встретились только тогда, когда Валерия не стало — на кремации. С тех пор я Нину не видела, да и не стремилась. Она, впрочем, тоже не слишком рвалась поддерживать общение, лишь сделала одно вялое предложение приехать и помочь, типа поддержать. Но я вежливо отказалась: наверное, потому, что она слишком напоминала бы мне о том, кого я потеряла. И не могла я забыть странно-го вопроса о завещании, хотя чушь же очевидная!

Как потом выяснилось — не чушь. Через несколько месяцев после смерти Валерия его первая жена, внезапно материализовавшаяся в моей жизни, заявила о том, что по закону ее сыну положена половина квартиры. Если я в состоянии выплатить стоимость своей половины — пожалуйста. Если нет...

Из омута воспоминаний меня вытасил мой гость, причем для этого ему пришлось не слишком деликатно потрясти меня за плечо.

— Мой друг сейчас приедет. Давайте все-таки выпьем чаю. На вас лица нет. Лично я дал бы вам рюмку чего-нибудь покрепче. У вас есть?

Я, как сомнамбула, полезла в шкаф и достала бутылку, оставшуюся от каких-то гостей. В ней еще было жидкости грамм триста, не меньше.

— Вот, — протянула я емкость Андрею.

— Ликерное вино... Господи, спаси нас от интеллигенции! Я сказал: покрепче.

— Уксусная эссенция подойдет? — огрызнулась я, чувствуя, что начинаю сходить с ума. — Крепче ничего нет. Простите, Андрей, я просто вспомнила...

— Что — вспомнила?

— Да о смерти мужа... О том, как меня из квартиры выжили... В общем, это неважно.

— Не уверен. Ладно, выпейте хоть вина, вас трясет. А потом постарайтесь рассказать мне, что именно вы вспомнили. Может быть...

— Вы со мной разговариваете, как следователь в американском детективе, — попыталась я занять оборонительную позицию. — Сразу скажу: я не убивала своего мужа, не ограбила ни одного банка и даже никого не навела на коллекцию антиквариата. Просто я...

— Просто вы запутались, Светлана, — мягко проговорил Андрей. — Простите, я работаю в сугубо мужском коллективе и вообще не слишком уверенно чувствую себя с женщинами. Возможно, лезу не в свое дело, но мне хочется вам помочь...

Его перебил резкий телефонный звонок. Кто мог звонить мне почти в полночь?

— Светлана, — услышала я голос Володи, — Марина, случайно, не у тебя?

— А она должна быть у меня? — осторожно спросила я. — Ты же знаешь, я все забываю последнее время.

— Просто ее до сих пор нет дома, и я уже не знаю, что и думать. Она сказала, что задержится немного на работе, потом кое-что купит и приедет. И вот... И мобильник даже не соединяется. Просто — мертвая тишина.

— Ты что, не знаешь? Там пожар у нее на работе.

— Какой еще пожар?

— Такой, на который пожарные приезжают. Я была в клубе, видела, как горело здание Морфлота. Три верхних этажа полыхают, никак потушить не могут. Постой, постой, так Марина там?

Я услышала, как Володька то ли всхлипнул, то ли охнул, и тут же в трубке раздались гудки отбоя. А в моей квартире — звонок в дверь. Пришел друг моего новообретенного поклонника.

После вежливого знакомства и краткого объяснения Андрея, Павел, так звали нового гостя, заметил, что надо бы установить, откуда взялась капсула. Этим он займется, не сам, конечно, а попросит, кого надо. И вообще, если я ему доверяю, он мог бы все контакты с органами защиты правопорядка взять на себя, а меня просто держать в курсе событий. Так ему представляется наиболее разумно.

— Почему вы вдруг взяли меня опекать? Зачем вам эта дырка в голове? Андрей мне объяснил, что у него, оказывается, такая манера начинать ухаживать за женщинами. Слабенькая, но версия. А вам-то, Павел, за каким чертом понадобилось в это ввязываться? Друг попросил? Великая мужская дружба — и место в лодке готовы уступить, и круг спасательный, и помочь за женщиной ухаживать?

— А с вами, Светлана, небезопасно ввязываться в полемику, — усмехнулся Павел. — Все возможные версии вы только что изложили, так что остается одно — сказать правду. Я по роду своей работы расследую всякие необычные происшествия. Капсула с радиоактивным веществом — это не кухонный нож и даже не пистолет, который теперь можно купить чуть ли не на любой толкучке. Если украли одну — могут украсть несколько. А куда их потом определяют — неизвестно. Государство у нас сейчас хоть и полуразвалившееся, но хоть какую-то безопасность ему надо обеспечивать. Вы согласны?

— Похоже, выбор у меня невелик, если вообще существует. Только вы мне какой-никакой документик покажите. Понимаю, что их люди делают, но...

Документ мне Павел показал, он оказался подполковником ФСБ. Оптимизма мне это не добавило, но хоть какое-то успокоение в мятущуюся душу внесло.

И тут я вспомнила о Володькином звонке и о том, что его жена и моя подруга Марина куда-то подевалась. Не дай Бог, попала в переплет с этим пожаром. Попробую-ка использовать ситуацию и хоть какой-то толк извлечь из этого сумасшествия.

— А скажите, вы не могли бы мне помочь узнать одну вещь? Мне перед самым вашим приходом звонил друг, у него жена домой не вернулась с работы. Она в Морфлоте работает, где пожар был сегодня...

— Попробую помочь, если разрешите воспользоваться вашим телефоном, — сказал Павел. — Кстати, отключите сигнал автоответчика, если можно. Даже мне на нервы действует.

Я настолько ошалела от всех последних событий, что назойливый писк аппарата уже не воспринимала. Чисто машинально нажала на кнопку прослушивания — по-другому эту штуковину не заткнешь. Автоответчик сообщил, что поступило два сообщения.

“Светка, где тебя носит? И за мобильник опять не заплатила, да? Так вот, он заблокирован, имей в виду. Позвоню еще перед выходом, хочу заглянуть к тебе. Я пока на работе, встречаюсь с Ларисой. Не падай в обморок, все нормально. Просто мне потом надо будет посоветоваться насчет той дискеты. Ну, чао!”

Марина, как всегда, не представилась, но ее голос я прекрасно знала. Звонила она один раз, больше никаких записей не было. По времени выходило, что было это тогда, когда я ехала в клуб. И именно в это время, судя по всему, по-лыгнуло здание Морфлота. Интересно получается. То есть не столько интересно, сколько страшно.

— Что случилось? — в унисон спросили мои гости.

— Не знаю, — честно ответила я. — Это та самая подруга, из Морфлота. Она собиралась, по-видимому, приехать, но даже не перезвонила. И домой не пришла.

— А о какой дискете шла речь? — спросил Андрей.

— Вы же слышали, она не сказала, — пожалала я плечами.

Если о дискете не знает родной муж Марины, то почему я должна о ней информировать совершенно постороннего мужика? Тем более, что дискета не имеет никакого отношения ни к пожару, ни, тем более, к капсуле в диване.

— Вы-то сами насколько могли пострадать от этой штуки? — спросил Павел, имея в виду капсулу.

— Не могла, а пострадала. После смерти Валерия мне было совсем плохо: голова болела, я похудела, аппетит пропал, обмороки начались, волосы полезли. Но мать моей подруги, этой самой Марины, — врач, я почти два месяца жила у них на даче под ее присмотром, а ее зять достал мне какие-то таблетки, немецкие.

— Упаковку вы, конечно, не сохранили?

— Конечно, нет. К тому же, я не знаю немецкого языка, помню только, что коробочка была красно-зеленая с каким-то золотым тиснением, а таблетки — большие, бледно-салатовые, и сначала от них страшно хотелось спать. Но потом мне действительно стало лучше... Я могу позвонить Софье Михайловне, спросить название таблеток.

— Успеется, — отрезал Павел, — да и время позднее. Сам узнаю, описание вы дали достаточно подробное.

Павел решительным жестом отстранил меня от телефона и сам взялся за трубку. А мы с Андреем вышли покурить на кухню. Через пару минут Павел присоединился к нам и сообщил, что в горевшем здании Морфлота теоретически вечером никого не было, а те, кто обязан был там находиться, от пожара не пострадали. Но горели два верхних этажа, огонь еще далеко не потушен и со всей уверенностью сказать невозможно. А вдруг?

— Ни с того, ни с сего пожаров не бывает, — задумчиво произнес он, судя по всему, подводя итоги своих собственных размышлений. — Либо небрежность, либо — поджог. Если небрежность — то кто-то в ней виноват. Если поджог — нужно искать, кому это выгодно. Завтра я вам сообщу, касается это дело вашего друга или нет. То есть...

— То есть пострадала его жена или нет, а если да — то до какой степени.

— Совершенно верно. А пока, я думаю, вам все-таки нужно отдохнуть. За сутки такие дела не делаются, а вы уже половину этого времени находите в непрерывном стрессе. Постарайтесь успокоиться и заснуть. Главное — вашему здоровью теперь вообще ничего не угрожает. А таблетки, кстати, вам давали правильные: их в обязательном порядке пьют все, кто по роду работы рискует получить хотя бы среднюю дозу радиации. Интересно только, где ваш друг их достал?

— Я не спрашивала. Вообще-то у него есть кое-какие связи в медицинском мире...

— Одной медицины тут мало. Ладно, разберемся и с этим. Андрей, пошли, пора и честь знать. Думаю, не последний раз видимся. Или у тебя еще какие-то дела тут?

Деликатный человек, ничего не скажешь!

— Да нет, — пожал плечами Андрей, — сегодня мне здесь, пожалуй, действительно больше нечего делать.

Андрей и Павел ушли от меня часа в три ночи, причем прихватили с собой злополучный диван. По их словам — до ближайшей помойки, потому что я одна с этим чудовищем не совладаю, да и незачем проводить в его обществе еще одну ночь. Хотя, по-моему, это уже были детали — жила год, какая разница. Но мужчины были непреклонны.

— Если бы вы могли справиться собственными силами, тогда еще было бы о чем говорить. Но ведь вам, похоже, никто не поможет. Володе, приятелю вашему, сейчас явно не до вас.

Андрей сунул мне какой-то пожелтевший листок и сказал, что нашел его в диване, между спинкой и сиденьем. К капсуле это, судя по всему, отношения не имеет, а мне это может быть интересно.

В общем, мои визитеры удалились, оставив меня совершенно измученной — и морально, и физически. Настолько измученной, что я даже не поинтересовалась содержанием листка, просто положила его около компьютера.

Володин телефон был глухо занят, а мобильник вообще отключен. Тревога о Марине и мысли о капсуле в диване гарантировали мне бессонную ночь. Поэтому я нарушила собственные принципы и проглотила таблетку снотворного. Заснула — как провалилась. А проснувшись, обнаружила, что и без того кое-как слепленная из кусочков жизнь превратилась в не слишком изящную груду обломков.

Глава пятнадцатая. Гость пошел косяком

Да, действительно, было похоже, что со вчерашнего вечера, точнее, с сегодняшней ночи все, что казалось более или менее устоявшимся, со страшным треском обрушилось мне на голову. Конечно, капсулу в диван подсунули, чтобы убить Валерия. Но кто и за что? На эти вопросы я не могла найти ответа, как не могла зацепиться за что-то более или менее реальное в сегодняшней жизни.

Впрочем, остатком здравого смысла я понимала, что неизбежным все-таки оставалось одно: работа. Издателей, заказавших мне перевод остросюжетного детектива, совершенно не волновали мои проблемы. А я, составляя график изготовления очередного шедевра, разумеется, не учитывала всевозможные осложнения в виде пожаров, радиоактивного излучения, ночных визитеров, суеты вокруг дивана и так далее и тому подобное.

Интересно все-таки, откуда взялась капсула в диване? И что же теперь будет со мной? Ведь я находилась так близко от источника радиации и так долго. Правда, ни разу не прилегла и даже не присела, кажется, ни разу. Но тем не менее дозу-то, судя по всему, схватила, и еще неизвестно, вылечили меня чудо-таблетки или просто отсрочили неизбежное.

А, какая, собственно, разница! На дворе — ясный полдень, мне уже час как нужно было усесть за компьютер, а я слоняюсь по квартире, как неприкаянная. За работу!

Приняв это эпохальное решение, я тут же о нем забыла и начала делать в квартире уборку. Что явно свидетельствовало о нервном срыве: такие трудовые подвиги после смерти Валерия я совершала, кажется, дважды. Сразу после переезда и, по-моему, месяца два спустя, когда даже невозмутимый в принципе Володя при очередном визите покачал головой и сказал:

— Ты бы хоть пол подмела, Света. Такая пылица — компьютер не выдержит, имей в виду. Он — организм нежный.

Так что ради Кузьмы я сделала последнюю генеральную уборку в жилище, то есть вообще — последнюю. И вот теперь принялась мыть полы и протирать мебель, уничтожая следы вчерашнего вечера и части ночи. Но делала это чисто машинально, то и дело возвращаясь к событиям из той, прежней, жизни. То есть пыталась, как могла, распутать столь внезапно возникшую в моей жизни детективную ситуацию.

Кто бывал у нас в доме? Марина с Володей — безусловно. Галка с Тарасовым — естественно. Но подозревать их в том, что они хотели убить Валерия, было, мягко говоря, идиотством. "Ищи, кому выгодно". Выгодно, в общем-то, Альке, Господи, прости меня, грешную, за то, что приплетаю сюда хотя бы мысленно невинное дитя. Если бы это было так, он не стал бы рваться проводить спектральный анализ и устанавливать причину смерти отчима и моей болезни. Да и капсулу ему взять негде.

Иван? Стоп-стоп-стоп! Он, естественно, клянется, что порога нашей квартиры не переступал, но в последних разговорах промелькнуло нечто такое, что заставляет в этом усомниться. Не мог Алька ему расписывать красоты моей спальни: для него там стоят, по его же изящному выражению, "дрова обыкновенные". Но для знающего человека это все-таки спальный гарнитур красного дерева, подлинный антиквариат. Значит, в квартире он все-таки побывал. И работает, между прочим, в институте, связанном с радиационной промышленностью.

Валерия он ненавидел всей душой и не имел ничего против того, чтобы освободить жилплощадь для родного сына (или — для себя, кто его знает?). То есть мотив имеется, доступ к ингредиентам — возможно, имеется, способ осуществить задуманное... Тоже был, черт возьми! Мы же с Валерием не сидели в квартире безвылазно, а позаимствовать у Альки ключи на время — пара пустяков. Похоже, похоже...

А еще у нас были... сестра Валерия и ее муж. Мотивов — никаких, из-за родственной неприязни не убивают. Возможность достать капсулу? Не знаю. Подсунуть... А вот это, как раз именно один из них и мог с легкостью сделать... Впрочем, и достать могли. Володя ведь говорил, что кто-то из родственников Валерия работает с моим бывшим супругом в одном и том же учреждении.

Я обнаружила, что драку раковину, давным-давно отчищенную до неправдоподобного сияния. Ладно, тогда я была слишком растеряна, чтобы что-то сообщать. Но теперь я задала себе еще один вопрос: откуда бывшая жена Валерия знала, что квартира приватизирована только на него? И еще эта оговорка, относительно того, что завещания не существует. Кроме нас с Валерием, этого никто не знал. Впрочем...

Я бросила уборку, взяла записную книжку и нашла номер телефона Нины. Со времени моего переезда от нее не было ни слуху, ни духу, в годовщину смерти Валерия она на кладбище не пришла и мне не звонила. Последнее меня, впрочем, не слишком огорчало, потому что общих интересов у нас с Ниной не было и быть не могло. Если честно, сама я после переезда была слишком занята, чтобы звонить сестре покойного мужа — не в таких уж близких отношениях мы с ней были. Да и обиделась, конечно, на нее и ее мужа за не слишком корректное поведение во время похорон. Но теперь мне было не до обид.

Трубку Нина сняла после второго звонка. И не сразу поняла, кто с ней говорит: похоже, обо мне она вспоминала не намного чаще, чем я о ней. Если вообще вспоминала.

— Светлана? Какая Светлана? Ах, это ты...

— Да, это я. Хочу задать тебе несколько вопросов. Скажи, когда ты последний раз видела бывшую жену Валерия?

— Когда? Давно. Года три тому назад, наверное. А зачем тебе это?

— Почему ты решила, что их сын — в Америке?

— Ты меня что, допрашиваешь? — разозлилась Нина. — Так у меня мало времени. И вообще, какая разница? Валерий умер...

— Валерия убили, — неожиданно для самой себя сказала я.

Сформулировала вслух то, что не давало мне покоя всю ночь и все утро. Сформулировала — и ужаснулась тому, что получилось в результате моих размышлений и воспоминаний.

— Ты сошла с ума! — взвизгнула Нина. — Откуда этот дикий бред? Врачи установили, что он умер от сердечного спазма, ты же сама слышала...

— Но неизвестно, что показало бы вскрытие, — заметила я.

Нина, похоже, меня не услышала и продолжала на повышенных тонах:

— И потом, за что его убивать? Кому? Как? Если из-за квартиры, то тебя бы тоже не оставили в живых. И мы с Игорем не наследники...

Трубка выскользнула из моих рук, и связь прервалась. Нина определила причину убийства очень точно. И навела меня еще на одну интересную мысль: почему, действительно, меня тоже не отправили на тот свет? Зачем понадобилось тратить деньги на покупку мне хоть какого-то жилья? Могли хапнуть всю квартиру — и привет.

А затем, ответила я сама себе, что у меня есть мой наследник. И, случись что со мной, пришлось бы откупаться от моего сына. А заодно — иметь дело с его отцом, моим первым мужем, который, в отличие от меня, обеими ногами стоит на земле, в житейских делах отлично разбирается и не только своего не упустит, но и чужое при возможности прихватит, если повезет.

Им это было нужно? Наверное, нет. Наверное, поэтому меня и пощадили — просто выкинули подальше. И уж, конечно, никому в голову не могло прийти, что я потащу за собой на новую квартиру этот жуткий диван.

Следом за этой мыслью возникла и вторая, не менее интересная. Да, врачи сказали, что смерть наступила в результате сердечного спазма. Но ведь вскрытия не производили — Нина воспротивилась, мне было не до того. А диагностика наших измученных и задерганных врачей со "Скорой помощи" общеизвестна: либо пациент жив, либо пациент мертв. Истинную причину смерти устанавливают лишь в том случае, если она была насильственной. И то — не факт.

Интересные мысли посыпались одна за другой. Нина сказала, что видела экс-супругу Валерия года три тому назад. А та внушала мне, что не общалась с Ниной с момента развода. Кто врал, а кто говорил правду? Впрочем, врать могли обе.

Скорее всего, они поддерживали отношения все время — отсюда нежелание Нины встречаться с братом. То есть наверняка поддерживали: Нина же и поссорилась с братом после его развода с Риммой Львовной, безоговорочно приняв сторону бывшей жены. И я, идеалистка несчастная, своими собственными руками...

Что — своими собственными руками? Кажется, я дошла до того, что подозреваю в убийстве ближайших родственников Валерия. Не заинтересованных, как правильно сказала Нина, в его смерти. То есть заинтересованным оказывается фактически Иван, который...

Который, разумеется, не стал бы меня убивать, пока Алька не прописался в моей квартире. А убил того, кто мог этому как-то воспрепятствовать, хотя бы теорети-

чески, причем попутно чуть не сделал инвалидкой меня. Кошмар какой-то получается. Н-да, с этим уже нужно к психиатру, а ни в какую ни в милицию.

Я забыла о том, что все еще держу в руках трубку телефона, из которой несутся сигналы отбоя. Наконец догадалась положить ее на место, и аппарат тут же зазвонил. Нина?

— Светлана, — услышала я смутно знакомый голос, — добрый день, это Андрей. Как вы себя чувствуете?

— Я себя чувствую, по-моему, это уже неплохо. Какие-нибудь новости?

— У меня? Нет, я просто хотел узнать, как ваши дела. Вы вчера выглядели такой утомленной...

— Никак. Даже работать не могу. Голова занята совсем другими вещами. Подозрения какие-то дурацкие...

— Надеюсь, вы ими ни с кем не делились? Мне дело представляется достаточно серьезным, чтобы не болтать о нем лишнего.

— Не делилась, но если я буду все время крутить это в голове, то сойду с ума. Или напьюсь.

— Ни в коем случае! Если хотите, я приеду. Напивайтесь при мне.

— Вам нравятся пьяные женщины?

— Нет, конечно, кому они могут нравиться? Но в принципе пить в одиночку — последнее дело. Так мне приехать? Без выпивки, разумеется...

Я представила себе одинокий вечер, один из многих и многих за последнее время, и мне стало безумно тоскливо.

— Приезжайте. Напиваться я не собиралась, это была шутка такая неудачная, но хоть выговорюсь. Если, конечно, это не проявление жалости с вашей стороны.

— Благотворительность — не мой профиль, Светлана. У меня другая работа. Тогда — до вечера, и постарайтесь за это время не придумывать себе всякие ужасы. Вам еще Павел наверняка позвонит, глядишь, прояснит кое-какие вопросы. Договорились?

Я положила трубку на листок, который вчера Андрей нашел в диване. Пожелтевший, сложенный вчетверо, потертый на сгибах. Я развернула его — почерк Валерия, ни с каким другим его спутать невозможно. Забавно, если это — его завещание, совсем как в классических детективах получается.

Но это было не завещание. Это были... стихи. Судя по дате, посвященные мне. Никогда не знала, что Валерий пишет стихи, в смысле — серьезные. Эпиграммы, шуточные поздравления и всякие милые рифмованные безделушки он сочинять любил. Но я меньше всего ожидала прочесть то, что прочла:

"Ну каким ты владеешь секретом?

Чем взяла меня и когда?

Но с тобой я всегда, всегда,

Днем и ночью, зимою и летом...

Я не знаю последнего дня,

Но без громких скажу речей:

— Смерть, конечно, сильнее меня,

Но любви моей не сильней.

— И когда этот час пробьет,

И окончу я путь земной,

Знай — любовь моя не уйдет,

А останется тут, с тобой..."

Я тупо смотрела в листок, пытаюсь представить себе, почему вообще это было написано. Оказывается, Валерий любил меня. Именно так, как мечтает любая женщина в любом возрасте. И, оказывается, знал массу нежных слов, коль скоро смог написать такое прекрасное стихотворение.

Слезы хлынули так внезапно, что я даже испугалась. Не знаю, кого или что я оплакивала: непонятое мною чувство Валерия, пронзительную грусть его так поздно дошедшего до меня послания, свою судьбу... Не знаю.

Оставалось только ждать звонка Павла.

Долгожданный звонок, однако, ничего не прояснил, но позволил предположить, что Марина и Лариса погибли на пожаре. В одном из сгоревших кабинетов Морфлота обнаружили два женских трупа. Их, конечно, предстояло идентифицировать, но я чувствовала: это они. Непонятно было только, за каким чертом они — обе! — оказались на работе так поздно, и почему им не удалось отпереть дверь: положение тел однозначно указывало на то, что женщины задохнулись, тщетно пытаясь выбраться из помещения. И уже потом за дело взялся огонь...

Звонок в дверь застал меня врасплох. Неужели Андрей? До назначенного им самим времени оставалось еще часа два, а больше я никого не ждала.

К величайшему моему изумлению, за дверью оказался не Андрей, а Володя. Он был явно не в своей тарелке, но на вдовца, убитого горем, походил мало. Скорее, на человека, безумно чем-то озабоченного.

— Тебя покормить? — спросила я.

— Если только с ложки, — откликнулся Володя. — Нет, серьезно, мне сейчас кусок в горло не лезет. Такой ужас, такой ужас! Почувствовал, что один не выдержу — свихнусь, и вот... У тебя лед есть?

— Конечно, есть, — слегка удивилась я. — Я им по утрам обтираюсь... если не очень холодно и я вспоминаю, что нужно закаляться. А тебе зачем?

— Не для косметических процедур. В водку положить.

— Водки у меня нет.

— Догадываюсь. Я принес.

С этими словами мой приятель выставил на стол роскошную бутылку "Абсолюта", грамм на семьсот, и несколько банок тоника. Подобрать к этому закуску было проблематично. Не картошку же варить! Но Володя, похоже, обо всем позаботился: вслед за выпивкой на столе появилась банка консервированных ананасов и пакетик орехов.

— Давай лед и стаканы. Извини, что нагрязнул без звонка, но у меня...

— Я знаю. И очень тебе сочувствую.

Володя так больно схватил меня за плечо, что я чуть не выронила стаканы.

— Что именно ты знаешь? И откуда?

— С ума сошел! Синяк же будет. Знаю, что Марина и Лариса погибли на пожаре... — Я осеклась. Объяснять Володе, что вчера познакомилась с каким-то типом, у которого друг работает в компетентных органах, было сложно. Но, с другой стороны, мне позарез нужно было с кем-то поговорить о капсуле в диване. Да и о пожаре на Рождественке тоже, если уж на то пошло.

— Откуда, спрашиваю, ты это узнала? — повторил Володя, не отпуская моего плеча.

— От одного своего знакомого. Он был у меня вчера вечером, мы вместе ходили в клуб любителей детективов. А Марина на автоответчик сообщила мне, что собирается приехать, потом еще позвонит.

— И позвонила?

— Нет. Больше не звонила и, сам понимаешь, не приехала. Мой знакомый предложил через какие-то свои источники выяснить, что случилось. И сегодня утром позвонил и сказал, что на пожаре погибли две женщины...

— Почему ты решила, что второй была Лариса?

— А разве нет?

— Не знаю. Второй труп не опознан. Я лично уверен, что это не она, меня приглашали посмотреть. Господи, как вспомню этот кошмар! Она обгорела совершенно, понимаешь, обуглилась. Даже кольца на руках оплавилась, хотя по ним, собственно, я ее и опознал. Ты же знаешь, Марина любит... любила очень экстравагантные украшения, массивные такие. Но этот ее вид... Изменилась почти до неузнаваемости. Не приведи Бог мне еще когда-нибудь... Ужасно, ужасно!

— Видишь ли, Марина сказала, что придет ко мне с Ларисой, вот я и подумала...

— С Ларисой? К тебе? Что за ахинея? Они же друг друга не переносили.

— Понятия не имею, почему. Наверное, потому, что мы с Мариной лет двадцать дружим, то есть дружили. Да и с Ларисой я не ссорилась, общались. Возможно, я была им нужна как посредник. Или как консультант по отношениям с тобой. Или просто нужно было пообщаться на нейтральной, так сказать, территории.

— А при чем тут я?

— Ну, ты даешь! Обе были за тобой замужем — и ты ни при чем? Окстись, Володя, я понимаю, что тебе тяжело, но ты, по-моему, заговариваешься. Общая тема для разговора у них уж точно была, ну а я тоже не совсем посторонний для тебя человек. К тому же...

— Что — к тому же? — остро глянул на меня Володя.

— Мне надо было с Мариной обсудить одно дело... Я думала, ее отец может помочь, с его-то связями. — В последнюю секунду я придержала язык и не ляпнула про злополучную дискету.

— Ну да, ну да, конечно же. Я плохо соображаю. Ночь не спал, две пачки сигарет выкурил, потом еще опознание это... Я ведь Марину очень... любил, ты же знаешь. Ну, давай, помянем мою супругу... Ты ведь фактически теперь единственный близкий мне человек... Что-то у тебя в комнате изменилось, — заметил Володя после недолгой паузы. — Причем к лучшему.

— Диван выбросила с лоджии, — отозвалась я, — теперь окно ничего не загроживает, светлее стало. Наконец руки дошли. Хотя...

И я вкратце изложила приятелю историю радиоактивной мебели. Володя слушал рассеянно, кивал, думая, похоже, о своем. Под конец я даже пожалела о том, что все это рассказываю. Однако какая-никакая реакция на мой рассказ все-таки последовала:

— Но ведь сестра Валерия, эта самая Нина, ничего после его смерти не получила, так? Значит, никакой выгоды у нее не было, сегодня она это еще раз подтвердила. Значит...

— Значит, капсулу подложил кто-то еще? Вот и я думаю, что это вполне мог сделать Иван: он же работает в соответствующем учреждении, да и пару раз проговорился, что видел интерьер квартиры. Значит, был, причем тайком. И, кстати, никогда не скрывал, что ненавидит Валерия, даже убить его грозился.

— Даже так? — приподнял брови Володя. — Интересно получается. Знаешь что, я с Иваном поговорю. Не бойся, не испорчу дела, просто точно выясню, мог ли он достать капсулу, а если нет, то кто из его знакомых это может. Итак, номер один — Иван, номер два... кто у вас еще бывал?

— У нас гости бывали очень редко. Лучше объясни мне вот что: почему Нина утверждала, будто виделась с бывшей женой Валерия, а та это категорически отрицала? И явно врала, потому что знала такие вещи, которые посторонним неизвестны. Более того, знала только Нина. Ну, и ее муж, конечно. Например, о том, что квартира приватизирована на Валерия.

— За десять долларов тебе выдадут любую информацию в любой жилищной конторе. Ну, может, не за десять, но уж за сто — наверняка.

— А откуда у мадам сведения о том, что завещания нет? Эту информацию при всем желании купить нигде. Опять же, знали только четверо, один — мертв. Слушай, вот черт, Нина сразу же начала защищаться: никакой выгоды она от смерти брата не поимела. Будь я неповинна, я бы об этом даже не подумала...

— Светуля, я сегодня плохой советчик. Почему бы тебе не заявить в милицию?

— И что я заявлю? Подозреваю, что год тому назад родная сестра моего мужа или мой собственный бывший муж сунули в диван Валерия радиоактивную капсулу? Купили в ближайшем супермаркете или на рынке — и сунули. Да меня же в психушку отправят, в лучшем случае. Не годится. Вот доказать бы, что меня облапошили с квартирой, тогда хоть какие-то деньги появятся. Может быть. И то — вряд ли. С сильным не дерись, с богатым — не судись, так, кажется. Предки наши не дурее нас были...

— Это точно. И еще непонятно, откуда капсула-то взялась, это не средство от комаров, которое на каждом углу продается. Ну, давай еще выпьем, меня что-то не берет, внутри будто кол застыл, никак не могу поверить, что Мариночки больше нет. Все из рук валится, о делах даже и не говорю — какие теперь дела. Теряю все, дискету очень важную куда-то заснул... Кстати, скажи, пожалуйста, Марина тебе никаких дискет не давала?

Это было произнесено небрежно, как бы между прочим. Слишком небрежно. И совершенно ни к месту: я ему о своих подозрениях, а он мне — о дискете. Вещи по важности совершенно несопоставимые. Как-то нелогично. А нелогичность совершенно не в Володином стиле. Как, впрочем, и визит без предупреждения. Господи, кажется, я скоро начну саму себя подозревать в каком-нибудь преступлении.

— Нет, — покачала я головой. — Зачем мне ее дискеты? А в чем дело?

— Да ни в чем. Просто я не могу найти одну дискету. Вот и подумал, что, может быть, Марина по ошибке... Неважно. Извини, глупости говорю. У тебя, похоже, своих неприятностей хватает, зачем тебе еще и мои проблемы?

— Нет, — повторила я, — никаких дискет мне Марина не давала. Впрочем, можешь сам посмотреть, у меня их не так много — десятка полтора, половина — ненадеванные.

— Ну и ладно, проехали, — безразличным тоном проговорил Володя и щедрой рукой долил мой наполовину пустой стакан. — Ты ничего не пьешь, подруга, а мне одному как-то неловко. Водка хорошая, не отравишься, не бойся...

Глава шестнадцатая.

Найдете женщину — ищите мужчину

“Уговорив” бутылку и вконец расстроенный, Володя распрощался со мной, и только к его проводила, как в дверях появился Андрей.

— С чего начнем? — сразу спросил он. — С дивана или с пожара?

В первую секунду я даже не сообразила, в каком контексте нужно понимать слово “диван” и какое отношение я имею к этому самому пожару. Потом до меня все-таки дошло, и я посмотрела на своего гостя не без уважения: если он за неполные сутки смог что-то разузнать, то я приобрела ценного знакомого.

— С дивана, — решила я для себя вопрос. — Тем более, что сегодня я кое-что вспомнила и позвонила сестре мужа.

— Зачем?

— Затем, что дура. Все равно ничего не узнала, только еще больше запутала ситуацию. И откуда бы она эту самую капсулу взяла, если вдуматься? Тут нужен кто-то, имеющий доступ к соответствующему... ну, оборудованию, что ли. Это же не гайку с завода украсть.

— Очень четко подмечено. Скрупулезно, как сказали бы вы. Но вот ведь что интересно: Павлу удалось выяснить, где трудится супруг этой вашей Нины. И заодно обнаружил, что на этом самом предприятии, оборонном, замечу, где занимаются решением космических проблем, можно достать то вещество, которое оказалось в капсуле. Только там и можно, хотя и довольно сложно. Круг допуска предельно ограничен, и ваш бывший родственник в этот круг попадает. Равно как и ваш бывший муж, кстати, причем последний еще и занимает руководящий пост, так что возможности у него, соответственно, более обширные. Вот так.

— Но зачем? Какая ему-то от этого выгода, в смысле бывшему родственнику? Не понимаю...

— Подождите, это еще не факт. В жизни бывают самые невероятные совпадения. Например, если взять вашего экс-супруга. О его выгоде, надеюсь, вы не можете сделать такого же категоричного вывода? К тому же он еще совсем недавно нуждался в деньгах, верно? В отличие от своего подчиненного, который никогда на материальные проблемы не жаловался: имеет двухкомнатную квартиру в сталинском доме, нормальную дачу, машину. Детей у них с женой нет, а жена прилично зарабатывает в какой-то ризлтерской конторе.

— В ризлтерской конторе?! Так вот откуда все связи и молниеносность оформления...

— И это нужно проверять, между прочим, а не строить версию исключительно на умозаключениях, какими бы логичными они ни казались. И вообще, с вашей эмоциональностью, Светлана, не стоит делать скоропалительных выводов. Мы еще слишком мало знаем, нет никаких конкретных доказательств.

— С моей эмоциональностью все ясно. А что говорит ваш Павел?

— Ему удалось узнать еще одну деталь, которая сама по себе достаточно невинна. Через неделю после того, как вашу квартиру продали, Игорь, ваш бывший родственник, купил себе новую машину. На работе объяснил, что продал старую, остальное доплатил из сбережений. Теперь будем проверять сбережения, тут нужна предельная точность и ясность. А ваш супруг, наоборот, материальное, точнее, жилищное положение ухудшил, да еще жаловался на то, что его обокрали. Впрочем, и это нуждается в проверке, сказать все можно. Но это все не главное. Главное появится, когда проверим вашу мадам. Она мне в этой ситуации меньше всего нравится.

“Мне”? Занятно. Павел, в общем-то, не скрывал места своей работы. А чем занимается Андрей — неизвестно. Частный сыщик? Следователь-любитель? Или мне повесили на уши внушительный пучок лапши, прикрывшись “компетентными органами”, а на самом деле вышли таким образом на состоятельных людей, замешанных в неблагоприятном поступке? Таких ведь шантажировать — чистое удовольствие.

А Андрей продолжал:

— Теперь о пожаре. Только, Светлана, прошу не тиражировать то, что вы сейчас услышите. Очаг возгорания был вовсе не на чердаке, а в той самой комнате, где находились ваши подруги. С работы они в тот день так и не уходили,

а когда остальные сотрудники разошлись, остались. Судя по всему, что-то делали на компьютере. И их заперли снаружи, это точно установлено, к сожалению. Остальное пока еще только предположение, но... В общем, поджог осуществил кто-то из специалистов по компьютерам. Радиоуправляемый взрыв. Штука, в общем-то, известная, только не в широких кругах россиян. К аппарату подключают соответствующее устройство, которое приводится в действие с помощью особой дискеты при выполнении каких-то определенных действий на определенном расстоянии. Дискету под тем или иным предлогом вручают потенциальной жертве. В лучшем случае она лишается своего электронного друга с информацией, ну и, конечно, помещению наносится некоторый ущерб. В худшем... В худшем случается то, что случилось. Устройство, точнее, его остатки обнаружены. Остальное... И вот теперь предстоит узнать, кто из погибших принес дискету и за что с ними так расправились. Кому это было выгодно. У ваших подруг враги были? Прежде всего, по бизнесу.

— Бизнеса не было, — покачала я головой. — Марина работала за зарплату, правда, немалую, с моей, разумеется, точки зрения. Лариса — тоже. Ни спекуляцией, ни какими-то там сомнительными аферами не занимались. Лариса, правда, любила купить подешевле, продать подороже, но не для заработка, а так, из любви к искусству. За это не убивают, иначе пришлось бы половину теток в Москве угрожать, а по России — так и вовсе немеренно. Странно, что Володя Ларису не опознал. Все-таки жена, хоть и бывшая...

— Откуда вы знаете, что не опознал? Он сам так сказал?

— Что-то вроде этого, — неохотно ответила я. — И очень быстро ушел от этой темы.

Как ни странно, в присутствии Андрея я чувствовала себя увереннее, чем с Володей. Точнее — спокойнее, хотя видимых причин для этого у меня не было. Я бы назвала это женской интуицией, если бы не сильные сомнения в том, что подобное чувство у меня имеется. Тем не менее, я достаточно связно рассказала Андрею о визите моего приятеля.

— Можете считать, что у меня мания преследования, но, воля ваша, не нравится мне все это.

— Было бы странно, если бы нравилось. Но вот только посторонних в тот вечер в здании Морфлота не было, охранники клянутся самыми страшными клятвами, и вообще пропускная система там очень строгая.

— Черный ход?

— Опять же два охранника, причем проверка еще более придирчивая, чем на главном входе. В общем, преступник-невидимка или кто-то из своих. Но пока у всех — алиби на момент возникновения пожара. И никто из все-таки подозреваемых не разбирается в компьютерах так, чтобы организовать "электронный поджог".

Я скептически хмыкнула.

— У моих соседей десятилетний сын, который первый в своей жизни компьютер увидел пару месяцев тому назад. Но если мой агрегат "зависает", я за помощью сразу бегу к этому Коле, и он разбирается в ситуации за несколько минут. Причем разбирается с блеском, и мой Кузьма ведет себя снова безукоризненно.

— Какой еще Кузьма? Это ваш поклонник, что ли?

Я улыбнулась и рассказала Андрею историю появления в моей жизни компьютера и его крещения. Действительно, Кузьма для меня почти живой организм и уж точно — составляющая часть моей жизни, причем не маленькая часть. Отсмеявшись, мы вернулись к основной теме разговора, и веселье испарилось само собой.

— А кто же опознал Ларису? — задала я давно мучивший меня вопрос.

— Ее нынешний сожитель. Бой-френд, по-современному. По его словам, ничего необычного в поведении подруги в последнее время не было. У них не было принято докладывать друг другу о временипровождении, поэтому он не слишком беспокоился об ее отсутствии. Но для него это несомненный шок, иначе парню надо не менеджером в медицинском центре работать, а в Голливуд ехать. Ознакомиться было, конечно, сложно, но на ней был браслет, сделанный на заказ знакомым ювелиром. Подарок этого самого бой-френда. Браслет слегка оплавился, но вещь уникальная...

Помнила я этот браслет, еще бы мне его не помнить. Лариса получила его в подарок на свой день рождения и специально приехала ко мне — тогда еще на Пречистенку, — чтобы похвастаться. Золотой браслет в палец толщиной, а на нем ее имя выложено мелкими бриллиантками. Очень удачно вышло, что я в принципе равнодушна к побрякушкам вообще и к золоту в частности, иначе умерла бы на месте от зависти, чего Лариса, по-моему, от меня и ожидала.

А потом я почему-то вспомнила манеру Марины постукивать пальцами по портсигару во время разговора. И еще у моей подруги были очень красивые, как говорят, породистые руки с длинными тонкими пальцами. С моей точки зрения, перстней на таких руках можно было бы носить и поменьше... Ох, Марина! Узнать бы, что на этой чертовой дискете! Последнюю фразу я, забывшись, произнесла вслух.

— На какой дискете? — резко спросил Андрей. — На той, про которую ваша подруга говорила? В послании на автоответчике?

Воистину, нет ничего тайного, что не стало бы явным. Махнув рукой на последствия, я рассказала Андрею все. А в заключение достала из дальнего угла шкафа запрятанную там злополучную дискету. К сожалению, здесь у меня не было такого роскошного тайника, как на Пречистенке.

— На будущее учтите, — буднично прокомментировал мои действия Андрей, — храните подобное с подобным. В белье принято хранить деньги и драгоценности — и именно там их ищут жулики. В первую очередь, за дискетой полезли бы именно в ваш тайник.

— Для того, чтобы влезть в тайник, необходимо проникнуть в квартиру, — резонно откликнулась я.

— Вы считаете, что это невозможно? У вас даже стальной двери нет, которая, кстати, для профессионалов вовсе даже и не препятствие. Так, защита от случайных воришек.

Я пожалала плечами.

— Брать у меня нечего. Если кому-то эта дискета и нужна, то только моему другу, и то — вряд ли, а ему поздно в домшники переквалифицироваться. Он — отличный переводчик технической литературы, прекрасно разбирается в компьютерах, даже программы может самостоятельно делать... А я на компьютере только печатать умею, редактировать и в игрушки всякие играть, если время остается. Тупая, наверное.

— Дискету, значит, вы спрятали. А что на ней — знаете?

— Если честно, то даже не догадываюсь. Но теперь-то, наверное, можно посмотреть, вреда не будет? Ведь Марина... То есть мне почему-то кажется, что если посмотреть...

— Мне почему-то тоже. Во всяком случае, вам все равно придется передать эту дискету куда следует. Можете это сделать через Павла.

— А может, сначала посмотреть? Ну, правда, Андрей, если бы вы не пришли, я бы все равно этим занялась, а не просто так отдала бы. А вдруг там что-то нехорошее про Марину?

— И что?

— А то, что тогда не отдам никаким органам, честно предупреждаю. Мне доброе имя подруги дороже всяких расследований. Ну давайте попробуем.

Андрей сдался и махнул рукой. Я ввела дискету в компьютер, нажала на нужные клавиши и... Получила кукиш с маслом. Не желала дискета открываться — и все тут. А мои познания в области программ можно было уместить на кончике булавки. Я умоляюще посмотрела на Андрея:

— А вы разбираетесь в этих вещах?

— Попробую, с вашего разрешения.

Показалось мне или нет, но голос у Андрея как-то неуловимо изменился. Добрее стал, что ли. Или не таким официальным. А может, ему самому эта дискета нужна? Нет, я определенно с катушек съехала. Он об этой дискете только что узнал, а вчера днем и со мной-то знаком не был.

У него, правда, тоже не сразу получилось, но дело, как известно, мастера боится. Минут через пятнадцать на экране все-таки появилось хоть что-то. И это "что-то" оказалось требованием: "Введите код".

— Так, — подвел Андрей предварительные итоги, — примерно этого я и ждал. Двойная степень защиты, причем второй этап мне не по зубам. Тут нужно либо знать код, либо...

— Либо что?

— Подключать шифровальщиков. Точнее, специалистов по взлому компьютерных программ. Кажется, они называются хакерами. У вас нет знакомого хакера, Света?

— Боюсь, что скоро мне понадобится психиатр. У вас нет знакомого психиатра, Андрей?

— Сколько угодно. Только вам он навряд ли понадобится. Наберитесь терпения, мне кажется, что все в конце концов образуется. А в поведении вашего приятеля, безусловно, есть кое-какие странности. Будьте с ним поосторожнее.

— То есть?

— То есть если кому-то психиатр и понадобится, то скорее всего — ему. Он очень любил свою жену, как вы считаете?

— Трудно сказать. Володя — человек замкнутый, к романтике не слишком склонный. В молодости еще какие-то человеческие чувства испытывал, был тот еще бабник. А потом — нет. Работа, видеофильмы, очень редко — гости. Марина — да, любила его всегда. Эх, если бы удалось подобрать код к этой дискете! А что, кстати, может быть кодом? Цифры, как на замке?

— Что угодно, в принципе. Могут быть цифры, может быть одно слово. Но какое именно? Хотя... Вы были очень близкими подругами?

— Очень.

— Значит, если она дала вам закодированную дискету, то наверняка код выбрала такой, чтобы вы в случае чего смогли его подобрать. Какое-то общее для вас словечко, выражение, любимое блюдо, наконец. Название места, где вы вместе отдыхали. Имя любимого человека.

Я пожала плечами и набрала на компьютере мужское имя. Какое — нетрудно догадаться. Монитор откликнулся, как я и предполагала: "Код назван неправильно. Введите нужный код".

Похоже, мне придется потратить ближайшую пару месяцев на то, чтобы найти этот самый код. Если, конечно, к тому времени это не перестанет быть актуальным. И если я не буду заниматься своей непосредственной работой.

Андрей предложил хранить дискету вместе с остальными, а не среди дамской конфекции в шкафу, а также подумать над тем, чтобы сменить замок. Он готов этот

самый замок поставить своими собственными руками, потому что уровень моих слесарных навыков примерно себе представляет.

В моем порядкем утомленном мозгу возникла очередная безумная идея: мой новый знакомый деликатно подвел меня к идее сменить замок с тем, чтобы без проблем обзавестись ключом от моей квартиры и... И что? Утащить эту самую дискету в мое отсутствие? Она ему, судя по всему, все-таки не нужна, во всяком случае, в таком виде. Ограбить квартиру? Не смешно, кто пойдет мою нищету красть? Я мысленно обзвала себя идиоткой, а вслух сказала Андрею, что подумаю.

Прощаясь, он еще раз повторил, чтобы я поменьше болтала, думала, прежде чем что-то кому-то говорить, и вообще не занималась самодеятельностью, потому что персональная охрана мне не по чину, не по заслугам пока не полагается.

Черт побери, почему так популярна фраза: "Ищите женщину"? С утра я подозревала одну женщину, в результате под подозрение попали двое мужчин.

Глава семнадцатая.

На что способен обыкновенный мозг

В тот же вечер я позвонила Гале. Помимо того, что она была моей действительно близкой подругой, она еще обладала бесценным качеством: железной логикой и умением расставлять все по местам в считанные минуты. Я имею в виду, конечно, не мебель или домашнюю утварь, а события, их подоплеку и возможные последствия. Материала у меня набралось вполне достаточно, да и выговориться хотелось.

К тому же рассказать Галке — это не значит нарушить обещание никому ничего не говорить. Из нее информацию даже под пыткой не выудить. Это значило вырыть ямку в песке, прошептать туда то, что не держится на языке, зарыть и забыть.

С Галкой у моего мужа отношения складывались теплые, хоть и непростые: объединяла их, разумеется, я. Подруга приняла моего мужа, увидев собственными глазами, как он относится ко мне. Муж принял подругу по тем же причинам. Но и в те редкие минуты, когда они оставались друг с другом с глазу на глаз, подозреваю, им было о чем поговорить, поскольку Галкина эрудиция и начитанность в нашей компании считалась эталонной. Впрочем, теперь это уже не имеет ни малейшего значения... к сожалению.

Мне повезло: Галка оказалась дома и даже не работала, а, по ее словам, "приходила в себя после очередного аврала". Насколько я ее знала, это означало, что подруга сидела на диване с ногами, вязала для мужа очередной свитер, шарф или шапочку и смотрела какую-нибудь сентиментальную мелодраму по видеоманитовому. Почему-то именно такое времяпрепровождение она считала идеальным видом отдыха и настоятельно рекомендовала мне им воспользоваться. Но я, к сожалению, терпеть не могу мелодрамы, а главное, так и не научилась вязать. Даже крючком.

Мое сообщение о трагедии с Володиными женами Галка восприняла сдержанно. При ее любви к мелодрамам, сама она сентиментальной отнюдь не была, скорее, наоборот, так что патетических выкриков и заламываний рук с причитаниями от нее ждать не приходилось.

Неподдельное волнение она выразила лишь тогда, когда я поведала о деталях Володиногo визита: нервные причитания, водка среди бела дня, неопознанная Лариса и все остальное.

— Ты поосторожнее, пожалуйста. Мне все это не нравится. Володя не из тех людей, которые занимаются такими делами, как похороны, если есть возможность это

на кого-то перевалить. Тебе не пришло в голову, что основные хлопоты придется на долю Мариновых родителей? Ему эта дырка в голове совершенно ни к чему.

— Тогда зачем он ко мне приехал? Не хотел оставаться один после опознания в морге?

— Один шанс из ста. В любом случае, он бы позвонил: тебя ведь вполне могло не оказаться дома, а он не любит накладок.

— Я почти всегда дома.

— Ты выходишь в магазин, на рынок, платишь за квартиру, едешь в редакцию, в клуб, наконец. Нет, он должен был позвонить, но почему-то этого не сделал. Похоже, ему от тебя что-то нужно. Возможно, действительно дискета. Ты же не знаешь, откуда она взялась у Марины и что на ней такое. Нашла кого-нибудь, кто бы помог тебе с программой?

Я отрапортовала, что с программой все в порядке, но дискета оказалась защищенной кодом, и как его подобрать, я понятия не имею. Тут уж мне никто не поможет, даже новообретенный знакомый. Но Галку сообщение о том, что в дело оказался замешанным кто-то посторонний, некоторым образом даже рассердило.

— Ты неисправимая идеалистка, Светка. Сначала правильно ставишь вопрос: зачем ему это нужно, а потом чуть ли не исповедуешься первому встречному. Мало тебя жизнь учила?

— Судя по всему, мало, — покаянно вздохнула я. — Но, понимаешь, если бы не он, я бы так и осталась жить с радиоактивной капсулой в доме. И никогда бы не узнала, что Валерия убили...

— Хорошо, но в остальные дела зачем было посвящать? Могла мне позвонить, посоветоваться. Правда, у меня нет друга в компетентных органах, да и в компьютерях я, прямо скажем, не слишком разбираюсь...

— Вот именно, — обрадовалась я найденному оправданию. — У тебя нет, у меня нет, а Володя на мои проблемы вообще не среагировал, как будто каждой его подруге еженедельно радиоактивные капсулы подсовывают. Даже не удивился.

— Зато я теперь все больше и больше удивляюсь. Уж кто-кто, а он в радиационных проблемах отлично разбирается. Сейчас вспомнила: несколько лет тому назад я его видела. И знаешь, где? Всего-навсего в Ливии. Мы с Тарасовым там целый год торчали, помогали строить братскому социалистическому государству ядерную станцию.

Своего мужа Галка за глаза зовет исключительно по фамилии, а в глаза — Тарасиком. Хотя там абсолютно взаимная любовь, полное понимание и вообще — гармония необыкновенная, тем более, что оба — архитекторы. Но — вот так, никаких имен, сугубо официально. В каждой избушке свои игрушки. Меня, например, Валерий в глаза никогда не называл по имени, а только малышом. Двадцать лет разницы в возрасте в какой-то степени это объясняли, ко всему прочему, я была ниже его на целую голову, если не на полторы.

— Впервые слышу про ядерную станцию, — изумилась я. — Ты говорила, что проектировала гостиничный комплекс в Алжире. И туда была командировка.

— А тогда и нельзя было ничего говорить. Это сейчас у нас все "секретно — копия на базар". Потом забыла, и вот только сейчас вспомнила. Был там Володя с какой-то делегацией, военной, разумеется. Я еще удивилась, какое он отношение к армии имеет. Но беседовать с ним у меня особого желания, сама понимаешь, не было. Так что пока экскурсия по объекту ходила, я из своей комнаты носа не высовывала, Тарасов с ними ходил и потом переводчика хвалил: мол, очень толковый оказался, всю терминологию знает. А переводчиком кто был? То-то и оно.

— Надо будет об этом Андрею рассказать. А вдруг...

— Что — вдруг? Вдруг это Володя капсулу в диван сунул, а не твои бывшие родственники? Ты, Светка, все-таки соображай, где имение, а где — вода. Зачем Володе делать тебя вдовой? Они с Валерием и виделись-то, по твоим рассказам, два-три раза, не больше. И жениться на тебе он явно не собирался, так что даже такая романтическая причина для убийства отпадает. Так что не придумывай криминала там, где его нет, и — умоляю! — звони мне теперь каждый вечер. Будем просеивать твою информацию и извлекать из нее рациональное зерно. Или зерна. Мне представляется, что ты гонишь волну и пытаешься найти в темной комнате черную кошку, которой там, скорее всего, никогда и не было. Ложись спать, утро вечера мудренее.

Спать я отправилась, так ничего и не решив. А на следующее утро буквально за шиворот усадила себя работать. Голова у меня при этом была занята совершенно иными вещами, переводила я, как говорится, "на автопилоте" и поэтому страшно удивилась, когда обнаружила, что просидела за рабочим столом почти четыре часа. Еще больше удивилась, когда посмотрела на монитор: если верить умной машине, я выдала за это время двенадцать страниц текста. Связного текста!

Я пробежала переведенное: похоже, мне действительно надо работать именно так, — думая о другом. Недооцениваем мы способности собственного мозга. Мой, оказывается, может преспокойно поделиться пополам, и каждая половина будет исправно функционировать.

Мне так понравилась собственная писанина, что я перечитала ее еще раз, уже не торопясь. Обычная сцена из обычного триллера: к супруге почтенного, преуспевающего бизнесмена является некая дама и сообщает, что бизнесмен — никакой и не бизнесмен, а гангстер. Только у полиции нет никаких доказательств. А у нее, дамы, есть и она могла бы этими доказательствами с банкиршей поделиться. Не даром, конечно, но за определенное вознаграждение. Можно и с полицией посекретничать, но там никаких денег уж точно не заплатят. А банкирша своего мужа любит, плохого ему не пожелает. Дама ее прекрасно понимает, потому что в свое время тоже была женой этого же человека, только тогда у него была другая фамилия и денег поменьше...

И я еще жаловалась, что западные детективы бесполезны в нашей российской действительности! Отношения между людьми во всем мире одинаковы. Возможно, Лариса что-то знала о нем или его деятельности, что-то такое, чего никто больше знать был не должен. И этим шантажировала бывшего супруга. Когда он ездил в Ливию? Когда был еще холостым. Стоп-стоп. Он женился вскоре после этой поездки, а Галка была за границей. Опять совпадает.

То-то Лариса не стала отвечать на мой вопрос, почему он на ней женился. По расчету он на ней женился. Рассчитывал на ее молчание о чем-то очень важном. Она вытерпела пару лет, поняла, по-видимому, что всю жизнь так не проживешь и потребовала в качестве "отступного" место в Морфлоте. Квартиру явно разменяли с огромной доплатой. Откуда у Володи большие деньги? Но они были, иначе картинка не складывалась. А так — сложилась. По первой, так сказать, позиции под названием "Лариса".

Теперь вторая позиция — "Марина". Место в Морфлоте для бывшей жены Володи явно обеспечил с помощью Маринкиного отца. Это он компенсировал женитьбой, иначе ничего бы не вышло. Но он-то Маринку не любил. Даже влюблен никогда не был, иначе давным-давно сделал бы своей любовницей, как поступал со всеми приглянувшимися ему женщинами. Со мной, например. Или с Галкой. Или с той же Ларисой. Но жениться... Лариса взяла шантажом, Марина — необходимостью этот шантаж прекратить. Так? Похоже, что так.

Телефон зазвонил, и я даже не удивилась, когда услышала в телефонной трубке голос человека, о котором думала все это последнее время. Не удивилась и, что было много хуже, не насторожилась. А сразу же, по недавно приобретенной, но, похоже, уже стойко сформировавшейся привычке, бросилась наводить справки:

— Слушай, что за дискета тебя так волнует? И почему ты ищешь ее у меня? Или это предлог?

Похоже, мой собеседник тоже растерялся.

— Никакой не предлог. Постой, постой, а зачем тебе это сегодня понадобилось выяснять? Вчера могла устроить допрос с пристрастием. И какой предлог ты имеешь в виду?

— Чисто женское любопытство, — попыталась я увернуться. — То самое, которое губило кошку. К тому же вчера было не до этого.

Но Володя слишком давно и слишком хорошо меня знал, чтобы купиться на такое откровенное вранье.

— Женское любопытство? У тебя? Не делай из меня идиота.

— Хорошо, не буду. Просто Марина у меня из головы не идет, я все вспоминала... Наш с тобой... эпизод, ну и вообще — жизнь. Только подумала, что Марина все-таки своего добилась, вышла за тебя замуж, потом по ассоциативному идиотизму эту мифическую дискету вспомнила — и тут ты звонишь.

— Я звоню, между прочим, узнать, как твои дела. Жива после вчерашних возлияний?

— Лучше скажи, когда похороны, — огрызнулась я. — Не мои, между прочим, а Марины. Когда и где?

— Завтра. В двенадцать на Преображенском кладбище. Приезжай прямо туда, иначе ты из своей деревни должна будешь чуть ли не в шесть утра выбирать, чтобы к сроку в морг попасть. Да и нечего тебе там делать, по-моему.

— А где Ларису хоронят?

— Ларису? При чем тут Лариса? У тебя это уже навязчивая идея. Позвони ей и спроси. Кстати, хочу спросить о Валерии. Как фамилия его сестры? Попробую по своим каналам кое-что узнать об их жизни.

После слова "кстати" я ждала чего-нибудь относительно дискеты, поэтому вопрос о фамилии застал меня врасплох.

— По мужу она Урманис. Нина Урманис.

— Латыш?

— Обрусевший. Игорем зовут. А какая разница?

— Никакой. Теперь уже никакой. Ну, до завтра. — Володя положил трубку, не дожидаясь моего ответа.

Не успела я осмыслить наш разговор, как телефон снова зазвонил.

— Слушаю, — буркнула я в трубку не слишком приветливо.

— Добрый день, Светлана, это Андрей. Как вы себя чувствуете?

Похоже, ежедневные звонки моего нового знакомого уже становятся традицией.

— Спасибо. Завтра собираюсь на похороны. Так что соответственно себя и чувствую.

— Я так и подумал. Вам нельзя туда идти одной.

— Почему? Ничего со мной не случится. Возьму на всякий случай валидол — и все.

— Думаю, это неправильно. А что вы скажете, если с вами поедет Павел?

— Павел? — ошарашенно переспросила я. — Почему Павел? Ему что, заняться нечем?

— Павлу очень даже есть чем заняться, поэтому он с вами и поедет. В качестве близкого друга вашего покойного мужа. На похоронах можно узнать многое из того, чего в следственных кабинетах обычно не услышишь. Вы хотите, чтобы гибель вашей подруги была раскрыта?

Против этого мне возразить было нечего. Разумеется, я этого хотела и вообще только об этом и думала, особенно когда поиски предполагаемого убийцы (или убийц) моего мужа тот же Павел взялся проводить за меня. Но что же, и второе дело он тоже будет распутывать? То, что подполковник ФСБ заинтересовался радиоактивной капсулой, еще как-то понятно. Но вот гибель двух ничем не примечательных женщин на пожаре — это скорее задача для милиции, причем для обыкновенного следователя. Что-то тут не сходилось.

— Так что завтра в одиннадцать утра он будет ждать вас в машине возле подъезда. И обратно доставит после поминок.

— Даже так? Жаль, что у вас машины нет и приходится в такую даль ездить без комфорта.

— А мне-то как жаль! Ухаживать за женщиной, имея машину, куда проще. И...

— Эффективнее, — быстро подсказала я.

— Вам говорили, что вы порядочная язва? — отозвался Андрей с явной, впрочем, улыбкой в голосе.

— Говорили, что порядочная. Про язву — нет, не говорили. Вы первый.

— Не может быть! Значит, вы только со мной так разговариваете?

— Почему только с вами? Я со всеми одинаково разговариваю. Только все это по-разному понимают.

Разговор затягивался. Я подседа с телефонной трубкой к письменному столу, решив, что могу совместить приятное с полезным: поболтать с Андреем и попробовать слова-коды.

Неожиданный сигнал компьютера отвлек меня от беседы. Я машинально взглянула на монитор: вместо требования ввести код там красовался какой-то текст. Я ахнула: человеческий гений победил, и дискета все-таки "раскололась". По-видимому, мозг снова сработал в "двойном режиме", и я, не отдавая себе в этом отчета, набрала нужное слово. Только какое?

— Что случилось, Светлана? — обеспокоенно спросил Андрей. — Вы так ахнули, будто испугались.

— Испугаешься тут, — ответила я, не отрывая зачарованного взгляда от монитора. — Я, кажется, угадала код, только теперь не знаю — какой.

Несколько минут я объясняла, каким образом оказалась в такой ситуации, пока Андрей, наконец, не сообразил, в чем дело. Он, как всегда, оказался на высоте, и, следуя его указаниям, я довольно быстро добилась от Кузьмы ответа, а добившись, вновь застыла, не зная, то ли смеяться, то ли плакать. Ибо Марина, по-видимому, знала о моем отношении к ее супругу куда больше, чем я предполагала, знала даже то, о чем я ей никогда не рассказывала. Во всяком случае, не помню, чтобы я поведала подруге то, что позволило ей закодировать свою дискету именно так, как она это сделала.

Дискета была закодирована простым и выразительным словом "Фоско".

Глава восемнадцатая. Загадка дискеты

Андрей с ходу отменил все мои возражения относительно уместности его немедленного приезда: план работы на сегодня я выполнила, дискету, конечно же, прочитаю и, насколько он успел разобраться в моем характере, выводы сделаю скоропаче.

лительные, хотя не исключено — правильные, но вследствие той же скоропалительности начну оповещать о них налево и направо и тем самым испорчу ситуацию если не окончательно, то бесповоротно. Ему, Андрею, тоже сегодня особой нагрузки не выпало, может располагать собой и своим временем как угодно. Единственное, на что он согласился, это на ужин в моем доме. И то потому, что я пригрозила голодовкой на неопределенное время.

— А продукты у вас есть? — спросил он меня, проявляя явные способности к дедуктивному способу мышления.

— Хлеба только нет, — попыталась увернуться я, — но мучное есть вредно. Фигура портится.

— Для того, чтобы испортилась ваша фигура, — отпарировал Андрей, — нужно лет пять есть горячий белый хлеб, густо намазанный маслом. Ладно, я подумаю, что вам купить вместо цветов.

По словам Андрея, ему требовалось минут сорок-сорок пять, чтобы добраться до меня. Без машины и из центра города это было абсолютно нереально. Но почему, собственно, я вбила в голову, что он работает в центре? Павел — да, но про моего покровителя-добровольца я практически ничего не знала, и временами мне от этого становилось дискомфортно. Надо что-то делать, пока я еще как-то контролирую ситуацию. Иначе очень скоро ситуация начнет контролировать меня — было уже такое в моей жизни.

Я вернулась к компьютеру, чтобы ознакомиться с содержанием дискеты снова набрала код. Действительно, кроме меня, его вряд ли кто-нибудь мог угадать. Марина все-таки рисковала: а если бы мне прозвище, которое я дала Володе, просто не пришло в голову? Хотя... чувство юмора у нее всегда было отменным, и она наверняка мысленно усмехалась, представляя себе выражение моего лица. А может, и не усмехалась, может, собиралась все-таки назвать мне код, да так и не успела. Или забыла. Откуда я знаю, что происходило в ее жизни и душе в те последние недели, которые мы с ней так и не удосужились увидеться?

Добрую половину дискеты занимала абсолютная абракадабра, написанная, к тому же, на английском языке. Потратив полчаса на тщетные попытки проникнуть в суть, я сдалась и нажала на клавишу быстрого просмотра. Где-то после пятнадцатой страницы начался, наконец, нормальный текст. То есть нормальный в том плане, что был написан по-русски, и все слова мне были не только знакомы, но даже складывались во вполне связные фразы. Только смысл этих фраз никак не хотел до меня доходить.

Я даже звонок в дверь услышала не сразу. И открыла Андрею с таким выражением лица, что, похоже, слегка его напугала. Правда, он довольно быстро сообразил, что все это связано с дискетой.

— Прочитали? Ничего не поняли? Или — наоборот?

Я потрясла головой.

— Читаю. И не могу поверить в то, что не сплю. Какой-то театр абсурда Ионеску. Если бы три дня назад мне сказали, что события развернутся таким образом, я бы умерла со смеху. Но Марина погибла, а Володя явно охотится за этой дискетой. Из нее следует, что мой старинный приятель ведет какую-то странную, почти двойную жизнь и смертельно боится утечки какой-то информации. А из последовавших событий — что он убирает тех, кто вольно или невольно оказался в курсе. Так что я, похоже, следующая.

— Я так и думал. Вывод скоропалительный и наверняка не совсем правильный. Давайте вместе посмотрим, что там такое. Да, вы меня так ошарашили своим видом, что я забыл о продуктах. В коридоре сумка, ее бы разобрать для начала...

В сумке обнаружилась копченая курица, длинный батон, пачка масла, свежая зелень и пара помидоров. Имелась также и бутылка минеральной воды, причем французской "Эвиан". Я водрузила продукты в холодильник и присоединилась к Андрею у компьютера.

Но и совместный просмотр первой части дискеты ничего не прояснил. Андрей потратил на ее изучение битый час, не слишком вежливо спровадив меня в кухню готовить обещанный ужин, но так ничего и не добился. В конце концов сдался и объявил, что без профессиональных специалистов тут не справиться, сплошные медицинские термины, а он не слишком силен в английском. Взглянув на первый абзац, я поняла, что и мне вряд ли удастся что-то понять без специальных словарей.

Значит, снова нужно обращаться к Павлу. Так что предстоящая моя с ним встреча приобретает дополнительный оттенок осмысленности: скопируем дискету и копию Андрей сегодня же забросит своему другу, а тот завтра отдаст ее специалистам. В компетентных, естественно, органах. Им, органам, и карту, то есть дискету в руки.

Вторая часть была куда информативнее, и для меня — совершенно новой и интересной. Это был рассказ о встрече с Ларисой, о которой я понятия не имела, что было странно. Андрей так и впился в этот текст — точно в крутейший боевик с эротикой.

Помимо того, о чем я уже догадывалась, нашлось и нечто новенькое. Содержалось это в рассуждениях Марины по поводу подлинности представленных Ларисой документов и мотивов ее действий. Речь шла ни больше, ни меньше, как о том, что Володя, переводя свои медицинские тексты, заодно призраивал их зарубежным фармацевтам до того, как настоящие изобретатели собирались взять патент. Некрасиво, конечно, но доказательств практически никаких, а те, какие что-то значили, Володя мог опровергнуть шутя и играя. Нет, этого он не боялся, а боялся явно чего-то другого. Но...

Но, допустим, Лариса оболгала Володю просто со зла, чтобы насолить Марине. Косвенно ее рассказ подтверждался тем, что Марина случайно проговорила в разговоре с мужем о встрече с Ларисой, потом спохватилась, перевела разговор на другое, но он возвращался к прежней теме несколько вечеров подряд и устроил форменный допрос, достаточно искусно замаскированный.

Сведя всю информацию воедино, Марина сделала копию с дискеты, записала на ней всю эту историю и отдала мне. Да, еще она написала, что если с ней случится что-то, вызывающее сомнение, разгадку надо искать в документах на этой дискете или непосредственно в компьютере ее мужа. Код доступа к личной папке в компьютере Владимира — "65-6-30-B", то есть дата рождения. Для тех, кто знает — просто, кто не знает — достаточно сложно.

Кончалась запись на дискете фразой, которая для Марины, не слишком склонной драматизировать свои переживания, была просто криком души:

"Светлана, я начинаю бояться этого человека..."

Мы с Андреем оторвались от монитора и какое-то время молча смотрели друг на друга.

— Ну и какой, по-вашему, вывод я должна сделать? По-моему, только тот, который сделала.

— Не горячитесь. Возможно, все не так страшно, как вам представляется. Пойдемте, лучше поедим, все эти страхи — от пустого желудка.

Мы сидели в кухне и делали вид, что ужинаем. Мне кусок в горло не лез, да и у Андрея, похоже, с аппетитом возникли проблемы, потому что он, вяло поклевав соевый салат из помидоров, отложил вилку.

— Мы же еще не знаем, что это за документы. Лариса, похоже, играла втемную, а вот Марина начала собственное расследование.

— И обеих убили!

— Опять торопитесь. Если бы ваш приятель был способен на убийство, Ларисы давным-давно не было бы на свете. Он же, судя по всему, предпочел от нее откупиться женитьбой, а потом сделал все возможное, чтобы развестись. Вот на это денег, полученных за медицинскую информацию, вполне могло хватить. Тогда что так тревожило Марину?

— Если бы знать... — вздохнула я. — Ясно только, что он был очень недоволен тем, что она вошла в контакт с его бывшей супругой, даже встревожен этим. Хорошо еще не знает, что я с Ларисой поддерживаю отношения. То есть поддерживала... Но зачем им понадобилось снова встречаться?

— И вместе потом приезжать к вам...

Меня вдруг озарила совершенно невероятная догадка.

— Андрей, они не собирались приезжать. Марина сообщила мне, что она будет с Ларисой. Она добавляла информацию к той, которую заложила на дискету. Она прекрасно знала, что меня весь вечер не будет дома: мы тысячу раз с ней обсуждали мой первый выход после большого перерыва. Она просто не могла забыть, мы только накануне в последний раз об этом говорили по телефону. Марина хотела меня предупредить — и предупредила, но я только теперь это поняла. Она позвонила мне на мобилку, но та была заблокирована, я забыла оплатить. Тогда она оставила эту странную запись на автоответчике, иначе мы бы никогда не узнали о Ларисе. Володя-то ее не опознал. А я, как последняя идиотка, все ему выложила!

— Не расстраивайтесь, в этом ряду никогда не бывает крайних, — любезно утешил меня Андрей. — Только постарайтесь не допускать таких ошибок в будущем.

— По-вашему, оно у меня есть? — уныло осведомилась я.

— Не драматизируйте ситуацию. Если вы впредь будете осторожны в разговорах, ничего страшного не произойдет. Да и в конце концов, не доказано, что ваш приятель овдовел, так сказать, по собственному желанию. Есть только некоторые странные факты, цепь случайных совпадений.

— Андрей, — неожиданно спросила я, — где мы могли строить ядерный реактор?

— Не понял, — вытаращил он на меня глаза, явно сбитый с толку причудливым ходом моих мыслей. — Кто — мы? Почему строить?

— Ну, помогать в строительстве. Подруга мне сказала, что видела Володьку в том центре, который они с мужем проектировали. Вот только я забыла, в какой стране. — И я пересказала Андрею чуть ли не дословно наш разговор с Галкой, попутно выдав ему информацию относительно Галкиного семейного положения и профессиональной деятельности.

— Ладно, — выслушав меня, вздохнул Андрей. — С вашего позволения, я позволю кое-куда, может быть, есть новости. Относительно ваших бывших родственников и ваших, так сказать, сонаследников.

Я машинально мыла посуду после того, что с большой натяжкой можно было назвать ужином, и думала о том, что если вся эта история каким-то невероятным образом благополучно разрешится, нужно начинать жизнь заново. Перестать смотреть на эту квартиру как на тюремную камеру и попытаться превратить ее в нормальное жилье.

Почувствовала, что в кухне я уже не одна, резко обернулась. Действительно, Андрей стоял в дверях и смотрел на меня. Расшифровать выражение его лица мне не удалось, поэтому я спросила в лоб:

— Что-нибудь еще случилось?

— Не знаю, — медленно ответил он. — Дело в том, что ваши сонаследники вчера убыли за границу. Ни с того, ни с сего и на неопределенный срок, благо средства, по-видимому, позволяют.

— А почему такой минор?

— Произошла утечка информации. Кто-то их предупредил, потому что в подобные совпадения на ровном месте я лично не верю. Человек, которому я звонил, по моей просьбе второй день занимается этим семейством. А когда решил лично побеседовать — поезд ушел. От кого они могли что-то узнать, как вы думаете?

Мне и думать не надо: от Нины. А ее предупредила я. Лично. Кому от этого стало лучше, спрашивается?

Мои переживания достаточно ясно отразились на лице, и Андрей немного смягчился:

— Светлана, я вас прошу, будьте сдержаннее. Я искренне хочу вам помочь, а вы не только мне — самой себе мешаете. Дайте, что ли, слово, что ни с кем не будете обсуждать ни капсулу, ни пожар.

— Честное слово, ни с кем не буду, — быстро ответила я. — Только с Галкой.

Андрей возвел глаза к потолку и вздохнул. Достаточно красноречиво. И я тут же вспомнила, как в значительно менее рискованных ситуациях Валерий так же рассматривал потолок, а потом с грустным вздохом констатировал:

— Худшего врага, чем ты сама, малыш, у тебя нет.

Глава девятнадцатая. Безутешный вдовец

Следующее утро выдалось слякотным, серым, в общем — отвратительным. При мысли о том, что придется в такую погоду ехать на кладбище и провести там довольно много времени, мне стало просто физически плохо. К тому же я слишком хорошо помнила похороны Валерия на том же, кстати, Преображенском кладбище. Точнее, не похороны, а захоронение урны и последующие хлопоты по благоустройству довольно-таки запущенной могилы.

На часах было ровно половина десятого, когда раздался телефонный звонок. По утрам мне обычно никто не звонил, поскольку знали: разбуженная, я страшна, как голодный тигр. Интересно, кто это такой смелый?

— Доброе утро, Светлана, это Павел. Вы помните о нашем уговоре?

— Конечно. Вы поедете со мной на кладбище. Что-нибудь изменилось?

— Да, мне надо с вами кое о чем поговорить. Ничего, если я приеду не в одиннадцать, а чуть пораньше, скажем, в десять пятнадцать? Не нарушу ваших планов? — Не нарушите, особенно если учесть, что никаких планов нет. Я вас жду.

Выражение лица Павла, когда я открыла ему дверь, не предвещало ничего приятного. Но я проявила не свойственную мне выдержку, предложила выпить кофе и не задавала никаких вопросов, пока не услышала:

— Ваш бывший родственник исчез. На работе его нет, дома не появлялся, дачи у них, как будто, не имеется. Одна надежда: загулял.

— Может, и загулял, — кивнула я. — С мужчинами это случается. Впрочем, и с женщинами тоже, насколько мне известно.

— Вчера он ушел из дома поздно вечером, жене ничего не сказал. Во всяком случае, она так утверждает. Позвонил кто-то, Игорь сам подошел к телефону, ничего не говорил, только слушал, потом сказал "хорошо", оделся и ушел. Наши сотрудники опоздали, явились под утро...

— Арестовывать?

— Задерживать, — мягко поправил меня Павел. — А подозреваемого и след простыл. Боюсь, он сам что-то заподозрил и решил исчезнуть. Или...

— Или — что?

— Или ему помогли это сделать, если эта капсула была не единственной, которую он вынес. И у меня есть подозрение, что опять произошла утечка информации, боюсь, опять по вашей вине. Помимо вашего приятеля в курсе всех событий, как я понял, оказалась еще и ближайшая подруга, эта самая Галя.

— Вы с ума сошли! — возмутилась я. — Галка абсолютно надежный, порядочный человек, а вы ее подозреваете... даже страшно выговорить, в чем. Не может этого быть! Даже смешно слушать.

— А я бы на вашем месте не веселился. Ведь выяснилось, что и она имеет отношение к радиоактивной, так сказать, промышленности. Плюс частые заграничные командировки. Позавчера вечером вы все ей рассказали — вчера вечером исчез Игорь Урманис. Кто-то его предупредил.

— Только не Галина! Не станет же она покрывать человека, который вроде бы причастен к смерти моего мужа...

Разумеется, я ни на секунду не усомнилась в том, что Галка не способна на предательство. Так же, как не верила в то, что Володя способен вести двойную жизнь, а заодно организовать убийство двух ни в чем не повинных женщин. Потому что если бы я в это поверила, то следующим шагом в моих размышлениях был бы единственный вывод: верить нельзя никому вообще. Следующим же выводом стал бы вот какой: если я буду мешать Володе в его жизни или делах, он смахнет меня, как муху со стола, не испытывая при этом ни малейших сомнений, тем более — угрозы сообщить.

— Не волнуйтесь, — будто прочел мои мысли Павел. — Лично я не думаю, что бы вам грозила опасность. Вашу загадочную дискету мы расшифровали, там описание очень известного лекарства, которое уже года два как рекламируется во всем мире. Интересно, правда, что изобрел это лекарство русский, который никогда за границу не выезжал. Сегодня мои сотрудники постараются проверить, каким образом его открытие стало собственностью иностранной фирмы и сколько ему за это заплатили...

— Если заплатили вообще, — откликнулась я.

— Если вообще заплатили, — подхватил Павел. — В любом случае, мне будет интересно посмотреть на вашего приятеля. Значит, легенда остается прежней: я друг вашего покойного мужа, ехать на кладбище одной вам здоровье не позволяет, а у меня машина, да и к вам я отношусь с большим вниманием. Сумеете мне подыграть?

Я заверила Павла, что не подведу, и мы чинно спустились во двор, где меня ожидало легкое потрясение: возле подъезда стояла роскошная иностранная машина золотисто-бежевого цвета с какими-то непонятными мне прибабасами и антенной на крыше. Н-да, это вам не "Жигули" какие-нибудь.

— Нравится? — спросил Павел с каким-то мальчишеским удовольствием.

— Конечно, нравится. А как она называется?

— "Ауди". Вон же эмблема на радиаторе.

— Ну вот и славно. Поехали?

Мы доехали быстро, и Павел пристроил машину в узком проезде между церковной оградой и бетонным забором Преображенского рынка. Затем мы отправились на территорию кладбища к тому месту, где должны были хоронить Марину. По странной иронии судьбы их участок, то есть тот участок, где были мо-

гилы Марининых бабушки и дедушки, находился в той же части кладбища, что и могила родителей Валерия, куда я пристроила и его урну.

— Павел, у нас есть еще немного времени? Можем зайти на могилу к моему мужу?

— Пойдем, — согласился он, бросив короткий взгляд на часы. — Тем более что это вполне естественно... и для вас, и для меня.

Принесенные мною в прошлый раз астры давно почернели, а больше, судя по всему, сюда никто не приходил. Да и кто мог прийти? Сестра? Бывшая жена? В свете последних событий это представлялось маловероятным.

— Пойдемте, Светлана, — прикоснулся к моему плечу Павел, — вон там, кажется, уже процессия.

В этот момент в его кармане запищал мобильник. Павел прижал трубку к уху, и чем дольше длился разговор, тем напряженнее становилось его лицо. Затем он бросил коротко: "Держите меня в курсе, через какое-то время сам приеду", и убрал трубку на место.

— Что-нибудь случилось? — робко осведомилась я. Мне показалось, что на сей раз разговор имеет ко мне какое-то отношение.

— Случилось, — мрачно ответил Павел. — Нашли вашего бывшего родственника. К сожалению, поздно нашли.

— Мертв?

— Убийство или самоубийство, пока еще точно не установлено. Утром в милицию позвонил какой-то мужчина, который прогуливался с собакой по набережной напротив Киевского вокзала, и заявил, что на другом берегу реки возле воды лежит кто-то, то ли замерз, то ли спит, то ли... Вот так и нашли. Документы целы, деньги целы, видимых следов насилия нет.

Мы медленно двинулись навстречу похоронной процессии, в середине которой я сразу заметила высокого и массивного Владимира, бережно державшего под руку миниатюрную женщину в черном — Софью Михайловну. Народу собралось прилично, человек, наверное, сорок, если не больше. Павла я слушала чисто машинально, потому что не могла одновременно осознать и то, что через несколько минут предстоит прощание с одной из моих близких подруг, и то, что человека, которого я заподозрила в убийстве моего мужа, уже нет в живых.

— Непонятно только, что он делал ночью у Киевского метрооста. Да вообще еще очень много непонятого, так что в ближайшие несколько суток милиции работы хватит, не завидую я коллегам.

Я уже почти не слушала его, я заметила гроб на каталке и только в эту минуту поняла со всей отчетливостью, что Марины больше нет. Что я никогда уже не увижу ее матово-смуглого красивого лица, не позавидую той непринужденной элегантности, с которой она носила свои очень простые, но с большим вкусом сшитые наряды, не услышу ее низкого хрипловатого голоса...

Маринка, Маринка, как же все это получилось? Наверное, трагическая случайность, потому что нельзя отнять жизнь у человека из-за того, что было записано на дискете. Не стоит эта информация такой жертвы. Никакая информация не стоит.

Я подошла к Володе, пожала ему руку, поцеловала Маринину мать и поискала глазами ее отца.

— Льва Григорьевича мы не решились везти сюда, — ответил Володя на мой немой вопрос. — Ему это было бы не по силам. Да и прощания, как такового, не будет, хороним в закрытом гробу.

Софья Михайловна заплакала, какая-то женщина выхватила из сумки пузырек с лекарством, стала капать на кусочек сахара пахучие капли...

— Я очень тебе сочувствую, Володя, — тихо проговорила я. — Тяжело все это. Держись.

— Извините, — раздался голос Павла, — Светлана забыла нас познакомиться. Меня зовут Павел, я врач и старинный друг ее мужа. Простите за незваный приход, но я не смог отпустить ее одну, тем более сюда. Мы только что были на могиле у Валерия.

— Конечно, конечно, — кивнул Володя, явно думая о другом. — После похорон поедем к нам, то есть к Марининым родителям. Всех, кто хочет помянуть Мариночку... — Он замолчал на середине фразы и отвернулся.

— Почему хоронят в закрытом гробу? — шепотом спросила я у Павла.

— Она очень обгорела, лучше этого не видеть, — так же тихо ответил он мне. — Дать вам таблетку? Или выдержите?

— Выдержу. Должна выдержать. Да, кстати, у меня появилась версия гибели Марины, по-моему, достаточно правдоподобная...

— Хорошо, но попозже. Сейчас не время.

Могилка была уже вырыта, так что церемония закончилась достаточно быстро. Вскоре рядом с двумя могилами в ограде появился третий холмик, заваленный цветами и венками, с огромной фотографией Марины в центре. Я помнила этот снимок, один из самых удачных, сделанный сразу после окончания института: на нем Марина смотрела прямо в объектив и чуть заметно улыбалась каким-то своим мыслям.

Разве могли мы тогда подумать, что всего без малого через двадцать лет... И мне вдруг стало дурно. Тогда мы если и хоронили кого-то, то бабушек и дедушек, а это естественно, хотя и печально. И как нас всех тогда потрясла та гибель нашего соратника и ровесника, которого нашли под метрополитом у Киевского вокзала...

Глава двадцатая. Поминки на Ордынке

— Что с вами? — спросил меня Павел, по-видимому, не в первый раз. — Вам плохо? Дать лекарство?

Я могла только что-то промычать в ответ. За всей той свистопляской, которая произошла со мной на протяжении последних месяцев, я, конечно, думать забыла об этой студенческой истории многолетней давности. И вот сейчас воспоминание об этой трагедии всплыло снова. Но испугалась я не того, что вспомнила саму трагедию, а того, что всю эту историю знали только двое: Володя и я. Больше я никому и никогда ее не рассказывала, даже ребятам из группы.

— Светлана, — снова затеребил меня Павел, — да очнитесь же! Что с вами?

— Скорее всего, очередной приступ сумасшествия, — попыталась я усмехнуться, но попытка не удалась, губы у меня дрожали, а страх накатывал изнутри противными липкими волнами. — Я вспомнила...

И, не давая себе ни секунды, чтобы не передумать, рассказала Павлу о том, что только что осознала. Конечно, подсознательно я ждала, что Павел пожмет плечами и скажет что-нибудь насчет самых невероятных совпадений и особенностей моей фантазии, но мой спутник молчал и не пытался меня разубедить. Молчал он и еще какое-то время, пока мы выбирались с кладбища, садились в его машину, чтобы ехать на поминки, выезжали из узкого проезда. И лишь выехав на улицу, Павел произнес:

— Прошу вас, забудьте сейчас о том, что мне рассказали. Это очень важно, это многое объясняет, но вам лучше держаться от всего этого в стороне... по мере возможности.

— Почему? — тупо спросила я.

— Потому, что потому кончается на "у", — потерял терпение Павел. — Пошевелите мозгами. Вы же оказались в непосредственной близости от убийцы, неужели это непонятно? Извините за резкость, Светлана, но порой вы ведете себя как дитя малое, а не как взрослая разумная женщина.

— Простите, пожалуйста, у меня страшно болит голова, я почти ничего не соображаю. Наверное, это реакция...

— Не наверное, а точно, — уже менее сердито отозвался Павел. — Сейчас я вам дам таблетку, должно стать полегче. А то свалитесь — кто ухаживать станет?

— Андрей, наверное, — попыталась я пошутить. — Он вроде как начинал этот процесс, да капсула помешала.

— Мне почему-то кажется, что Андрею будет приятнее ухаживать за здоровой женщиной, чем за больной, — не принял шутки Павел. — Возьмите таблетку. А может быть, вам не ездить на поминки? Что-то мне тревожно...

— Как же я могу не поехать? Да вы что, это невозможно! И потом я же не одна там буду, так что ничего страшного не произойдет. Посижу в уголке, помолчу.

— Ну если только помолчите... Светлана, пожалуйста, постарайтесь сегодня как можно меньше общаться с вашим приятелем. Он становится опасным, а вы можете проговориться в какой-нибудь мелочи, о той же дискете, например. С одной стороны, не хотелось бы его спугнуть раньше времени, а с другой — еще меньше хочется делать из вас "живца".

Я еще раз поклялась, что буду вести себя тише воды, ниже травы. Мою версию о возможных убийцах Марины Павел решил выслушать позже, поскольку ничего срочного, как я сама ему призналась, нет. И Павел с явной неохотой повез меня в центр, на Ордынку, где жили Маринины родители. Их большая старая квартира, где в дни нашей молодости собиралось по пятнадцать-двадцать человек потанцевать и вообще "оттянуться", на сей раз показалась мне мрачной и неухоженной.

Возможно, это объяснялось тем, что все люди в ней были одеты в черное. И еще тем, что день за окном был по-прежнему хмурым и неприветливым.

Внезапно появившаяся Галка молча подошла ко мне и за руку отвела от окна. Она, как всегда, появлялась в нужное время и в нужном месте и способна была понять мои переживания без лишних слов. На похороны она не пришла, а вот на поминки все-таки приехала. Думаю, что исключительно ради меня. На Павла она по-прежнему смотрела с некоторым недоверием, но вопросов пока не задавала, видимо, решила, что так надо, а вытащить из меня информацию она успеет.

Когда все уселись за поминальный стол, я — случайно или намеренно — оказалась рядом с Маринкиной матерью. Как скоро выяснилось, очень даже не случайно, как и то, что Володя тоже был поблизости.

— Не могу поверить, — в десятый, наверное, раз всхлипывала Софья Михайловна. — Такое горе, такое горе! Никого у нас с отцом теперь не осталось, внуков так и не дождалась. Для кого теперь жить? Для Алешеньки? Так он, бедный ребенок, один на чужбине мается.

— Софья Михайловна, — положила я свою руку на ее. — Алька-то как раз лучше всех устроен, не стоит о нем беспокоиться. У вас Лев Григорьевич, у него — вы, и ваше общее горе...

— Дочечка, спасибо, но с горем жить трудно... Пока не забыла, родная... Мы с отцом переписали завещание, спасибо Володе, нотариуса на дом привел. После нас эта квартира останется тебе.

Я открыла было рот, но Софья Михайловна властно подняла руку:

— Не спорь, мы так решили. Ближе тебя подруги у Мариночки не было, ты и Володю не оставишь, если что. Кстати, это его идея: ему квартира не нужна, у него своя

есть, плюс загородный дом. И потом... если кто-то из нас уйдет раньше, отец или я... ты же нас не...

На глаза непроизвольно навернулись слезы. Конечно, я бы их не оставила, даже если бы пришлось перевезти их в мою собственную конуру. Но неужели они действительно любят меня, почти как родную дочь? Поздновато до меня доходят некоторые вещи. То, что Алешка, де-факто, был их единственным внуком, считалось само собой разумеющимся, но я...

Я поцеловала Софью Михайловну. Молча. Сказать мне было нечего, клясться в том, что я буду им вместо родной дочери — глупо, все равно Маринку им никто не заменит. Лев Григорьевич, которого я не заметила, подошел ко мне сзади, молча погладил по голове и молча же зашаркал в спальню.

— Не выдержал старик, — вполголоса сказал Володя, сидевший с другой стороны от Софьи Михайловны. — Пойти дать ему лекарство?

— Я сама, — ответила она и тоже вышла.

Володя какое-то время сидел молча, о чем-то напряженно размышляя. Потом наши взгляды встретились, и я увидела, как Володя еле заметным кивком приглашает меня выйти из комнаты.

— Я на кухню, — шепнула я Павлу и выскользнула из-за стола.

Володя действительно ждал меня там. Когда я вошла, на столе уже стояли бутылка водки и две наполненные рюмки.

— Помянем Марину тут, — тихо проговорил он. — Мы с тобой, кажется, самыми близкими людьми у нее были. И из прежней компании почти никого не осталось: одних уж нет, а те далече.

— Да, я тоже сегодня вспоминала студенческие годы. Как быстро время пролетело! Кто бы мог подумать еще два года тому назад, что все так обернется? Валерия нет, Марины нет...

Володя протянул мне рюмку и поднял свою:

— Ну, не чокаясь...

Внутри сразу стало тепло, а день приобрел хоть какие-то краски, кроме черных.

— Теща сказала тебе про завещание, я слышал. — Володя снова достал бутылку и наполнил свою рюмку. — Не переживай, они только с виду хрупкие и беспомощные. Да и я их не оставлю, как ты понимаешь. Кстати, если что-то со мной случится...

— Типун тебе на язык! — огрызнулась я. — Мало горя было в последнее время?

— Я же не говорю, что это случится завтра. Не перебивай, пожалуйста, мне и так хреново. В общем, мой единственный наследник — Алешка, так и знай. Завещание я уже оформил. Ты же помнишь, мы с Мариной все завещали друг другу. Теперь всем распоряджусь я, точнее, распорядился. И еще, мне кажется, что этим я как бы немного искупаю свою вину перед тобой. Ведь Алька действительно мог быть моим сыном. Я просто идиот, не понимаю, почему ты ко мне так хорошо относишься...

Похоже, мы оба потихонечку хмелели. В трезвом состоянии Володя вряд ли сказал бы что-нибудь подобное.

— Беда, как говорится, не ходит одна. Сегодня вот узнала, что погиб бывший мой родственник, муж сестры Валерия. Нестарый человек, между прочим. Так что теперь на деле с капсулой можно поставить крест.

— Какой родственник? — несколько раздраженно спросил Володя. — Света, тебе, по-моему, нужно показаться хорошему врачу. Понимаю, что события последнего года на тебя не могли не повлиять, но не до такой же степени.

Тут уже я ощутила некоторое раздражение и снова отхлебнула из рюмки, которую все еще держала в руке.

— Здравствуйте! Ты сам вчера меня спрашивал фамилию, говорил, что попробуешь что-то выяснить, а сегодня у тебя отшибло память? На тебя не похоже, ты всегда гордился тем, что ничего и никогда не забываешь...

Я замолчала, пораженная внезапно пришедшей ко мне мыслью: Володя действительно помнил абсолютно все, а значит, и то, что про гибель Коли Токмачева ему рассказала я. Но из этого следует, что он тут абсолютно ни при чем, просто случайное стечение обстоятельств. Не станет же он так глупо подставляться, убирая моего родственника, хоть и бывшего, способом, о котором узнал от меня!

Павел возник в дверях кухни как раз в тот момент, когда я собиралась прямо спросить своего друга, виноват ли он в гибели по меньшей мере двоих людей. В тот момент мне это казалось самым простым и естественным вопросом на свете. Главное, выяснить — и можно со спокойной душой думать о другом.

— Светлана, я вас ищу. Вы, наверное, устали, хотите, отвезу вас домой?

— Да что вы, — отмахнулась я, — только-только в себя пришла и согрелась. Не беспокойтесь, Павел, все в порядке. Мы вот тут с Володей молодость вспоминаем, общих знакомых. Все-таки почти двадцать лет друг друга знаем, правда, Володя?

— Через два месяца будет двадцать, — кивнул он, пристально глядя на меня. — Мы познакомились в восемьдесят третьем, тогда еще май был безумно жаркий, а я потом все лето провел в Москве, работа подвернулась. А ты в Крым ездила, так?

Наши глаза встретились. Я поняла, что мы одновременно вспомнили одно и то же: летнюю встречу в Москве и мой рассказ. Не знаю, как это объяснить, но мне почудилось, что в комнате ударила молния. Все поплыло, заволокло какой-то зеленоватой дымкой — и пропало.

Очнулась я на диване и сразу даже не поняла, где именно нахожусь. На лбу лежало что-то холодное, я потрогала и обнаружила то ли салфетку, то ли полотенце. И тут же надо мной склонился Павел. Нельзя сказать, чтобы лицо у него было приветливым, скорее — хмуро-настороженным.

— Так, — констатировал он, — очнулись? Сейчас я отвезу вас домой и уложу в постель. А еще лучше — помещу в больницу и спокойно займусь делами. Вы будете под надежным присмотром и уж точно больше не наделаете никаких глупостей. Заодно обследуетесь.

— Какая больница? — простонала я в совершенном ужасе. — Не надо никаких больниц, мне просто на минутку стало дурно. Я вообще сегодня себя неважно чувствовала, а после кладбища, разговоров...

— Пары рюмок водки на голодный, как легко догадаться, желудок, — сухо продолжил Павел. — Хорошо, с больницей мы решим потом: днем раньше, днем позже — это уже не принципиально. Но сегодня и завтра — постельный режим. Иначе, Светлана, я вам обещаю тюремный изолятор, потому что по-другому вас просто невозможно контролировать. Мы уйдем, не прощаясь, вам сейчас не до светских условностей. Есть у вас кто-нибудь, кто мог бы побыть с вами пару дней? Одной остаться не надо бы...

— Только Галка, — вздохнула я. — Она меня и домой может отвезти, у нее машина.

— Первая здравая идея за весь день, — не без сарказма заметил Павел. — Сейчас позову Галину, обсудим.

— Между прочим, и отвезти Светлану домой, и побыть с ней, сколько нужно, вполне могу я, — раздался голос, который я вовсе не желала сейчас слышать. — Дел у меня никаких нет, а ухаживать за больными я умею. К тому же, мне совершенно все равно, где сидеть за компьютером: у себя дома или у Светланы, за город я все равно не поеду.

— Спасибо, Володя, — ответил за меня Павел. — Но, по-моему, Светлане сейчас лучше побыть с кем-то, кто не напоминал бы ей о прошлых событиях. Да и выпили вы, между прочим, извините за бестактность.

— Извиняю, — сухоотреагировал Володя. — Вы-то, кажется, трезвенник, я заметил. Редкая, между прочим, вещь среди врачей.

Показалось мне или нет, но в его голосе мелькнула легкая нотка сарказма.

— Да-да, — ухватилась я за эту идею, — Галка тоже не пьет, она за рулем. Так что все будет в порядке.

Я упорно не смеетела на Володю, но чувствовала, что он-то с меня глаз не сводит. От этого все внутри дрожало противной мелкой дрожью, а по спине разливался жуткий холод.

Галина очень кстати возникла в комнате и сразу врубилась в ситуацию.

— Нет проблем, — коротко сказала она, даже не дослушав мои сбивчивые пояснения. — И доставим, и посидим, и все, что нужно, сделаем. По первому классу. Так что не извольте беспокоиться, гражданин начальник.

Павел глянул на нее с некоторым изумлением, но комментировать не стал. Наверное, решил, что если Галка — моя подруга, то и у нее неизбежно проявление некоторых странностей поведения.

Володя распрощался с нами, потом пошел к старикам, но пробыл там не более пяти минут и уехал совсем. Павел напрасно беспокоился: Володя мог вести машину, даже выпив полбутылки виски, причем до сих пор гаишники еще ни разу его не остановили.

Пока я потихонечку собиралась домой, Павел успел несколько раз поговорить с кем-то по мобильному телефону и при этом все больше и больше мрачнел. В конце концов, уже одеваясь в коридоре, я набралась смелости и спросила, что на сей раз не так.

— Все так, нормальная работа. Как обычно, приходится делать несколько дел одновременно, и вот теперь я ломаю голову, как все это совместить. Вашего дорогого друга пока задерживать не за что: на время пожара на Рождественке у него железное алиби, проверили. Сведения на дискете нуждаются в дополнительных доказательствах, потому что Лариса могла все придумать просто из чувства мести. Ну, а гибель вашего родственника... То, что ее обстоятельства совпали с событиями двадцатилетней давности, бесспорно, улика, но уж очень ненадежная. Так что, на первый взгляд, густо, а если внимательно присмотреться — почти пусто.

Он довольно сдержанно распрощался и отбыл на своем шикарном автомобиле. Лев Григорьевич не вышел меня провожать, чувствовал себя совсем скверно. А Софья Михайловна держалась: не только поцеловала меня на прощание, но и сунула Галке пакет с какой-то снедью для меня, а в мою сумочку — узкий конверт.

— Это копия завещания, — шепнула она. — Я должна все предусмотреть.

Тарасов и Галка доставили меня в родной дом, и пока Тарасов, патологически не умевший бездельничать, забивал какие-то уж особенно выдающиеся из стенки гвозди и поправлял что-то самое вопиющее, Галка в считанные мгновения навела порядок в моей кухне, заварила крепкий чай и силком заставила съесть привезенный с собой салат и какой-то фрукт. Только после этого она позволила мне закурить.

— А теперь рассказывай, что еще стряслось, — потребовала Галка, когда я, по ее собственному выражению, стала похожа на человека, а не на тряпичную куклу.

Я рассказала, пытаюсь свести эмоции к минимуму, а информацию — к максимуму, но в результате, естественно, все получилось наоборот. Так что Галке пришлось — как всегда! — отделять в моем рассказе зерна от плевел и выстраивать отдельные фрагменты в четкий логический ряд.

— Значит, доказательств причастности Володи к пожару нет? Меня это не удивляет, если честно. Насколько я помню, он слишком умен, чтобы оставлять такие вот доказательства. Вообще — слишком умен. Именно такие люди наиболее опасны... для общества.

— Так ты считаешь, что он мог это сделать? — с тоской спросила я, чувствуя, что остатки моей уверенности в невинности Володи бесследно улетучиваются. — Мог убить и бывшую жену, и Марину? Но это же ужасно!

— Веселого, конечно, мало, — согласилась моя подруга. — Но пока я не вижу поводов для паники. Был бы Володя менее труслив, он бы Ларису давным-давно придумал или утопил, ума у него хватало бы. Но тогда он, по-видимому, элементарно струсил, а сейчас... Сейчас, кажется, крысу загнали в угол, извини за грубое сравнение.

— Между прочим, — вспомнила я, — он сказал, что написал новое завещание, и его единственный наследник — Алешка. Что-то не монтируется.

— Отчего же? Сказать можно все, что угодно, ты же самого завещания не дела. Что же касается тебя, то ты, слава Богу, не жена ему и не любовница, и тебе просто не нужно оставаться с ним наедине ни на минуту. Не принимай никаких его приглашений и сюда, естественно, не пускай. Только и всего. Кстати, возможно, разговор об Алешке и наследстве — лишь предлог для новой встречи, имей в виду. Не в характере Вовчика кидаться дикими суммами денег, согласишься. А ты... Вряд ли он будет нанимать киллера, взорвать же тебя в машине довольно проблематично, хотя бы потому, что у тебя ее нет. Короче, забудь свою неземную страсть, и не вздумай смягчить его сердце нежными чувствами. То есть не бросайся ему на шею ни в прямом, ни в переносном смысле этого слова. Даже в благодарность за то, что он печется о будущем твоего сыночка.

— Я и не собиралась, только этого мне не хватало для полного счастья! Не совсем же я безмозглая в конце концов.

— Не совсем. Но в значительной степени. И не строй оскорбленную мину, ты знаешь, что я права. Для меня совпадение деталей двух убийств — бесспорная улика. Володя же не профессиональный киллер, он прежде всего логик.

— Умнее его никого нет, — тоскливо сказала я. — И уж точно не будет, во всяком случае, в моей жизни. Если вообще кто-то будет.

Глава двадцать первая. Пророчество Алины

Маринелла, в общем-то, уже привыкла к тому, что ее господин и повелитель мог вызвать ее к себе в любое время дня и ночи. Поэтому звонку не слишком поздним вечером не удивилась. Не запрыгала от восторга, как это бывало раньше, но послушно и не без удовольствия принялась собираться на встречу.

Иногда она сладко мечтала о том, что бросит в лицо любовнику его подленькие секреты и навеки привяжет к себе. Он считает ее идиоткой, думает, что использует втемную, а она, между прочим, вполне способна сложить два и два, и очень многое понимает, только молчит... пока.

Но теперь ее мечты изменились. Она мечтала каким-то образом отделаться от слишком уж властной Императрицы, но... сохранив всю ту роскошь, к которой постепенно привыкла. Мечты приносили странное успокоение, но больше всего она уже любила те минуты, когда подруга приставляла к ее руке крохотную ампулку, и через несколько секунд мир вокруг вспыхивал яркими красками и хотелось петь от счастья.

Она смутно помнила, как произошло знакомство Императрицы и Леонида. Кажется, это было в каком-то дорогом ресторане, куда по приглашению Ирины и явился любовник Маринеллы. Эти двое поняли друг друга с полувзгляда.

Потом танцевали, потом куда-то поехали. Маринелла вообще неважно переносила дорогу в машине, ее постоянно укачивало, а тут и вовсе разморило. Очнувшись она в незнакомой комнате на незнакомой постели, а в голове ее, точно льдинки в бокале, звучали чьи-то голоса.

Они были смутно знакомыми, но кому принадлежали, Маринелла никак не могла определить. В этот момент в комнату вплыла Императрица, закутанная в яркий, пышный наряд.

— Очнулась? Ну, разве можно столько пить? Мы уж терпение потеряли...

“Мы”, — изумилась про себя Маринелла. — Это что-то новенькое. Кого она имеет в виду?”

Долго размышлять ей не пришлось. Следом за Императрицей в комнату вошел Леонид, причем тоже — не в деловом костюме.

— Сейчас позавтракаем, — жизнерадостно сказал он, — и будем развлекаться. Девочки не против?

— Я — только за, — томно сказала Императрица. — Тем более, что и ночью мы славно повеселились. Помнишь, Мари?

Увы, Мари явно ничего не помнила.

Встречаться с новым любовником в загородном доме было слишком опасно: в обслуге дураков не держали, и легенда о подружке с женихом не выдержала бы самой примитивной проверки. Поэтому Ирина, затратив немало денег, связей и изобретательности, нашла квартиру, идеально подходившую для ее задумок. В квартиру можно было попасть и обычным путем: через парадное, и секретным: через черный ход занимавшего весь первый этаж престижного салона красоты.

Трехэтажный, заново отделанный дом в тихом центральном переулке Москвы хорош был еще и тем, что на двух этажах было всего по одной квартире, и Ирина точно разузнала, что хозяйева второго этажа еще не скоро вернутся в Россию. А на третьем этаже уютно разместилась квартирка из двух комнат с балконом, с которого, в случае уж совсем крайней необходимости, можно было быстро и легко перебраться на плоскую крышу двухэтажного дома рядом.

— Ты начиталась шпионских романов, дорогая, — благодушно шутил иногда Леонид, лежа рядом со своей новой любовницей в приятной истоме. — Зачем столько предосторожностей? Достаточно просто не открывать никому дверь, она же бронированная. Да и Мари, в случае чего, всегда под рукой.

Ирина только загадочно улыбалась в ответ. Она сама себе боялась признаться, что влюбилась в этого выхоленного красавца без памяти, что ни одно из ее прежних приключений-увлечений не приносило ей столько удовольствия и наслаждения. А вот Мари... Мари ей определенно надоела, и если бы не необходимость иметь надежную ширму, то...

Как-то она поделилась этой мыслью с любовником, но тот лишь нахмурился:

— Девчонка тут же побежит и доложит обо всем твоему мужу. Да и куда ей деваться теперь? К своему мужу? Тогда все будет известно в моей семье... Конечно, если ты готова навсегда связать со мной свою жизнь...

Ирина насмешливо приподняла брови.

— А ты готов сохранить для меня прежний уровень этой самой жизни? Не знала, что мне так везет на миллионеров...

— Сохранить такой уровень жизни я, конечно, не могу, — обиженно отозвался Леонид. — Поэтому и не советую злить Маринеллу. Без нее нам будет значительно труднее встречаться. Впрочем, если я тебе надоел...

— Ты — нет. Но эта кукла... В общем, я подумаю... В конце концов есть масса способов избавиться от человека. А нет человека — нет проблем.

— Ты что — хочешь ее убить? — У Леонида от страха даже голос сел.

— Ну, не собственноручно, конечно.... А тебе ее жалко? Неужели, Ленечка, не было в твоей жизни случая, чтобы тебе не хотелось кого-нибудь убить? Не фигурально, а по-настоящему...

— Хотелось, — вдруг раздался из угла тихий голос Маринеллы, о которой они как-то забыли. — И он бы убил. Но он трус, поэтому только добавлял клофелин и обчищал своих любовниц, а потом исчезал. Я точно знаю. Он все подарки делает из ворованных вещей, а остальное — сбывает. Стоит мне только слово сказать, где нужно, — и ему конец.

— Что она несет? — надменно спросила Императрица, окинув Леонида не слишком ласковым взглядом. — Что за бред, черт поберит?

— Это не бред. Он и тебя использует... и бросит. Или заставит, как меня, прикрывать его романчики со всякими шлюхами. Думаешь, он тебе верен? Как же! Когда он вечером свободен, обязательно кадрит какую-нибудь бабу. И либо к себе ее ведет, либо к ней едет. — Тихий, монотонный голос Маринеллы в повисшей тишине звучал достаточно громко.

Императрица выскочила из постели, подскочила к подруге и со всего размаха влепила ей пощечину.

— Ах ты, ревнивая дрянь! Забыла; из какой грязи я тебя подняла? Будешь так себя вести — отошлю фотографии твоему законному супругу. Пусть полюбуется, чем его женушка занимается, пока он ее разыскивает.

Маринелла разрыдалась и со злостью прохрипела:

— Да это же... И моими же руками...

Договорить она не успела. Женщин Леонид не бил принципиально, но на этот раз не сдержался и залепил Маринелле такую оплеуху, от которой у несчастной девушки даже голова запрокинулась.

— Идиот, ты же ее убьешь! — закричала Ирина. — Возись тут потом с трупом. Прекрати немедленно! Вот развлечение на мою голову: любовники отношения выясняют. Так что там с твоими делами?

— Ирочка, я все тебе объясню, — зажурчал Леонид. — Мари несколько... нервозна. Я просто хотел устроить как можно лучше. Она же ненормальная, несет всякий вздор, который ей померещится. В общем, нуждается в присмотре, в опеке...

Императрица взяла со столика сигарету и закурила. Казалось, она обдумывает только что пришедшую ей в голову чрезвычайно удачную мысль.

— В присмотре, значит, нуждается? Понятно. Пожалуй, я ей этот присмотр организирую. У девочки нервы никуда не годятся, нужно полечиться...

— Я не хочу в психушку! — закричала Маринелла.

— Да кто же говорит о психушке, дуручка? — со злой нежностью спросила Ирина. — Есть прекрасный санаторий, не в Москве. Вокруг сосновый лес, рядом озеро... Прекрасные врачи, внимательный персонал, отменное лечение. Через месяц будешь как новенькая. Сейчас я это организирую.

— Но, — начал было Леонид и тут же осекся. Что-то в лице его подруги не располагало к возражениям.

Императрица продефилировала через комнату, достала из сумочки мобильный телефон и нажала всего одну кнопку, сделав присутствующим знак вести себя тихо.

— Папик, — почти ласково начала она, — у меня тут дело... Нет, деньги пока не нужны, при случае компенсируешь... Нет, не пьянка очередная, будешь хамить, золотце, посажу на голодный паек, ты меня знаешь. Ну, хорошо, хорошо, прощаю.

Значит, мне нужно подружку мою отвезти в санаторий... А я хочу сама, чтобы там с врачом поговорить. Вернусь завтра. Слушай, иди ты к черту, мне уже осточертело сидеть в этой клетке. Где я? Будто тебе еще не донесли. Тогда я скажу: в салоне, в массажном. Да, зачистила. Хотя какое-то удовольствие могу получить. Ну, все, вечером тебе еще позвоню. Надо Мари отвезти засветло. Да недалеко же, Господи, по Каширскому шоссе, потом пять километров в сторону, санаторий "Лесной бор". Да, бывший правительственный. Мне и самой не мешает врачам показаться, нервы ни к черту. Ну, пока. Не кисни. — Она захлопнула крышку мобильного и снова задумалась. Потом скомандовала: — Одеваемся, быстро. Времени у нас в обрез, а мне еще нужно что-то с охраной придумать. К счастью, сегодня самая тупая смена. Леня, твоя машина на ходу?

Он кивнул и поймал на себе изумленный взгляд Маринеллы. Нет, решительно сегодня не его день. Никто, кроме Ирины, не знал о существовании у него вполне приличных "Жигулей". Никто из близких, естественно, включая домашних. Машина предназначалась только для него. Впрочем, как и мобильный телефон. Впрочем, как и многое другое...

— Хотя нет, я придумала кое-что получше. Сейчас спущусь в салон, вызову туда охранников и прикажу съездить в один бутик, где отложила для себя пальто. Дам денег. Вещь дорогая, одному не доверю. Да тут и дела-то на десять минут. Пока они обернутся, нас уже не будет. Через пять минут после меня спускаетесь вы. И все — свободны. Мари на твоей ответственности. Последи, чтобы она не натворила глупостей хотя бы сейчас. Все, я пошла.

Леонид, казалось, пребывал в каком-то ступоре от таких резких перемен. Жилирадовались, наслаждались, можно сказать, каждым днем — и на тебе. Все вверх дном, Мари нужно куда-то увозить, да еще скрываться при этом от весьма вероятной погони. Может, махнуть рукой и сбежать от греха подальше? Но Императрица оправдала свое прозвище.

— Только попробуй слинять, — властно проговорила она. — Я тебя из-под земли достану, пожалеешь, что вообще на свет родился. Вместе кувыркались — вместе исправлять будем. Понял?

Он покорно кивнул и начал одеваться, собирая по ходу дела вещи Маринеллы. У той же все силы ушли на недавнюю истерику, и она покорно натягивала на себя все то, что он ей подбрасывал.

Императрице действительно удалось избавиться от охранников: их машины поблизости не было. Маринеллу пристроили на заднее сиденье громадной машины, Леонид хотел было сесть за руль, но Ирина не позволила:

— Сменишь, когда устану. А пока сиди рядом и не мешай.

Машина летела по Калужскому шоссе, оставляя позади все другие автомобили с такой легкостью, будто они просто стояли на месте.

— Очень гонишь, — заметил Леонид после паузы. — Не боишься?

— А ты? — ответила она вопросом на вопрос, но, не дожидаясь ответа, продолжила уже утвердительно: — Боишься. Ты многого боишься, Леня. Боишься взять на себя хотя какую-то ответственность, боишься полюбить, боишься быть щедрым, боишься чего-то недополучить от жизни. Теперь ты боишься, что мы врежемся в какую-нибудь машину или слетим в кювет. Ну — слетим, что дальше? — Но она все же затормозила. — Ладно, меняемся местами.

Маринелла на заднем сиденье не заплакала даже, а как-то заскулила:

— Не надо... Мне плохо... Ирочка, не надо.

— Начинается, — сквозь зубы прошипела Ирина и обратилась к Леониду: — Если хочешь знать, малытку нужно просто убить. И — концы в воду.

— Какие концы? В какую воду? Ты с ума сошла, Ирина!

— Все нет. Нормальна, как никогда.

— И кто же будет... убивать? Ведь это тоже... денег стоит.

— Ты что, думаешь, я буду киллеров нанимать? Умора, вот умора! Ты и убьешь. А труп бросим тут вот, в лесу. Оттащим подальше от дороги — долго не хватятся. Места тут не слишком людные.

— А если найдут?

— Тогда тебя, наверное, посадят.

Руль в руках Леонида дернулся, машина вильнула, раздался грохот, скрежет металла, потом все стихло. Императрица пошевелилась на сиденье, подвигала руками и ногами, ощупала голову.

— Вроде, целая, — сказала она. — Ты как?

У Леонида была поранена рука, но не слишком сильно. Маринелле повезло меньше: от толчка она упала между сиденьями вперед и, по-видимому, угодилась головой в коробку передач. Императрица осторожно приподняла голову девушки: висок был пробит, по щеке стекала тонкая струйка крови, которая уже начала свертываться. Она отпустила девушку и закурила. Рука ее при этом даже не дрогнула.

— Ну, вот, ты ее и убил. На моих глазах. Санаторий отменяется.

— Я никого не убивал! — истерично закричал Леонид. — Я ее пальцем не тронул! Это все твои идеи, твои дурацкие шуточки! Ты, ты предлагала ее убить! Ты и будешь отвечать!

Императрица посмотрела на него с холодным любопытством.

— Так. Ты, оказывается, еще больший слизняк, чем все остальные. Тоже мне, герой-любовник. Ладно, расслабься. Попробую уладить дело. — Она достала мобильный телефон. — Папик, это я. У меня проблема. Нет, по телефону объяснить не могу. Ну, в общих чертах, произошла авария. Я, кажется, целая... Да, я тебе наврала, мы поехали совсем в другую сторону... Сейчас? Километрах в десяти от Боровска, проселок через лес. Да, буду ждать. Вот и хорошо, я же знала, что на тебя можно положиться. Пока. Да, поторопись, скоро стемнеет, а я не люблю темноту. Все, конец связи. — Императрица убрала телефон, закурила очередную сигарету и сладко потянулась. — Вот и все, остается только подождать... Да, и оттащить нашу красотку подальше в лес, в Москву ее везти я не собираюсь. Пропала — и пропала. Да и кто она была? Никто. А никого не ищут.

— Но ведь ее последнее время видели рядом с тобой, — несмело заметил Леонид, холодея от одной мысли о том, что придется касаться мертвого тела. А потом надо будет возвращаться в Москву, по-прежнему встречаться с Ириной, жить, как ни в чем не бывало... Господи, в какой же кошмар он вляпался!

— Рядом с тобой ее тоже видели, — отпарировала Императрица. — Как и меня, впрочем. Ты же ее любовник, а я — только подруга. Интересно было бы послушать твои объяснения следователю. Красивый букет получается. Лет на пятнадцать, если хорошего адвоката нанять.

— А у тебя... — начал было он, но Ирина резко его оборвала:

— А у меня и адвокаты прекрасные, и денег навалом, только тебя это мало касается. Или ты хочешь, чтобы я еще и адвоката тебе оплачивала? В перечне услуг альфонсов такая графа не значится.

— Как ты смеешь... — взвился Леонид, но Императрица снова перебила его:

— А кто же ты, деточка? Ладно, замнем для ясности. Давай, пошевеливайся, надо труп вытащить из машины. Да двигайся же, черт тебя побери! Помощникам моего супруга совершенно не обязательно видеть, кого именно ты укокошил.

С огромным трудом, преодолевая страх и брезгливость, Леонид выволок ставшее вдруг страшно тяжелым тело Маринеллы из машины и положил на обочину. Императрица достала из "бардачка" тонкие перчатки, натянула их на руки и скомандовала:

— Бери ее за плечи, а я возьму за ноги. И вперед, за мной. Ногами вперед.

Они отнесли Маринеллу за невысокий кустарник метрах в двадцати от дороги. Ирина кивком указала на небольшой овраг.

— Туда. И присыпь ее чем-нибудь. Ветками, что ли. А я пойду в машину. — Она уже сделала несколько шагов по направлению к дороге, как вдруг остановилась и через плечо бросила: — Сумочку ее проверь. Не хватало, чтобы эта шлюшка паспорт с собой таскала. Или твою фотографию...

Ремешок маленькой, модной сумочки был плотно обернут вокруг кисти Маринеллы. Преодолевая брезгливость, Леонид освободил сумку, открыл ее и убедился, что Императрица, как всегда, была права: паспорт там лежал. Но больше ничего интересного не обнаружилось, кроме ключей, которые он тут же забросил подальше в кусты. Поднес к паспорту зажигалку и внимательно проследил, как пламя превращает основной документ в кучку пепла. Вот и все. Прощай, Маринелла...

Над дорогой бреющим полетом пронесся блестящий вытянутый корпус мини-вертолета. Оперативно, однако, действуют люди босса. Вертолет сделал пару кругов, завис над дорогой и приземлился. Из него выскочил дюжий охранник и почтительно отворил вторую дверь, из-за которой появился небольшого роста мужчина, почти карлик, лысый и в темных очках. Ирина затоптала очередную сигарету и пошла навстречу прибывшим.

— Папик! — пропела она. — Как хорошо, что ты сам прилетел. А то я уже по тебе соскучилась. Видишь, это любовник Мари, никак в себя прийти не может, что угробил ее. Жалко человека, правда?

Мужчина снял темные очки и устремил на Леонида такой злобный и холодный взгляд, что у того ноги подкосились. Это, без всякого преувеличения, были глаза убийцы, причём убийцы-маньяка. Стоявшие за ним охранники выглядели ничуть не более дружелюбно.

— Так, — проскрипел коротышка, — угробил, значит, девочку? А в тюрьму не хочешь? Правильно соображаешь. Только имей в виду вот еще что: сейчас я заберу отсюда свою супругу, а ты на всю оставшуюся жизнь забудешь, что когда-то был с ней знаком. Если, конечно, хочешь жить. Никакой Маринеллы мы не знаем, никогда в глаза ее не видели, никаких дел с ней не имели.

— Естественно, — как бы даже недоуменно произнесла Императрица, но супруг отмахнулся от нее, как от докучливой мухи.

— Ты тоже помолчи. Сегодня же отправлю в санаторий — только подальше отсюда. По тебе давно швейцарская клиника плачет, вот там и отдохнешь, а заодно посидишь в карантине, устал я от твоих выходок. Давай в вертолет, быстро!

— Ирина! Но вы же не можете... Я же тебе... то есть вам... — закончил Леонид. Лицо Императрицы искривилось в неприятной гримасе.

— Мразь. Дебил. Ты бы хоть поучился, как настоящие мужчины поступают. Вот мой муж меня любит. А ты... Не было тебя в моей жизни, ты мне даже не снился.

Она стремительно пошла к вертолету, а коротышка задержался еще на пару минут, чтобы расставить уже все точки над "i".

— Даю тебе три часа форы, недоносок. Через три часа машина будет объявлена в розыск. Моли Бога, что сейчас мне некогда с тобой возиться, надо Ирину спасать.

И запомни: моя жена никогда и ни в чем не будет виновата. Здесь ее просто не было. Она со вчерашнего дня — в Цюрихе. И помалкивай, если... — Он не закончил фразу, но все было и так ясно.

Вертолет взмыл в небо, а Леонид так и остался стоять возле машины, не в силах сделать ни одного движения и ощущая только противную дрожь в ногах и холодный пот на спине. И вдруг его осенило.

Алина! Нужно позвонить Алине. Только она сейчас в состоянии вытащить его из этого кошмара. С ее интуицией, с ее предвидением, с ее умением находить выходы из безвыходных ситуаций. В конце концов, она его может даже спрятать, а там вид-но будет. Только бы она была дома!

— Алина, — сказал он, услышав в трубке знакомый низкий и хрипловатый голос, — мне нужно с тобой встретиться. Пустяки: забрать у меня ключи от моей тачки, а потом, когда-нибудь, перегнать ее к твоему дому. Да бабы достали... Да, хочу на какое-то время лечь на дно. Давай в Царицынском парке со стороны моста. Поговорим, а потом посидим в ресторанчике, он там славный, уютный. Через два часа, хорошо? Алина, за мной не пропадет, ты же знаешь. Ну, до встречи...

...Серый "жигуль" Алины Леонид заметил, когда машина уже припарковалась рядом с ним.

— Рад тебя видеть, дорогая, — проворковал он, протягивая руку. — Спасибо, что откликнулась.

Алина потянулась было к нему и тут же отпрянула назад.

— От тебя смертью пахнет! — прошептала она.

Леонид расхохотался.

— Смертью? Дай Бог, чтобы от всех пахло именно такой смертью. Это французский коньяк, Алиночка. Кстати, хочешь чего-нибудь выпить? Тут потрясающий бар...

— Зачем я тебе понадобилась? — сухо спросила Алина. — Ты пьян? Что ты вообще натворил?

Леонид подхватил ее под руку и повел в сторону пруда, где в это время уже почти не было гуляющих горожан.

— Меня будут искать, — сообщил он патетическим шепотом. — По подозрению в убийстве и угоне автомашины. Но я никого не убивал, а машину мне дали...

— Поносить, — саркастически заметила Алина. — Мне-то хоть не ври, солнце мое. Я ведь все равно узнаю правду.

— Ну да, ты же у нас ясновидящая! Чем больше денег платят, тем яснее видишь. Прости, пожалуйста, у меня неприятности. Не хотел тебя обидеть. Но я действительно никого не убивал...

— От тебя пахнет смертью, — упрямо повторила Алина. — Мне тяжело рядом с тобой. Что ты от меня хочешь?

— Помощи, — почти смиренно ответил он. — Вот ключи от моей машины. Она стоит на Арбате, в Малом Власьевском переулке, недалеко от салона красоты. Забери ее, пожалуйста, поставь в свой гараж.

— Я выполню твою просьбу, — нехотя проговорила Алина, — но, учти, в последний раз. Позже заберешь машину — и забудь о моем существовании. Я больше не желаю участвовать в твоих сомнительных делишках и плести всякие небылицы твоим женщинам, чтобы ты имел возможность с ними переспать. Тем более что платишь ты мне за все хлопоты просто смешные деньги, а как любовник давно меня не интересуешь — слишком стар. Мне осточертело получать от тебя побрякушки, которые то ли где-то позаимствовал, то ли тебе их подарили... за любовь. С меня хватит. Давай ключи, и мы расходимся.

Он вложил ей в руку ключи от автомашины, повернулся, чтобы уйти, и понял, что идти ему, в общем-то, некуда. Разве что в свою коммуналку — так там его в два счета обнаружат, да еще соседи будут под ногами путаться.

— Алиночка, — искательно попросил он, — а можно мне у тебя пару деньков побыть? В гостиной, на диванчике. Я не помешаю. Ну, пожалуйста. В последний раз...

Алина яростно фыркнула и швырнула ему под ноги ключи от машины.

— Я сказала — все! Проси, не проси, ничего не получишь, даже того, что я сейчас обещала. И не скрипи зубами, не боюсь я тебя, понял? Кого ты там убил — не знаю, но со мной у тебя это не пройдет. У меня, как у кошки, две жизни. Прощай, солнце мое. Сам под смертью ходишь, так других туда не втягивай. Уходи! И берегись краденых машин!

Она уже повернулась, чтобы сесть в свою машину, когда Леонид, сам не понимая, как в его руке оказался тяжелый камень, резко опустил его на затылок Алины. Рука была нетвердой, поэтому камень лишь скользнул по намеченному месту, но довольно сильно ударил Алину в плечо. Она качнулась, но, устояв на ногах, бросилась в свою машину, завела ее и умчалась.

Глава двадцать вторая. Мужчина для досуга

Ночь прошла спокойно. Галка уехала со своим Тарасовым около полуночи, взяв с меня самую страшную клятву, что я не буду открывать дверь кому ни попадя, вести по телефону лишние разговоры и вообще — делать глупости.

Они бы остались и до утра, но открывалась конференция архитекторов, к которой моя подруга с мужем готовились чуть ли не два года, и пропустить это событие было просто невозможно. А поскольку мероприятие проводилось в одном из загородных пансионатов, выехать туда нужно было чуть ли не на рассвете.

— Я позвоню тебе завтра, — обещала Галка. — И выброшу из головы все дурацкие мысли!

Следующее утро оказалось солнечным, и это было прекрасно. Солнце всегда поднимало мне настроение. Я выпила кофе и съела два вкуснейших пирожка с капустой, еще одно Галкино фирменное блюдо, мысленно поблагодарив подругу. Закурила — и тут зазвонил телефон. Опять кто-то с утра пораньше!

— Алло, — с некоторым недоумением сказала я, а поскольку ответа не получила, то повторила чуть громче: — Алло-о.

Трубка по-прежнему молчала, но на том конце провода явно кто-то был.

— Вас не слышно, перезвоните, пожалуйста, — попросила я и дала отбой.

Телефон снова ожил. И опять никто не пожелал со мной разговаривать, просто на том конце провода сразу положили трубку. Я только успела понять, что звонили из автомата — его характерный щелчок ни с чем невозможно спутать.

Третий раз телефон зазвонил полчаса спустя — и с тем же результатом. Тут я забеспокоилась, ситуация мне откровенно перестала нравиться. Кто-то проверяет, дома ли я? Зачем? Для жуликов я никакого интереса не представляю, ко мне можно залезть только по чистой случайности. И посоветоваться не с кем, кроме, пожалуй, Андрея.

И тут меня как током пронзила мысль: я же не знаю номера его телефона! Мне даже в голову не пришло этим поинтересоваться, настолько моя голова была занята другим. Интересно получается. Хорошо еще, что вчера Павел оставил мне свою визитку, только куда я ее засунула? В карман куртки? В сумочку? В карман жакета?

Первоначальные поиски результата не дали, и тут снова раздался звонок — на сей раз в дверь.

На цыпочках я подкралась к глазку и увидела... Володю. То есть догадалась по очертаниям массивной фигуры, что это он. На лестничной площадке у нас всегда полумрак, нельзя сказать, чтобы приятный. Я замерла у двери, не в силах пошевелиться. Что ему надо? Почему опять без звонка?

— Света, открой, — услышала я знакомый спокойный голос. — Открой, я знаю, что ты дома.

И вновь настойчивый звонок. Да не открою я ни за что на свете, тоже дурочку нашел. Просто позвоню сейчас в милицию, скажу, что ко мне ломится подозрительный тип с неизвестными намерениями.

Ага, а он им скажет, что мы сто двадцать лет знакомы, и он пришел справиться о моем здоровье. Что же делать, Господи, что делать? Да наплевать, пусть говорит что угодно, лишь бы не оставаться с ним наедине. Я сделала шаг в комнату и услышала:

— Открой, я знаю, кто и за что убил твоего мужа. Я привез доказательства, если не принять меры, могут заподозрить Альку. Не откроешь, отправлюсь с ними в милицию, честное слово, добром тебя прошу, ради Алексея. Открой по-хорошему, я же помочь хочу, идиотка!

При чем тут Алешка? И у Володи есть какие-то доказательства? Мне показалось, что я схожу с ума. Или он спятил? Или спятил Иван и все-таки подставил Альку ради своих интересов? Забыв обо всем на свете, в том числе и о том, что этого ни в коем случае нельзя делать, я резко распахнула дверь.

— Так что у тебя за документы?

Всегда забывала, насколько подвижен и разворотлив мой приятель, несмотря на внешнюю монументальность. Володя мгновенно оказался в коридорчике, оттеснив меня к кухне, захлопнул за собой дверь, запер ее изнутри на ключ и положил его в карман. И все это молча, с полуулыбкой, от которой мне снова стало так страшно, как не было еще никогда в жизни.

— Поговорим? — спросил он, сбрасывая дорогой полушубок прямо на пол. — Обсудим ситуацию? Ты, как я понимаю, одна и уже пришла в себя после вчерашних волнений. Вот и хорошо. Поставь чайник.

Он говорил самые простые слова, но ни взгляд, ни улыбка им не соответствовали. Особенно взгляд. Сроду ничего подобного не видела, но поняла, что имеют в виду, когда говорят: "У него глаза убийцы".

— Смее думать, ты пошутил насчет Альки, надеюсь, достаточно спокойно. — Зачем тебе понадобился этот трюк?

— Чтобы войти в квартиру, естественно. И поговорить без свидетелей. Ты же теперь постоянно с телохранителями, одна практически не остаешься. За себя ты не боишься, кроме Альки тебя никто не волнует. Как видишь, я все рассчитал правильно. Как всегда, впрочем...

— То есть никаких документов у тебя вообще нет?

— Естественно. Откуда им быть? Это у тебя есть то, что мне нужно. Отдала бы раньше, жила бы спокойно.

— Почему ты не позвонил перед приходом?

— А я звонил. Целых три раза. Только аппарат не срабатывал.

Он врал, и даже не давал себе труда это скрыть. Напротив, откровенно забавлялся. Господи, хоть бы кто-нибудь позвонил, я бы тут же позвала к себе. Или хотя бы сказала, что я дома не одна, назвала бы визитера. Может быть, тогда он не посмеет... Не посмеет — что?

— Не дрожи, ничего плохого я тебе не сделаю, — усмехнулся Володя, будто прочитав мои мысли. — Если, конечно, отдашь мне дискету. И не надо делать недоуменное лицо, я знаю, что она у тебя. Потому, что умею пользоваться техникой. В том числе телефоном. Вспомни, кто тебе устанавливал автоответчик? Правильно, я. И уже тогда поставил код, который дает к нему доступ с другого аппарата. Так что я просто-напросто прочитал послание Марины в тот же вечер. На будущее запомни: записи с автоответчика после прослушивания надо стирать. Прочитай еще раз инструкцию.

— Не верю, — обреченно сказала я. — Ты берешь меня на пушку.

— Давай включим прослушивание, проверишь.

— Ну что ж, — сдалась я, — ничего не поделаешь. Забирай эту чертову дискету и оставь меня в покое.

— Давно бы так, — почти нежно улыбнулся Володя.

Только от этой улыбки мне стало совсем нехорошо. И тут зазвонил телефон. Я рванулась к нему, но мой приятель схватил меня поперек туловища и отшвырнул в сторону. Чудом я не врезалась в шкаф, а завалилась боком на тахту.

— Тебя нет дома. И не вздумай со мной играть, это бесполезно. Где дискета? Не вставай, только скажи — где.

— Там же, где все остальные, в коробке.

Телефон умолк в ту самую секунду, когда Володя отошел от него к письменному столу. Он перебрал дискеты и мгновенно нашел нужную, вставил ее в компьютер и быстро произвел необходимые манипуляции.

Я закрыла глаза, потому что на меня вдруг навалилась невероятная усталость. Сейчас он прочтет текст, поймет, что мне слишком много известно и... А мне вдруг так захотелось жить, что я даже удивилась: еще неделю назад мое желание было прямо противоположным. Что ж, значит, кто-то подслушал мои мечты и теперь будет их реализовывать. Что хотела, то и получу.

— Черт! — услышала я сдавленное Володино восклицание и невольно посмотрела в его сторону.

На мониторе компьютера красовалось уже знакомое требование ввести код. Как мне удалось снова засекретить дискету? Или это произошло автоматически? Но в любом случае, у меня снова появился шанс как-то выскочить из этой передраги относительно целой и невредимой.

— Какой код нужно ввести? — резко обернулся ко мне Володя. — Ну, я жду!

— При чем тут код? — как можно искреннее изумилась я. — Не знаю я никакого кода. И зачем он вообще нужен?

— Допустим, — протянул Володя, — допустим, что на сей раз ты не врешь и дискету прочесть не пробовала. Или пробовала, но у тебя ничего не вышло? Или — вышло? Господи, как мне надоели вздорные и любопытные женщины! Мое терпение кончилось, милая. Теперь тебе придется кое-что принять. Я не могу сидеть здесь с тобой целый день. У меня дела.

— Еще кого-нибудь убить собрался? — брякнула я уже от полной безысходности. — Кого же на сей раз? И какой сценарий используешь? Я, кажется, тебе только про один случай рассказывала. Впрочем, на Рождественке ты сам справился.

— Верно, — неожиданно согласился Володя. — Только это еще надо доказать. А уж про Игоря и говорить нечего, я с ним даже не знаком.

— Неправда. Ты доставал через него капсулы. И взбесился именно потому, что он посмел действовать в собственных интересах и попался. Ты же понимал, что тебя он сдаст в первые три минуты допроса.

— Чушь! Я не имею никакого отношения к капсулам, тем более, радиоактивным. Я в них ничего не понимаю.

— Опять неправда. Ты был в Ливии, когда там строили ядерный реактор. Мы с ними уже не дружим, но реактор-то должен работать, разве не так? А в этих капсулах — топливо для него. Мне все равно, Володя, я понимаю, что ты меня убьешь, за этим и пришел. Но имей в виду, Галка все знает. И она видела тебя тогда, в Ливии.

— Галка? Какая еще Галка? Твоя...

— Неважно. У нее же, кстати, микропленка, где ты запечатлен кое с кем при очень интересных обстоятельствах. А больше я тебе все равно ничего не скажу. В общем-то я все равно скоро умру, облучение — штука серьезная. Так что ты, может быть, сотворишь благое дело, если сможешь мне перейти в иной мир без особых мучений.

Володя опять улыбнулся.

— Не беспокойся, помогу. Хотя, насколько мне известно, тебя можно вылечить и довольно быстро — просто повторить курс того лекарства. Правда, без меня ты его все равно не достанешь, так что все к лучшему: желание подруги для меня закон. Только сначала ты скажешь мне все про твою Галку. И про код для дискеты. И про микропленку. И вообще — все скажешь. А потом я уйду.

— Меня хватятся самое позднее завтра, — выложила я свой последний козырь. — И тебя будут спрашивать, учти.

— Э, милая, да пусть спрашивают, пока не посинеют. Я ведь на самом деле не здесь, а совсем в другом месте нахожусь. Я еще вчера за границу улетел, а тебе все это мерещится. Только вот пришлось вернуться, чтобы с тобой попрощаться, но это нигде не зафиксировано, а завтра утром я уж точно буду там, где как бы сейчас нахожусь. Это называется алиби, ты-то должна это знать, хотя бы из художественной литературы. Так что, мадам, уже падают листья. Прими вот это, сама. Не заставляй применять к женщине силу, это не мое амплуа, одного раза на сегодня вполне достаточно.

— Что это?

— Не волнуйся, не яд. После этого средства люди начинают говорить правду, причем, говорят как заведенные. А потом ничего не помнят из сказанного. Или вообще ничего не помнят и крепко-крепко засыпают. Ну? Только не предлагай мне жениться на тебе в обмен на молчание: хватит с меня двух вынужденных браков. С меня вообще хватит этой страны.

Конечно, я испугалась, хотя до этого и лепетала что-то относительно своевременной дружеской помощи в уходе из этой жизни. Но уходить-то отчаянно не хотелось, вот в чем дело.

Снова зазвонил телефон, но Володя, по-видимому, действительно уже потерял терпение, потому что резким жестом выдернул шнур из розетки, оборвав трель на середине.

— Не будем отвлекаться. Последний раз предлагаю: прими таблетку сама. Иначе...

Я так и не поняла, что произошло в следующие мгновения. Дверь из коридора в комнату распахнулась, но за широкой Володиной спиной мне ничего не было видно. Двое мужчин подхватили Володю под руки и вытащили из квартиры, а третий, почему-то смутно мне знакомый, быстро подошел ко мне и спросил:

— Светлана, с вами все в порядке? Вы не успели ничего принять?

Я вдруг узнала Андрея и, неожиданно для себя самой, бросилась к нему, уткнувшись лицом в его грудь и залилась слезами, плавно перешедшими в самую настоящую истерику. А потом — отключилась.

Похоже, это уже стало доброй традицией: очнувшись от очередного обморока, обнаруживать себя лежащей на диване с мокрой тряпкой на лбу. Только на сей раз в роли брата милосердия выступал не Павел, а Андрей, который смотрел на меня со значительно более теплым выражением, нежели его друг накануне.

— Лежите, лежите, — вскочил он с кресла, когда увидел, что я открыла глаза. — Скоро придет врач, все будет хорошо. У вас просто шок от пережитого.

— И еще, наверное, пара синяков, — предположила я, ощущая, что локоть и бедро побаливают. — Я, кажется, через всю комнату летела, чудо, что головой не ударилась.

— Нам, конечно, надо было раньше вмешаться, но тогда бы мы не услышали самого интересного из вашего разговора.

— Что-что? — ошарашенно переспросила я. — Нашего разговора? Вы что, под дверь подслушивали?

— Не совсем, — слегка сконфуженно, как мне показалось, отозвался Андрей. — Но цель, знаете ли, оправдывает средства. Вообще я перед вами виноват, Светочка, хотя не мог поступить иначе. Если хотите, выполнял свой служебный долг. И вовсе не думал, что все так обернется, и из подозреваемой вы превратитесь в потенциальную жертву.

— Чью жертву? — окончательно запуталась я. — И в чем меня подозревали? Ради Бога, не тяните кота за хвост, иначе я просто сойду с ума. Хотя, разве сойти с ума сложно? Да рассказывайте же, вот наказание!

— Хорошо, только пусть это будет наша с вами маленькая красивая тайна. Павел мне хоть и друг, но одновременно — начальник, а беседы на служебные темы с посторонними у нас не поощряются.

— У кого — у вас?

— В ФСБ, — терпеливо объяснил Андрей. — Я, в общем-то, вас не обманывал, когда сказал, что по роду работы занимаюсь всякими странными явлениями. А виноват я в том, что тогда пошел вас провожать с одной-единственной целью. Мне нужно было попасть к вам в квартиру. И поставить ее на прослушку.

— И?..

— И поставил. Жучок в телефонном аппарате — и магнитофон в моей машине. Машина все это время стояла под вашим балконом. Я, конечно, не сидел там сутками напролет, меня подменяли, да и вы не всегда были дома и ночью, как правило, ни с кем не общались. Но все ваши разговоры, простите, слушали и писали. Только не убивайте меня сразу, я вам еще пригожусь. Приятель ваш драгоценный попал под подозрение несколько месяцев назад, но дело в том, что он практически ни с кем, кроме вас, не общался. Ну, мы и решили, что вы и есть связующее звено, посредник, так сказать, между ним и кем-то еще. К тому же он крайне осторожен, никого к себе близко не подпускал, а вы...

— А я, наоборот, оказалась крайне неосторожна. — Внезапно меня осенила кошмарная мысль: — Так вы слушали абсолютно все разговоры? Боже мой, а я и не догадывалась, что каждое мое слово... Какой позор!

— Ну, почему же позор, Светочка? — мягко возразил Андрей. — Ничего криминального вы не говорили, так что выбросьте из головы. К тому же все подозрения относительно вас испарились, когда вы не отказались от моей помощи в расшифровке дискеты, даже сами предложили мне снять с нее копию и передать Павлу. Помните? Кстати, когда снял копию, я вам ее и оставил, а забрал оригинал. И на копию поставил тот же код, что позволило еще немного протянуть время и окончательно разозлить нашего главного фигуранта. А когда человек сердится и спешит, он начинает делать ошибки. Мы решили, что пора

вмешиваться, когда он отключил телефон, и не ошиблись. Главное, не опоздали. Да, вот еще что: на квартире у Ларисы мы нашли негативы микропленки. Там есть сцена встречи Владимира и Игоря, вашего бывшего родственника. Судя по всему, Марине она отдала копию, оригинал все-таки оставила себе для страховки. Нину мы задержали, так что дело о гибели вашего мужа скоро прояснится. А потом из-за границы вернутся ваши сонаследники, не век же им там торчать, денег не хватит и...

— И что? Валерия этим не воскресить.

— Я не хочу давать вам пустые обещания, но, возможно, удастся вернуть вам квартиру. Преступники не могут быть наследниками своих жертв.

— Они не убивали...

— Верно. Они заказывали убийство. Вы меня простили, Светочка? Или хотя бы не очень сердитесь?

У меня не было сил сердиться, но я все еще не могла поверить в то, что кошмар последних дней, наконец, прекратился. В счастливый конец с квартирой я не верила, но следовало считать удачей уже то, что я осталась жива. Так что жучок в телефоне оказался очень кстати, иначе не миновать мне участи Ларисы и Марины. Бог, как известно, любит троицу, а быть третьей в этом раскладе мне не хотелось. Как оказалось, жизнь я все-таки люблю.

— Не сержусь, — вздохнула я. — Как можно сердиться на человека, которому обязана жизнью? Хотя, конечно, обидно, что причиной всему был только служебный долг, а не моя неотразимость.

Андрей сел рядом со мной на край тахты и взял меня за руку.

— Светланочка, работа у меня, конечно, непростая и свободного времени мало, но я думаю, что мог бы время от времени ходить с вами в ваш клуб, например. Или на концерт. Или съездить за город, подышать воздухом. Как вам такой вариант?

Никто не ожидал такой прыти от огромного, на первый взгляд, неуклюжего человека. На площадке второго этажа он внезапно для милиционеров словно взлетел на подоконник, выбил окно и выпрыгнул на карниз над подъездом, а затем по массивной наружной газовой трубе соскользнул на землю. Какой-то мужчина как раз выходил из своего "джипа", он оттолкнул владельца машины, даже не успевшего вынуть ключи из замка, протиснулся на сиденье, захлопнул дверцу и рванул прочь со двора.

Выбежавшие на улицу оперативники увидели только исчезающие за поворотом дома габаритные огни и поднимающегося с земли мужчину. Через несколько минут они уже знали номер машины, еще через несколько минут по городу был объявлен план "Перехват". Через десять минут объявленную в розыск машину обнаружили брошенной в переулке возле Каширского шоссе, но — пустой.

А он уже мчался в тоже угнанных новеньких жигулях в сторону Царицынского парка, где когда-то бывал и знал, что теоретически через него можно добраться до Бирюлева. А там — рукой подать до Домодедова, до свободы... Нужно только повернуть на центральную аллею, потом вниз — к ресторану и через мост на другую сторону прудов.

Навстречу ему тоже на приличной скорости вылетела какая-то машина, он с трудом увернулся от лобового столкновения, вывернул руль, чудом удержался на дороге и уже почти въехал на мост, как неизвестно откуда прямо перед его капотом появилась человеческая фигура. Он уже не успевал тормозить, он только машинально крутанул руль и машина, проломив перила моста, рухнула на тонкий, подтаявший лед пруда, увлекая за собой и незадачливого пешехода.

Когда рассвело, со дна пруда достали машину и два трупа. Предсказание Алины, как всегда, сбылось: краденый автомобиль действительно стал причиной смерти Леонида Николаевича. Ни ему, ни Владимиру Леонидовичу, второму погибшему, не суждено было оказаться там, где они должны были в конечном итоге быть: в тюрьме. Судить их тоже было бессмысленно. Оставалось просто оформить оба дела как несчастный случай и отправить в архив.

Что ж, наказание далеко не всегда соответствует преступлению и иногда оно осуществляется не людьми, а самим провидением. В это можно не верить, над этим можно смеяться, но...

Не зря наши предки так часто говорили: "Бог правду видит" и "Бог накажет".

Эпилог

"Ма! Как ты там? Извини, что редко пишу, но ведь и ты не всегда вовремя снабжаешь меня информацией.

Конечно, я понимаю, что ты в какой-то степени бережешь мои нервы, но о том, что погибли тетя Марина и дядя Володя, ты могла бы сообщить и пораньше. И о том, что Лев Григорьевич пережил тетю Марину всего на месяц — тоже. Крестная написала мне письмо — обычное, так пока оно дошло...

Иногда твоя деликатность перехлестывает разумные пределы: когда умер Валерий Павлович, ты не хотела портить мне отпуск, а тут решила, что мне будет нелегко прервать учебный процесс. По-моему, ты забыла, что я уже совершеннолетний.

Отец, кстати, об этом помнит и уже закидывал удочку: нельзя ли ему перебраться поближе ко мне и устроиться в цивилизованной стране. Его ведь поперли с работы, ты не в курсе? Какой-то у них там скандал разразился с хищением — долгим и систематическим — радиоактивных материалов, а папочка то ли был замешан, то ли прохлопал фокусы своих коллег и подчиненных. Еще хорошо, что разрешили уйти "по собственному"...

Кстати, он сообщил мне, что его Маринелла нашлась. То есть нашлось то, что от нее осталось: снег растаял, дачники пошли в лес и нашли недалеко от дороги нечто, плохо поддающееся идентификации. Но поскольку на ней были кое-какие украшения, муж ее опознал. Он ведь давно подал заявление о розыске. Как она туда попала, почему погибла — тайна, покрытая мраком. Сюжет одного из твоих будущих детективов.

Так что и женитьба папенькина накрылась медным тазом, во всяком случае, мне он поклялся, что с молоденькими красотками больше дела иметь не будет ни за какие коврижки. Очень, кстати, на тебя обижен, что ты не хочешь восстановить семейный очаг. По его версии, тебе просто нравится вести разгульный образ жизни, так что я тебя одобряю: разгуливайся и дальше. Приеду на Родину, познакомишь со своим партнером по разгулу. Если захочешь, конечно.

А теперь о главном. Тут меня нашла одна очень серьезная международная организация и ошаршила сообщением, что я теперь — богатый человек. У меня, мамуля — не падай в обморок! — счет в швейцарском банке, чуть ли не с полумиллионом долларов. Оказывается, дядя Володя определил меня в наследники. Ты-то в курсе была? Или все это и для тебя "огромный такой секрет для маленькой такой компании"? Заодно я стал хозяином однокомнатной квартиры в Москве и загородного дома в Калинино. Не слабо, да?

Между прочим, я связывался с крестной, она категорически отказывается в этом доме даже появляться. Во втором письме сообщила, что я волен этот особ-

няк сдавать, продавать или даже жить в нем с кем хоч: хоть с тобой, хоть с папенькой, хоть с кем. Между строк читалась тоска по тете Марине и явная неприязнь к дяде Володе. Он-то ей чем не угодил, насколько я помню, отношения там всегда были вполне приличные? Тем более что о покойниках принято говорить либо хорошо, либо ничего.

Квартиру дяди Володи и твою халабуду, конечно, нужно обменять на что-то более пристойное и близкое к цивилизации. Мать, я не шучу: приеду, всерьез займусь твоими бытовыми делами. Возможен, правда, и еще один вариант: крестная прозрачно намекает, что хотела бы провести остаток дней с двоюродной сестрой в Израиле, которая там пристроилась в приличном пансионе для стариков и получает хорошую пенсию. Я думаю — это оптимальный вариант, а все расходы мы с тобой вполне можем оплатить, да еще и добавить.

Собственную квартиру крестная именует не иначе, как "склеп на Ордынке", и боится, что умрет там в полном одиночестве. Квартира эта, насколько я знаю, завещана тебе, так что предлагается там быстрее прописаться и, возможно, даже жить, а твою собственную квартиру сдать или продать. Я знаю, что ты готова переселиться туда и ухаживать за Софьей Михайловной, но дело в том, что она сама этого не хочет. По-моему, ей хочется уехать туда, где вообще ничто не напоминало бы ей о пережитом. Желание вполне понятное, и прекрасно, что у нас с тобой появилась возможность его реализовать.

Как ты понимаешь, я несколько растерян, но пытаюсь взять себя в руки и достойно нести свалившийся на меня груз обязанностей богатого человека. А ты пока подумай, не хочешь ли сама жить в загородном особняке. Если нет, я его думаю сдавать, а сторожем определить туда папеньку, пусть живет в комфорте в специальном домике. Другой работы ему не светит по той причине, что он категорически не желает быть кем-то, кроме начальника отдела (то есть на прежнем месте и в прежней должности), только туда его не возьмут, а до пенсии ему еще — глаза вытарацишь.

В общем, жди, скоро увидимся. И морально готовься к тому, что я лично постоянно в России жить вряд ли буду. В здешний университет меня приняли автоматом, у меня уже есть место в лаборатории и хорошая перспектива на кафедре и в аспирантуре. Приняли со стипендией и дали отдельную комнату в общежитии, то есть — уважают. А теперь я смогу купить себе какой-нибудь коттедж и после достижения двадцати одного года получу британское гражданство. Если ты можешь предложить мне что-то более увлекательное в Москве, я с удовольствием послушаю, но не обещаю, что послушаюсь.

И последнее: не слушай никого и устраивай свою личную жизнь так, как тебе хочется. Только будь бдительна и разборчива — приеду, проверю.

Засим остаюсь сынишка твой недостойный Алешка".

Я дочитала письмо и оторвалась от монитора. Да, жизнь действительно плохая литература и, похоже, для меня открывается новая глава. Сын подросток и во мне не сильно нуждается. Но все-таки я неплохо его воспитала: думает не только о себе, но и о том, как украсить жизнь близких. Грустный парадокс заключался в том, что своим благополучием он обязан был человеку, который совершил два убийства и собирался убить меня. Но судьба перетасовала карты иначе.

Кстати, Алина мне такого не предсказывала. Она просто сказала, что сначала все будет ужасно и страшно, а потом придет счастье.

Только я не была уверена, что счастье уже пришло. Оно ведь приходит тогда, когда его не ждешь, и совсем не в том виде, в каком ожидаешь...

Что ж, подождем. Как говорится, еще не вечер.

Крымские мотивы

1. Знойные в Крыму гуляют ветры,
Заплутав в расщелинах Ай-Петри.
Волны, утомленные веками,
Выползают крабами на камни.
Я во власти магии магнолий...
Что творится, Господи, со мною?
Здесь мгновенье каждое с тобою
Афродитой выходит из прибора.
Мной проходятся от аз до яти
Дантовы круги твоих объятий.

2. Владенья Крым-Гурея —
Сады Бахчисарая.
Байдарские ворота
Зовут в предместья Рая.
Прибой, как пудель белый,
Ложится в ноги к нам.
Душа из тела рвется
"Бегущей по волнам".

3. Я не помню, когда было сказано: "Да".
Утро нас под фатой тумана венчало.
...Но "Летучим голландцем" растают года
В миражах нарисованных кем-то причалов.
В суете на излете безумного дня
Помирюсь и опять разругаюсь с тобою.
Знойный вечер как мавр приревнует меня
К незатейливым ласкам сегодого прибора.

* * *
Ты скрипач —
Только я не струна,
И меня ты настроишь едва ли...
Эту чашу не выпить до дна:
Я на грешной земле —
Ты —
В астрале.
Буду голосу свыше внимать,
Растерявшись, скитаться веками...
Зацелуют, как Божью мать,
На немой чудотворной иконе.

* * *
Просчиталась в чем-то главном.
Да и ты не все успел.
И душа отходит плавно
От любви, от слов, от дел.
А вчера хотелось мая...
Я стою на берегу
И песчинку обнимаю...
Это все, что я могу.

Ирина Путьяева

Как условились пред Богом,
Мы сойдемся...
Лавка.
Сквер.
Половина никакого...
После дождика...
Четверг.

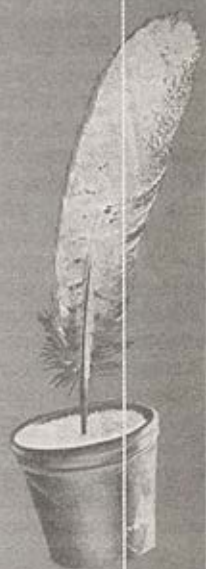
* * *
Нет,
Не вычеркнуть —
Вписаны в память года.
Оставляю я то,
Что в себе берегу...
Так вот с болью в сердцах
Оставляют врагу
На соженье
Престольные города.
Неужели —
Я голос знакомый ловлю —
Эти губы
Когда-то
Шептали
"Люблю"?
Но, связавшая нас,
Обрывается нить.
Кто учил тебя словом единым
Казнить?!

* * *
Беззаконно
Врываются ночи
В коммунальные одиночки...
И становится
Страшно и душно
На пронзенных слезами подушках.
Но взлетают,
Как синие птицы,
Заплутавшие в дреме ресницы.
Наши губы дичают,
Как кони,
И в истоме не знают покоя...
И тушуются
Трубы и лиры
В смутный час
Сотворения мира.

* * *
Бесследно и мы не исчезнем.
Однажды
В глаза я твои не сумею взглянуть.
На то он и дан —
Изнурительный путь,
Чтоб сил не осталось пройти его дважды.

Быть может,
На то и дана мне печаль,
С которой иду,
Как пастух со свирелью,
Чтоб звезды навстречу —
Мне белой сиренью...
Чтоб ночью
На цыпочках
Чья-то свеча —
По строчкам,
По комнате —
Светлой мечтою...
Здесь тени послушны,
Как луку — стрела...
Для счастья, наверно б, хватило угла —
Зачем же Вселенная вся предо мною?!
Уходим куда-то,
Но все же —
Любя!
И в час свой последний я буду с тобою...
Когда-нибудь стану опавшей листвою,
Ты — ветром, что гонит ее от себя...

* * *
Этих душных вагонов оконный обрез.
Расстаются не так —
Расстаются на выстрел.
Потеряешься там,
Среди белых берез.
Задохнусь без тебя
Недоступною высью.
А пока этот поезд,
Уздечка огней,
Померанцевый свет,
Проводник полусонный...
Разбивается жизнь —
Ни осколков, ни дней:
Неустроенный быт
Так надежно спрессован.
А пока я смотрю:
Выгибают мосты
Свои спины
Домашнюю кошкой...
Лишь один машинист,
Но не я и не ты,
Задержаться бы мог
На немножко.
А колеса стучат: "Не жалеи, не жалеи..."
Им, железным, не снилось такое:
Вьется лунных волос то ли дым,
То ли шлейф,
А на пальце — Кольцо золотое.

Звонарь

■ На высоком берегу реки затерялась в густом лесу глухая деревенька в двадцать пять домов с каменной церквушкой и колокольней. Лихое время гражданской войны и коллективизации не тронули устоев деревни и небольшого церковного прихода, хотя, по законам сурового времени, все церкви были закрыты и опечатаны новой властью, а колокола и церковную утварь красноармейцы и активисты вывозили на подводах по ночам, чтобы не будоражить народ. Жители деревеньки, предупрежденные кем-то, успели спрятать по избам небольшие иконы, а малые колокольца закопать в лесу. По церковным праздникам они выставляли дозорных на дорогах и вытаскивали из укромных мест биты и колокола.

Единственным человеком в деревеньке, который еще помнил многие молитвы, умел изготавливать биты и играть на них, был Емельян. Как он попал в эти места, никто толком не знал. Оперуполномоченный из местных знал про Емельяна все, но, опасаясь мести многочисленной родни, оберегал звонаря от доносов и сплетен, порой сам наслаждаясь его игрой на битах.

Вот и сегодня Емельян встал рано и направился к церкви, минуя по пути деревенское кладбище с покосившимися крестами. Открыв входную дверь, вошел в притвор церкви и начал медленно подниматься по кирпичным ступенькам на колокольню. С девятиметровой высоты открывался вид на окрестные поля и леса. Тишина завораживала, макушки деревьев покачивались от ветра. Солнце медленно поднималось, ослепляя своими нежными лучами все вокруг.

Емельян присел на деревянную балку и задумался.

"Вечерний звон, вечерний звон...
Как много дум наводит он..."

(из песни)

Ему вспомнилось, как когда-то он со своей бабушкой и паломниками пришел в обитель, где хранились мощи чтимого святого, просить послушания. Монахи приняли его, но, учитывая юный возраст, решили отослать Емельяна к старому звонарю Епифану. Поначалу юноше было трудно, но постепенно он привык к порядкам обители. Ранним утром Емельян поднимался на высокую колокольню, мел пол, подбеливал облупившиеся стены, внимательно слушая и наблюдая за игрой на колоколах старого звонаря. Ему нравился тягучий звон большого колокола и перезвон мелких колоколов, этот малиновый звон манил и завораживал. Епифан заметил интерес, который проявлял Емельян к колоколам. Он был одинок и стал относиться к Емельяну как к родному сыну, ненавязчиво учил его сложному искусству и прививал любовь к игре на колоколах. Объяснив значение каждого колокола и смысл его звучания, показал, с какой стороны надо подходить к колоколу, как браться за веревки, как извлекать из него нужный звук.

Поднимаясь на колокольню, Емельяна, как его ласково называл старый звонарь, был вместо поводыря, каждое утро сопровождавшего Епифана наверх, где и начиналась учеба. Учился Емельян звонарному ремеслу с прилежанием и учтивостью, стараясь не огорчать Епифана. Главное — поймать ритм, говорил Емельяке старый звонарь, а все остальное само потом придет.

Первый удар по большому колоколу Епифан разрешил сделать ему самостоятельно на Пасху. Емельяну было страшно, казалось, у него никогда не получится извлечь из колокола хоть какой-то звук. Но, на удивление, все получилось. Постепенно, под стихиры духовного песнопения, Емельян подбирал мелодию. Сначала звучал

большой колокол, затем подголоски и мелкие колокола, а потом единая гармония превращалась в малиновый звон.

Как-то старый звонарь занемог. Емелька ухаживал за ним, отпаивая отваром лечебных трав, а в нужное время поднимался на колокольню и, как заправский звонарь, самостоятельно играл. После службы он бежал в келью и рассказывал Епифану, как звонил в колокола. Никто из прихожан даже не заметил подмены.

Когда же старый звонарь поправился, Емельке пришло время собираться в обратный путь домой — срок послушания закончился. На прощание Епифан подарил ему старенькую суконную скуфеечку и маленький деревянный образок. Вслед уходящим паломникам он долго махал с колокольни рукой и плакал, предчувствуя, что больше никогда не увидит своего любимчика...

Емельян очнулся от воспоминаний. Не спеша подошел к висячим битам и потянул на себя веревку, затем внезапно отпустил ее. Тягучий звук поплыл по долине. Он продолжал дергать за веревку, уверенно играя на битах, а закончив игру, присел на балку и вновь погрузился в свои мысли.

После того, как они с бабушкой вернулись из обители в свой городок, Емельян несколько дней не выходил на улицу. Бабушка ворчала, чуть ли не насильно выгоняла его из дома. Когда он немного пришел в себя, ноги сами понесли его в церковь — Емельян вдруг понял, что ему очень хочется услышать звон колокола. Потом он еще несколько раз приходил в церковь, а как-то, осмелев, спросил у служителя, кто у них звонарь. Звонаря как такового в церкви не было, в колокол звонил сам пономарь. Дождавшись пономаря у калитки, ведущей на кладбище, Емельян попытался заговорить с ним и рассказал, как выучился в обители играть на колоколах. Задумавшись и почесав затылок, пономарь проговорил: "Ну что ж, приходи завтра с утра, посмотрим".

Ночью Емельян долго не мог заснуть, мысленно дергал за веревочки, проверяя себя, не забыл ли, чему учил его старый звонарь. В душу закрадывалось сомнение, а вдруг не получится, а вдруг не смогу. Сон подкрался незаметно, а когда он проснулся, на дворе уже было светло. Емельян понял, что проспал, и от досады заплакал. Вечером, как побитая собачонка, он побрел к церкви, но пономаря не нашел. Лишь на следующий день к вечеру встретил его у ворот церкви. "Ну, что, звонарь, не пришел?" — лукаво улыбаясь, спросил пономарь. Емельян, краснея, признался, что проспал. Пономарь успокоил его, сказав, что с ним такое тоже бывало. "Приходи завтра, буду ждать тебя".

Емельян, помня вчерашнее, лег в этот день пораньше и попросил бабушку, чтобы та его рано разбудила. Узнав о том, что внук хочет сыграть на колоколах, она погладила его по голове и перекрестила.

Утром Емельян проснулся ни свет ни заря, бабушка еще спала, надел штаны, рубаху, выбежал во двор и помчался к церкви. Но на церковных воротах и калитке висели амбарные замки. Начинало светать, запели петухи по дворам, наконец показался кладбищенский сторож, затем священник, начали собираться девочки из хора, их говор походил на птичий щебет, последним появился пономарь. "Ну вот, пришел все-таки", — сказал он, положив руку на плечо Емельяну, и повел его в церковь. От свежего порыва воздуха на высоте у юноши закружилась голова. "Что стоишь? Давай буди люд православный", — усмехнулся пономарь. "Что-то сердце зашло", — робко ответил Емельян. Подойдя к большому колоколу, он потянул на себя веревку, привязанную за язык, затем плавно опустил ее, не выпуская из руки, заставляя скользить по ладони, левой рукой дернул несколько раз за веревочки, связавшие воеди-

но языки малых колоколов, и заиграл, все увереннее и увереннее. Пономарь улыбался, одобрительно кивая.

Когда они спустились с колокольни, пономарь подвел Емельяна к священнику и попросил благословить его в звонари. Священник внимательно выслушал сбивчивый рассказ юноши, как он постигал азы звонарного искусства в стенах обители, строго посмотрел ему в глаза и благословил.

В церкви началась служба. Хор девочек пел на клиросе, народу собралось много. Емельян снова поднялся на колокольню и внимательно наблюдал в проем лестницы, ожидая сигнала пономаря, чтобы вновь зазвонить по окончании службы. От напряжения начали болеть глаза. Наконец, увидев, как пономарь машет ему рукой, он ударил в колокол. Прихожане выходили и смотрели на колокольню, дивясь новому звонарю и его игре.

Со временем Емельян стал лучшим в уезде звонарем, и его иногда приглашали играть даже в другие деревеньки.

Как-то они с бабушкой пошли по грибы, и в лесу их неожиданно застала гроза. Вымокнув до нитки они еле дошли до дома. После этого бабушка заболела. Несколько дней не прекращался сильный кашель, и соседи посоветовали Емельяну сходить за доктором. Но когда пришел доктор, было уже поздно — бабушка не справилась с болезнью и умерла. Похоронили ее на городском кладбище. Емельян очень переживал, ведь бабушка была единственным родным существом в его жизни. Он каждое утро приходил на могилку и оставлял на ней полевые цветы.

Пономарь, видя, как тоскует по умершей бабушке Емельян, уговорил его перейти жить в сторожку, объяснив, что вместе легче будет победить тоску и суровые зимы. Пономарь, просирный кашель, и соседи посоветовали Емельяну сходить к доктору. Но когда пришел доктор, было уже поздно — бабушка не справилась с болезнью и умерла. Похоронили ее на городском кладбище. Емельян очень переживал, ведь бабушка была единственным родным существом в его жизни. Он каждое утро приходил на могилку и оставлял на ней полевые цветы.

Пономарь, видя, как тоскует по умершей бабушке Емельян, уговорил его перейти жить в сторожку, объяснив, что вместе легче будет победить тоску и суровые зимы. Пономарь, просирный кашель, и соседи посоветовали Емельяну сходить за доктором. Но когда пришел доктор, было уже поздно — бабушка не справилась с болезнью и умерла. Похоронили ее на городском кладбище. Емельян очень переживал, ведь бабушка была единственным родным существом в его жизни. Он каждое утро приходил на могилку и оставлял на ней полевые цветы.

Пономарь, видя, как тоскует по умершей бабушке Емельян, уговорил его перейти жить в сторожку, объяснив, что вместе легче будет победить тоску и суровые зимы. Пономарь, просирный кашель, и соседи посоветовали Емельяну сходить за доктором. Но когда пришел доктор, было уже поздно — бабушка не справилась с болезнью и умерла. Похоронили ее на городском кладбище. Емельян очень переживал, ведь бабушка была единственным родным существом в его жизни. Он каждое утро приходил на могилку и оставлял на ней полевые цветы.

Однажды пономарь, заметив, как Емельян посматривает на девочку из хора, спросил, нравится ли она ему. Тот сначала покраснел, а затем утвердительно кивнул головой. "Чем же она тебе приглянулась? — не унимался пономарь. — Что, девочка тебе красивых мало? Рыжая, с веснушками, никак в толк не возьму". Емельян пристально взглянул на пономаря и произнес: "А какие у нее голубые глаза, и волосы не рыжие, а золотые, и улыбается она, как никто другой. Она для меня одна на этом свете, другой мне и задаром не надо, а конопушки — словно золотой дождь". Пономарь не стал больше расспрашивать Емельяна, просто рассказал ему, что девочка эта — дочь купца второй гильдии Пчелкина, зовут ее Агафья, учится она в церковной приходской школе и поет в хоре. А живут они в двухэтажном деревянном доме, и по праздникам Пчелкин иногда приглашает священника к себе отобедать.

Как-то в один из таких праздников Емельян специально напросился помочь священнику отнести гуся в дом Пчелкиных. В зал его не пустили, и он находился с прислугой на кухне, где его накормили гречневой кашей и напоили квасом. Посидев немного и послушав кухонные сплетни, Емельян, поняв, что Агафьи нет дома, решил подождать ее на улице. Выйдя на заднее крыльцо для прислуги, он облокотился на деревянные перила и стал наблюдать за котятками, игравшими с маленьким мышонком. Неожиданно из-за угла показалась Агафья. Она шла быстрым шагом и оживлен-

но разговаривала с подругой. Остановившись в нескольких метрах от крыльца, они начали смеяться, поглядывая в сторону Емельяна. Наконец подруга попрощалась и ушла, а Агафья еще какое-то время стояла в нерешительности и смотрела на юношу. Емельян робко подошел к ней и поздоровался. Девушка покраснела от смущения и спросила, что он здесь делает. Емельян объяснил, что пришел сюда со священником, помог ему гуся нести. Только-только завязался разговор, как вдруг из открытого окна раздался женский голос: "Агафья, иди домой!" "Ой, — вздрогнула девочка, — меня домой зовут". "Приходи на кладбище после службы", — только и успел проговорить Емельян.

На следующий день он долго стоял перед иконой Николая Угодника и читал вполголоса молитву. Сердце его учащенно билось, а мысли были полны только одним — придет Агафья на кладбище после службы или забудет.

Когда служба закончилась, и народ начал расходиться, Емельян побежал на кладбище и спрятался в разросшихся кустах сирени. Вдруг послышались шаги, и он увидел Агафью. Она не шла, а словно плыла, красивое ситцевое платье гармонировало с ленточкой из того же материала, вплетенной в косу. Девушка была особенно хороша в свете заходящего солнца. Емельян, как замороженный, любовался ею. Вот она остановилась и начала смотреть по сторонам, стараясь отыскать его в наступающих сумерках. Емельян не выдержал и вышел из своего укрытия. Подойдя к ней совсем близко, прикоснулся к ее руке. Агафья руки не отдернула и нежно взглянула на него. Выбившаяся прядь волос, обдуваемая вечерним теплым ветерком, слегка касалась лица Емельяна. Агафья попыталась поправить волосы, но он не позволил, осторожно отводя ее руку. Сердце его сжималось от страха, что сейчас все закончится, и она уйдет. Но Агафья загадочно улыбалась и молча смотрела на него. "Ты завтра придешь?" — тихо спросил Емельян. Агафья кивнула в ответ и добавила, что если придет, то не надолго. Она высвободила свою руку и медленно, не оборачиваясь, пошла по тропинке. Емельян не мог сдвинуться с места, пот струился по лицу и всему телу. Такое чувство он никогда не испытывал. Ему не хотелось возвращаться в сторожку, и он присел на лавочку, любуясь огромной луной и ярко мерцавшими звездами. Он просидел на кладбище до ранней зорьки, затем вернулся домой, тихо разделся, лег на печь и погрузился в неглубокий сон, до первых петухов...

Теперь они постоянно встречались после вечерней службы, а в церкви украдкой поглядывали друг на друга и улыбались. На Пасху Агафья подарила ему небольшой серебряный наперсток с голубой эмалью. Емельян не спал всю ночь, сжимая в ладони подарок, и думал об Агафье. Но их свидания недолго оставались в секрете, люди начали поговаривать о зарождающейся любви, и встречаться становилось все труднее. Тогда они условились оставлять записки в укромном месте возле склепа, назначая свидания друг другу.

В городке на Агафью засматривались многие, да и невеста она была завидная, с приданым. Как-то под Новый год купеческий сын Кручинин Алексей прислал к Агафье сватов, но она отвергла его предложение, несмотря на уговоры родителей. Так как жених был завидный, "с перспективой", отец в сердцах начал упрекать дочь в непослушании, выкрикивая: "Да кого же тебе надо?" Она потупила взор и тихо проговорила: "Емельяна". "Что?! — зашелся от гнева отец. — Емельку, звонаря? Кутьи захотелось?" Агафья горько заплакала и вскоре после этого слегла в постель. Раздосадованный отец, наказывая дочь за непокорность, запретил ей петь в хоре и посадил дома под замок. Но в душе очень переживал, поэтому на семейном совете было ре-

шено, что со свадьбой надо повременить год-другой, а там видно будет, мол, молодая еще, одумается.

История получила огласку, даже священник жалел Емельяна, не говоря уже о пономаре и просвирнике.

Придя как-то к склепу, Емельян нашел в укромном месте записку, в которой говорилось: "Любимый мой, единственный, только тебя и люблю, только о тебе и думаю, солнышко мое, лучик ясный, никогда не забуду, приходи на кладбище после службы в девять вечера, сил моих больше нету, хочу видеть тебя". Емельян читал записку несколько раз, не в силах поверить написанному. Успокоившись наконец, он побрел в сторожку. Ужинать не стал, вежливо отказался от приглашения. Все понимали, что происходит с ним, поэтому никто не обиделся, лишь пономарь посоветовал пораньше лечь спать. Было как-то грустно от сложившейся ситуации.

А утром на столбах появились листовки, в которых говорилось, что началась война. После службы Емельян долго ждал Агафью на кладбище. Наконец она прибежала, вся запыхавшись, и бросилась в его объятия. Они долго стояли обнявшись, думая каждый о своем, не разговаривая — за них говорили глаза и губы, ветер и деревья. Присев на лавочку, Агафья, наконец, заговорила. Она сказала, что пойдет на курсы медицинских сестер и будет работать в госпитале. Емельяну хотелось быть рядом с любимой, и он попросил узнать, нет ли каких-нибудь курсов для мужчин — он решил пойти санитаром на фронт. Агафья пообещала все узнать, и они договорились встретиться завтра на этом же месте. Но на следующий день все произошло по-другому. Когда Емельян пришел к месту свидания, вместо Агафьи в склепе лежала записка: "Родной, только тебя люблю, но уезжаю с мамочкой и папой. Обязательно вернусь, жди меня". Записка выпала у него из рук. Емельян медленно опустился на колени и заплакал...

Через несколько дней Емельян случайно узнал, что Агафья со всеми домочадцами уехала куда-то на юг. Он же, испросив благословения пономаря, отправился на фронт. Будучи санитаром, под огнем противника с поля боя Емельян перетаскивал раненых на перевязочный пункт, сам был ранен дважды, и за храбрость получил солдатского Георгия.

Война подходила к концу. Хлебнув окопной жизни, пережив атаки и отступления, Емельян вернулся с фронта в родной городок и первым делом отправился к церкви. Церковь была разрушена и разграблена, только колокольня без колоколов напоминала о былом величии. Войдя вовнутрь, он увидел голые облупившиеся стены, под ногами валялся мусор и деревянная щепка от разбитого топором иконостаса. Сердце тоскливо жалось от увиденного, и на глаза навернулись слезы.

Бредя обратно по пыльным городским улочкам, Емельян случайно встретил Матрену, что была в девках у купца Пчелкина, и та ему рассказала, как попа с попадьей сбросили с колокольни, а просвирного с кладбищенским сторожем повесили. Куда сгинул пономарь, она не знала, не могла ответить толком, приезжала ли в городок Агафья. Ему же посоветовала не мозолить глаза, а уезжать из этих мест. Отрезав полкаравая ржаного хлеба и кусок сала, перекрестила на дорогу и проговорила: "Уходи, Емельян, а то выдаст кто, ведь чертвичка работает на полную". Она же посоветовала ему пробираться на юг, в старый лесной массив — по слухам, там прятались остатки небольшого отряда, разбитого красными. Туда и решил отправиться Емельян, предварительно зайдя на кладбище, чтобы поклониться бабушкиной могилке. Калитка была сломана, кладбище заросло мелким кустарником и травой. Вот и заросший бугорок с покосившимся крестом. Присев

возле могилки, он начал выдергивать сорняки, оставляя лишь небольшие цветочки. Затем отряхнул с себя траву и поклонился кресту. Постояв еще какое-то время, Емельян медленно побрел по заросшей тропинке в глубь старого кладбища...

Нелегок был его путь к югу в старый лесной массив. Всюду валялись ветки и гнилая древесина. Комары и клещи не оставляли в покое ни случайного зверя, ни малочисленный отряд оставшихся в живых после неравного боя у небольшой речушки Вахалки. Этот массив Емельян знал, как свои пять пальцев. Не единожды хаживал сюда в детстве с бабушкой собирать лекарственные травы. Но прошло несколько дней, пока он набрел на остатки бывшего отряда. Усталых, голодных людей загнали в самую непроходимую чащу на дальние болота. Узнав от Емельяна, что он с фронта и знает в этом массиве каждую тропинку, его с радостью приняли, хотя некоторые и поглядывали с подозрением. Единственное, что осталось у Емельяна от старой жизни, это сукфейка, которая всегда была при нем, нательный крест, мешочек с образком и наперсток, подаренный Агафьей.

Когда в отряде узнали, что до войны он был звонарем и знает много молитв, его попросили отпеть товарищей, погибших в неравном бою два дня назад. После отпевания тела предали земле. Надо было как-то выбираться из болот, и тут очень помогло знание Емельяном местности. Он вывел остатки отряда из окружения, пройдя по нехоженному тропам, известным только ему одному.

В отряде Емельяна берегли. Он отпевал, читал молитвы, лечил раненых. Однажды отряд все-таки нарвался на красный кордон и был полностью перебит. Пользуясь тем, что уже опустились сумерки, Емельян сумел уйти лесом, оторвавшись на значительное расстояние от красных. Раненый, он несколько дней скитался по лесу, скрываясь от посторонних глаз, воду пил из ручейков и лесного родника, питался ягодами и сырыми грибами. Обессиленный от потери крови и голода, Емельян в мыслях прощался с жизнью, на короткое время теряя сознание. Нашел его случайно в заросшем овраге местный житель небольшой глухой деревушки Агафон, бродивший по лесу в поисках грибов. Он-то почти притащил на себе юношу домой и выходил его. Они любили долгими вечерами, прихлебывая чай из кружек, беседовать о своем прошлом и о том, что их ждет впереди.

Между ними оказалось много общего. Но, выздоровев, Емельян не захотел остаться у Агафона, а решил осесть в небольшой деревеньке, находившейся неподалеку, всего в двух километрах. Храма и моельного дома в деревне не было, лишь небольшая часовня, собранная из старых бревен, у которой обычно и собирался народ. Емельяну деревенька понравилась, и он здесь не только прижился, а сумел еще с помощью немногочисленных жителей возвести звонницу возле часовни. Со временем изготовил деревянные биты и по церковным праздникам играл на них.

Прожил Емельян в деревеньке около двух лет. За ним приходили за несколько десятков верст, приглашая на крестины, венчания или отпевания. Он никогда никому не отказывал, всегда был скор на ногу — и в мороз, и в дождь, и слякоть. Почти во всех деревеньках Емельян делал звонницы с деревянными битами, так как колоколов не было по бедности. Биты прятали в лесу и в амбарах, оберегая, как зеницу ока. Жители деревеньки помогли ему отстроить небольшую избушку на окраине леса, и потекла тихая мирная жизнь. Емельян чувствовал себя если не счастливым, то вполне удовлетворенным — наконец-то душа его приобрела некий покой.

Как-то раз Агафон прислал за Емельяном какого-то мальчонку. Емельян, быстро собравшись, надел лыжи и к вечеру был уже у своего приятеля. Войдя в крайнюю избу, где жил Агафон, и перекрестясь на образа святых, поставил лы-

жи к печке, снял мокрые рукавицы и скуфейку, присел на лавочку и прислонился спиной к теплой печке. Емельяна ждали два важных дела — отпеть покойника и окрестить младенца. В избе запахло щами и еще чем-то вкусным. “А мы-то вас заждались, Емельян Петрович, все ждем и ждем”, — причитала хозяйка, крутясь у печи. “Погода плохая, да и далековато все-таки. Торопился, как мог, и Господь помогал. А где младенчик?” “У Прохоровых, что в третьей избе отсюда, — ответил Агафон. — Надо бы в холодной, на льду, покойника отпеть, и так третий день лежит без отпевания, да и младенца окрестить побыстрее, а то молодые торопятся, в Харбин им поспешать надо, ищут их”. Емельян встал, нехотя надел скуфейку, взял со скамьи рукавицы и вышел вместе с Агафоном во двор. Вдохнув холодный воздух, спросил: “А что бегут-то?” “Отец младенчика белый офицер, и приятели его тоже офицеры. На них кто-то донес, сам сижу, как на иголках, что-то беспокоит мне. Побыстрее бы дело сладить, а то беду накличем на деревню. Если поймут, деревню сожгут, как пить дать”, — на ходу объяснял Агафон.

Вот и холодная — небольшой сарай и несколько ступенек вниз, на полу куски колотого льда, снег. Тусклая свеча еле горела, гроб, сколоченный из неотесанных досок, стоял на табуретках, несколько стариков и старушек с непокрытыми головами стояли тут же, всего человек шесть-семь. Емельян начал читать молитву...

После отпевания они поспешили по хрустящему снегу к третьей избе. Шли молча, усталость, накопившаяся за день, давила тяжелым грузом, хотелось есть и спать, но мысли о том, что предстоит крещение младенца, подстегивали Емельяна, не давая расслабиться. Вот и третья изба от леса, в промерзшем окошке виднелся еле заметный огонек, а перед ней стояли деревенские сани, запряженные лошадьми. “А купель-то у вас есть?” — вдруг спросил Емельян у Агафона. “Есть старый казан, думаю, в самый раз подойдет”. Оставив лыжи у входной двери, Емельян и Агафон вошли в избу. В большой комнате было сильно натоплено. Молодые уже стояли возле тщательно отчищенного старого казана, а воду нагрели заранее. Младенец, завернутый в белую простыню, старался всеми силами вырваться и освободиться от своих пут, кряхтя и строго поглядывая на родителей. Емельян тут же вымыл холодные руки в теплой воде, затем вытащил из кармана пальто молитвослов и приступил к обряду. Младенца нарекли Емельяном, как было написано на клочке бумаги, оторванном от старой газеты, и, окунав в казан, повесили ему на шейку шелковый шнурочек с крестиком. В комнате царил полумрак и Емельян не разглядел лица родителей ребенка. Но когда все закончилось, он поднял глаза и внимательно посмотрел на женщину, державшую младенца. На какое-то мгновение черты лица женщины показались ему знакомыми. Он неожиданно смутился, что-то шевельнулось в груди, и вдруг даже в жар бросило — ведь перед ним стояла его единственная, любимая Агафья. Она, похоже, тоже узнала его. Вдруг дверь распахнулась, и в комнату кто-то забежал с криком: “Красные!” Все вокруг смешалось. Люди стали выскакивать из избы. Емельян успел только проговорить: “Агафья!” Та на миг остановилась, прошептала: “Емелюшка!”, и, увлекаемая толпой, бросилась к входной двери. Емельян схватил лыжи, стоявшие у стены, лихорадочно завязал веревки, выскочил во двор, но сани уже уносили Агафью и младенца Емельяна в неизвестность...

Очнувшись от воспоминаний, Емельян поймал себя на мысли, что весь день просидел на колокольне. Он нехотя встал и устремил свой взгляд вдаль, будто стараясь увидеть чуть подслеповатыми глазами свое прошлое. Затем начал медленно спускаться вниз...

НЕпревышай скорости

Было как раз три часа ночи, когда мистер Кетчем проехал мимо таблички с надписью: Закри; нас. 67 жит. Он вздохнул. Еще один в бесконечной череде городов на побережье Мэна. На секунду крепко закрыл глаза, затем вновь открыл и надавил до отказа на акселератор. Форд рванул под ним вперед. Может, повезет, и он скоро доберется до приличного мотеля. Однако, уж точно, не похоже, что такой мотель найдется в Закри, с нас. 67 жит.

Мистер Кетчем распрямил свое грузное тело на сиденье и вытянул ноги. Отпуск оказался не ахти. Путешествие по историческим местам Новой Англии, общение с природой и ностальгия — вот что он запланировал. Вместо этого его ожидала скука, опустошение души и бумажника.

Мистер Кетчем был недоволен.

Город казался крепко спящим, когда он проезжал по его Главной улице. Слышен был лишь звук мотора его машины, когда фары выхватили из темноты новую табличку: "Ограничение скорости 15 миль".

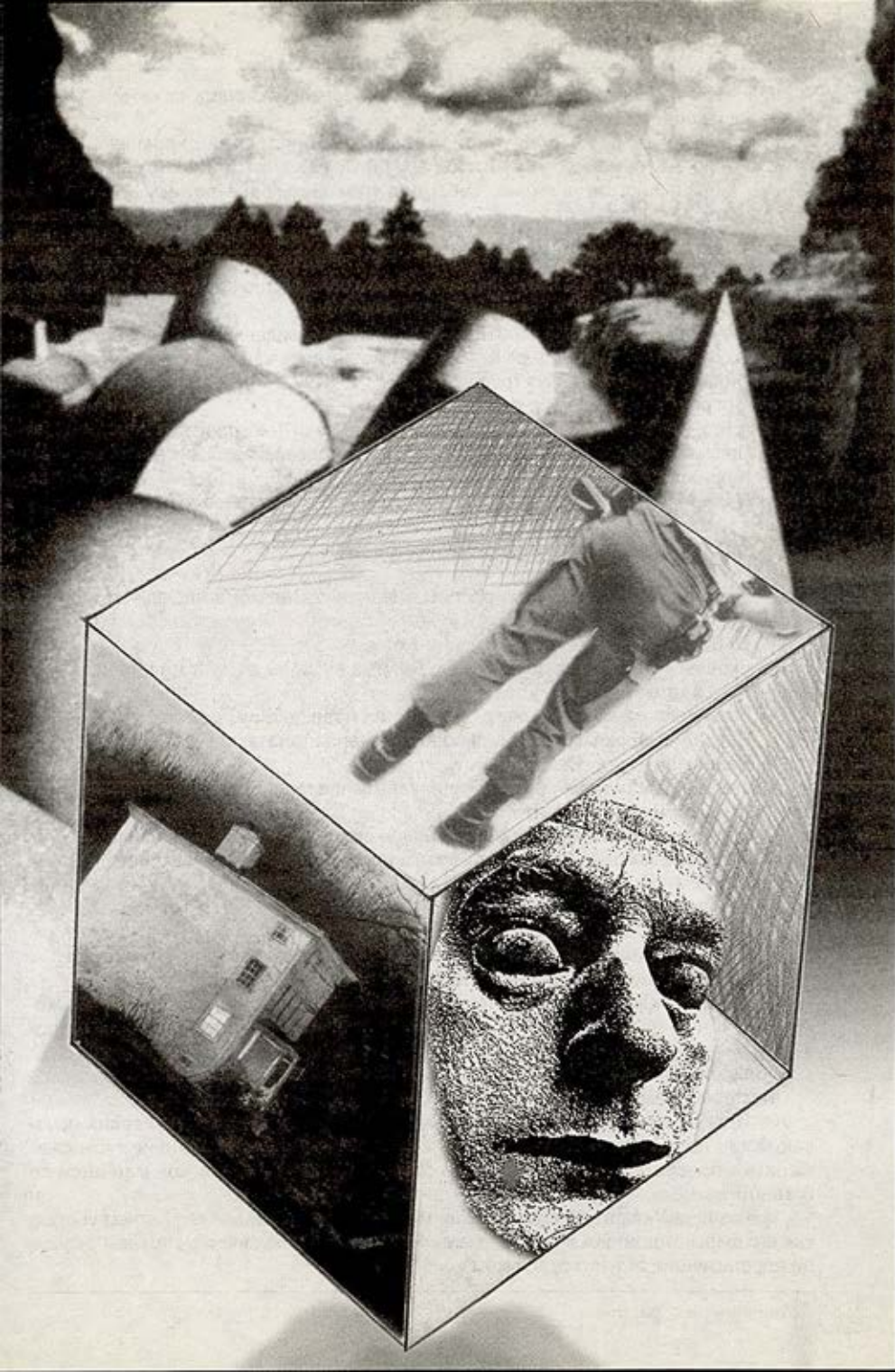
— Конечно, конечно, — пробормотал он с отвращением, давя на педаль газа. Отцы города желают, чтобы в три часа ночи он полз как черепаха через их вшивую деревушку. Мистер Кетчем смотрел на темные здания, пронесившиеся за окнами машины. До свидания, Закри, подумал он. Всего хорошего, нас. 67 жит.

И тут в зеркале заднего обзора появилась другая машина. Примерно на расстоянии полуквартала за ним двигался седан с вращающимся красным маячком на крыше. Гадать не приходилось, что это за машина. Его нога съехала с акселератора, и он почувствовал, как его сердце учащенно забилось. Оставался ли шанс, что они не заметили, как быстро он ехал?

Ответ на вопрос не заставил себя ждать. Темная машина приблизилась к форду, и мужчина в большой шляпе наклонился из переднего окна.

— Припаркуйтесь!

Холодно проглотив обиду, мистер Кетчем направил свою машину к обочине, потянул на себя аварийный тормоз, повернул ключ зажигания, и машина умолкла. Полицейский автомобиль уткнулся перед ним носом в бордюрный камень и застыл! Правая передняя дверца распахнулась. Яркий свет фар машины Кетчема высветил темную приближающуюся фигуру. Он быстро нащупал левой ногой кнопку и нажал ее, притушив свет. Какая досада! В три часа ночи едва ли не в центре пустыни провинциальный полицейский подцепил его за превышение скорости. Мистер Кетчем ждал, стиснув зубы.

Человек в темной униформе и широкополой шляпе наклонился к окну.

— Ваше водительское удостоверение.

Мистер Кетчем дрожащей рукой скользнул во внутренний карман и вынул бумажник. Нащупав свою лицензию, протянул ее, заметив, каким невыразительным было лицо полисмена. Он сидел спокойно, пока полисмен освещал фонариком лицензию.

— Из Нью-Джерси.

— Да, это... это так, — подтвердил мистер Кетчем.

Полисмен продолжал смотреть на удостоверение. Мистер Кетчем беспокойно задвигался на сиденье и скал губы.

— Его срок не истек, — наконец проговорил он и увидел, как темная голова полицейского поднялась. У мистера Кетчема перехватило дыхание, когда узкий луч света ослепил его глаза, и откинул голову.

Свет передвинулся. Мистер Кетчем заморгал.

— А что, дорожные знаки в Нью-Джерси не изучают? — спросил полицейский.

— Почему, я... вы имеете в виду тот знак с населением в 67 жителей?

— Нет, я имел не его в виду, — возразил полицейский.

— Ох. — Мистер Кетчем откашлялся. — Ну, это единственный знак, который я видел.

— Тогда вы плохой водитель.

— Ну, я...

— Знак, ограничивающий скорость пятнадцатью милями в час. Вы же делали пятьдесят.

— О! Я... Боюсь, я не видел его.

— Скорость ограничена пятнадцатью милями в час, вы видели это или нет?

— Ну... в такое время...

— Вы видели указание на знаке? — спросил полицейский.

— Нет, конечно, нет. По-моему, я вообще не видел знака.

— Не видели?

Мистер Кетчем ощутил неприятное покалывание мурашек, внезапно пробежавших по затылку и шее.

— Сейчас-то здесь вижу, — проговорил он осторожно, потом замолчал и посмотрел на полицейского. — Могу я получить свое удостоверение? — наконец произнес мистер Кетчем, поскольку полицейский никак не среагировал на его слова. Он неподвижно стоял на улице.

— Могу я... — повторил он.

— Следуйте за нашей машиной, — ответил полицейский отрывисто и отошел.

Мистер Кетчем смотрел на него ошеломленно.

— Эй, подождите! — почти прокричал он и внезапно ощутил холодок в животе. — В чем дело? — бормотал он, наблюдая, как полицейский усаживался в свой автомобиль.

Полицейская машина тронулась от обочины, маячок на крыше вновь вспыхнул.

Мистер Кетчем последовал за ней.

— Просто смешно, — говорил он громко. — У них не было никаких оснований так поступать. Разве вернулось средневековье? — Его тонкие губы сжались в презрительную улыбку, пока он следовал за полицейской машиной по Главной улице.

Миновав два квартала, полицейская машина повернула. Мистер Кетчем увидел, как его фары отразились в стеклах магазина напротив. "Бакалейные товары", гласили пострадавшие от непогоды буквы.

На этой улице не было фонарей. Она напоминала въезд в очень темный коридор. Впереди светились только три красных глаза задних фар и вращающегося маячка полицейской машины, а позади только непроницаемая тьма. Вот тебе и завершение прекрасного дня, подумал мистер Кетчем: застрял из-за превышения скорости в каком-то Закри, графства Мэн. Почему он не продлил свой отпуск в Ньюарке? Много бы спал, ходил на представления, ел, смотрел телевизор...

Полицейская машина повернула направо на следующем углу, затем проехала квартал, свернула опять налево и остановилась. Мистер Кетчем подъехал и затормозил позади нее, когда ее фары погасли. Какая-то бессмыслица. Дешевая мелодрама. Они могли без труда оштрафовать его и на Главной улице. Деревенское сумасбродство. Унижение человека из большого города давало им чувство собственной значимости и удовлетворяло.

Полицейский открыл дверцу.

— Выходите.

На улице и в окружающих зданиях не было света. Мистер Кетчем сделал нервный глоток. Все, что он мог разглядеть, — это темную фигуру полицейского.

— Здесь участок? — спросил он.

— Выключите фары и пойдём, — буркнул полицейский.

Мистер Кетчем нажал на хромированную кнопку и вылез из машины. Полицейский захлопнул дверцу, что вызвало громкий, подобный эху звук, будто они находились внутри опустевшего неосвещенного супермаркета, а не на улице. Мистер Кетчем посмотрел вверх. Иллюзия была полной. Ни звезд, ни луны. Небо и земля сливались в сплошную черную завесу.

— Здесь темно, — услышал он свой изменившийся голос.

Полисмен ничего не сказал. Другой полицейский шагал нога в ногу с другой стороны от него.

Мистер Кетчем вдохнул сырой, пахнущий морем воздух и мысленно выдохнул его. Отвратительный городок с 67 жителями, и они держат двух полицейских, патрулирующих улицы в три часа утра. Нелепо.

Он едва не споткнулся о ступеньку, когда стали подниматься. Полицейский слева подхватил его под локоть.

— Спасибо вам, — механически пробормотал мистер Кетчем.

Полисмен не ответил. Мистер Кетчем облизнул губы. Бессердечный тупица, подумал он и слегка ухмыльнулся. Лучше не дразнить зверя. Не дать им лишнего повода придраться к нему.

Он зажмурился, когда дверь широко открылась и, вопреки всему, почувствовал некоторое облегчение. Это действительно полицейский участок. Здесь была конторка на возвышении, доска на стене со сводками, черная пузатая незажженная печь, у стены стояла изрезанная надписями скамья, дверь была обита треснувшим и грязным линолеумом, который некогда был зеленым, таким же линолеумом устлан пол.

— Сядьте и ждите, — сказал первый полицейский.

Мистер Кетчем посмотрел на его худое угловатое лицо, его смуглую кожу. Между радужной оболочкой его глаз и зрачком не замечалось отличий. Весь глаз был темным. Темная униформа свободно сидела на нем.

Мистеру Кетчему не удалось разглядеть другого полицейского, потому что оба ушли в соседнюю комнату. Мгновение он раздумывал, уставившись на закрытую дверь. А если ему улизнуть? Нет, у них есть его адрес на водительском удостоверении. Тогда опять они захотят попытаться вернуть его. Никогда не знаешь, что на уме у полиции из маленького городка. Они могли даже застрелить его, попытайся он убежать.

Мистер Кетчем тяжело опустился на скамью. Нет, он не позволит воображению так разыграться. Это был просто небольшой городок на побережье Мэна, и они только собирались оштрафовать его за...

Ладно, тогда почему они его не оштрафовали? К чему весь этот спектакль? Очень хорошо, пусть они играют в свою игру. Это даже лучше, чем сейчас куда-нибудь ехать. Он закрыл глаза.

Спустя некоторое время вновь открыл их. Стояла чертовская тишина. Оглядел тускло освещенную комнату. Стены были грязные и голые, если не считать часов и картины, которые висели за конторкой. Это было изображение — больше похожее на репродукцию — бородатого мужчины в морской фуражке. Возможно, один из древних моряков из Закри. Нет, даже не это. Возможно, репродукция картины Сира Ребака: Бородатый моряк.

Мистер Кетчем хмыкнул: какое отношение бородатый моряк имел к полицейскому участку? Лишь то, что городишко Закри находился на атлантическом побережье? Возможно, конечно, его главным источником дохода была рыбная ловля. В любом случае, что бы это значило? Мистер Кетчем опустил взгляд.

Из соседней комнаты доносились приглушенные голоса двух полицейских. Он попытался разобрать, что они говорят, но не смог, только пристально смотрел на закрытую дверь. Наконец дверь открылась, и вышли двое полицейских.

Один из них ушел. Оставшийся, тот, что забрал у мистера Кетчема удостоверение, подошел к конторке и ударил по ножке стоявшей на ней лампы, напоминающей гусиную шею, взял огромный регистрационный журнал из верхнего ящика и стал что-то в нем писать. Ну, наконец, подумал мистер Кетчем.

Прошла минута.

— Я, — кашлянул мистер Кетчем. — Я прошу вас... — Его голос дрогнул, когда холодный пристальный взгляд полицейского оторвался от журнала и остановился на нем. — Вы... То есть, теперь меня оштрафуют?

Полицейский снова обратился к журналу.

— Ждите, — сказал он.

— Но уже пошел четвертый час ут... — Мистер Кетчем прервал себя. Он старался выглядеть холодно-воинственным. — Ну ладно. Будьте любезны сказать, сколько это будет продолжаться?

Полицейский по-прежнему писал в журнале. Мистер Кетчем сидел, окостенев на месте, глядя на него. Нестерпимо, думал он. Это последний проклятый раз, ноги его не будет никогда ближе чем за сотню миль от этой проклятой Новой Англии.

Полицейский поднял голову.

— Вы женаты? — спросил он.

Мистер Кетчем уставился на него.

— Вы женаты?

— Нет, я... все указано в удостоверении, — выпалил мистер Кетчем и ощутил чувство удовлетворения от своего резкого ответа. И в то же самое время его пронзило странное чувство страха от того, не слишком ли он надерзил полицейскому.

— Семья в Джерси? — спросил полицейский.

— Да. Я хотел сказать "нет". Только сестра в Висконсе...

Мистер Кетчем не закончил. Он наблюдал, как полицейский записал ответ. Ему хотелось быстрее отделаться от этой неожиданной напасти.

— Работаете? — спросил полицейский.

Мистер Кетчем слотнул.

— Ну, — сказал он, — у меня нет определенной ра...

— Безработный, — сделал вывод полицейский.

— Вовсе нет, вовсе нет, — возразил мистер Кетчем твердо. — Я независимый торговец, я закупаю акции и партии товаров... — Его голос почти затих, когда полицейский посмотрел на него. Мистер Кетчем слотнул три раза, прежде чем комок в горле не исчез.

В комнате царила тишина, нарушаемая лишь металлическим звуком тикающих часов. Мистер Кетчем почувствовал, что его сердце бьется медленнее, какими-то протяжными ударами. Он ощутил, как неудобно его крупному телу на жесткой скамье, и подумал, Господи, это же просто смешно.

— Ух!

Рот мистера Кетчема со щелчком закрылся, его глаза резко открылись, радужная оболочка ярко вспыхнула. Он нагнулся вперед на скамье, затем откинулся назад. Человек со смуглым лицом наклонился над ним, положив руку ему на плечо.

— Да? — спросил мистер Кетчем, и сердце его подпрыгнуло.

Человек улыбнулся.

— Шеф Шипли, — представился он. — Не хотите ли пройти в мой офис?

— Ох, — сказал мистер Кетчем, — да, да.

Он выпрямился, слегка поморщился, все еще чувствуя одеревенелость мышц спины. Человек отступил назад, и мистер Кетчем продвинулся, заворчав, его глаза автоматически посмотрели на стенные часы. Было несколько минут пятого.

— Послушайте, — сказал он, не проснувшись еще окончательно, чтобы ощутить страх, — почему я не могу уплатить штраф и уехать?

Шипли холодно улыбнулся.

— У нас в Закри все происходит немного по-другому.

Они вошли в маленький, с запахом плесени офис.

— Садитесь, — сказал шеф полиции, огибая стол, в то время как мистер Кетчем опустился в кресло с прямой спинкой, заскрипевшее под ним.

— Не понимаю, почему я не могу уплатить штраф и уехать?

— В должное время, — сказал Шипли.

— Но, — мистер Кетчем не закончил. Улыбка Шипли выражала не больше, чем дипломатически замаскированное предупреждение.

— Я понял, что вы не женаты, — заметил Шипли.

Мистер Кетчем промолчал. Отплачу им той же монетой, подумал он.

— У вас есть друзья в Мэне? — спросил Шипли.

— А вам-то что?

— Просто рутинные вопросы, мистер Кетчем, — сказал шеф. — Единственный член вашей семьи — сестра в Висконсе?

Мистер Кетчем молча посмотрел на него. Какое отношение все это имеет к нарушениям дорожного движения?

— Сэр? — настаивал Шипли.

— Я уже сказал вам: то же самое я сказал офицеру. Я не понимаю...

— Здесь в связи с бизнесом?

Рот мистера Кетчема беззвучно открылся.

— Почему вы задаете мне все эти вопросы? — спросил он. Хватит трястись! — приказал он себе в бешенстве.

— Рутинная. Вы здесь в связи с бизнесом?

— Я в отпуске. И не понимаю, что происходит! Я был терпелив до сих пор, но хватит с меня, требую, чтобы меня оштрафовали и отпустили.

— Боюсь, это невозможно, — сказал начальник.

Мистер Кетчем широко открыл рот. Это напоминало пробуждение от ночного кошмара и внезапное осознание, что кошмар все еще продолжается.

— Я... я не понимаю, — проговорил он.

— Вам следует предстать перед судьей.

— Но это же смешно.

— Так ли?

— Вот именно. Я являюсь гражданином Соединенных Штатов. Я требую соблюдать мои права.

У Шипли улыбка увяла.

— Вы ограничили эти права, когда вы нарушили наш закон, — проговорил он. — Теперь вам придется расплачиваться за это, как мы определим.

Мистер Кетчем тупо посмотрел на него. Он понял, что полностью в их власти. Они могут оштрафовать его, на сколько пожелают, или на неопределенный срок засадить в тюрьму. Все эти вопросы, на которые он должен был отвечать, причем не понимая, почему их задают ему... теперь он осознал, что его ответы представили его как почти безродного, не имевшего никого, кто бы заботился о нем при жизни...

Комната, казалось, поплыла. Липкий пот покрыл все его тело.

— Вы не можете сделать этого!

— Вы должны провести ночь в тюрьме, — возразил начальник. — А утром увидите судью.

— Но это смешно! — взорвался мистер Кетчем. — Смешно! У меня есть право сделать один звонок по телефону, я могу сделать телефонный звонок. Это мое законное право.

— Это было бы возможно, — сказал Шипли, — если бы в Закри была телефонная связь.

Когда они вели его в камеру, мистер Кетчем увидел гравюру в холле. Это был все тот же бородатый моряк. Мистер Кетчем не заметил, следили его глаза за ним или нет.

Мистер Кетчем пошевелился. Чувство замешательства отразилось на его онемевшем от сна лице. Раздался лягающий звук; он приподнялся на локте.

Полицейский вошел в камеру и протянул поднос.

— Завтрак. — Он был старше других полицейских, даже старше, чем Шипли. Его волосы были серо-стальными, а чисто выбритое лицо покрыто сетью морщин вокруг рта и глаз. Униформа плохо сидела на нем.

Когда полицейский стал открывать дверь, мистер Кетчем поинтересовался:

— Скоро я увижу судью?

— Не знаю, — ответил полицейский и вышел.

— Подождите! — выкрикнул мистер Кетчем.

Удаляющиеся шаги полисмена гулко прокатились по цементному полу. Мистер Кетчем продолжал смотреть на то место, где находился полицейский. Сонная пелена упала, и сознание наконец прояснилось.

Он сел, потер глаза онемевшими пальцами и поднес к ним запястье. Семь минут десятого. Толстяк поморщился. Черт побери, они еще пожалеют об этом! Его ноздри дернулись. Он прияхался, начал подтягивать поднос, затем отдернул руку.

Нет, он не станет есть их чертову еду. Мистер Кетчем сел прямо, затем наклонился и пристально посмотрел на свои ноги. В его желудке забурчало.

— Ладно, — пробурчал он через минуту. Сглотнув, он подтянул к себе поднос и снял с него крышку.

Три яйца, зажаренные в масле, огромные желтки усталились в потолок, окруженные длинными хрустящими кусками мясистого сочного бекона. Рядом с ними находились тарелочка с четырьмя тонкими, как книжный лист, тостами,

смазанными сливочным маслом, и бумажная чашка с желе. Тут же был высокий стакан пенистого апельсинового сока, тарелка клубники, истекающей соком в алебастровых сливках. Наконец, высокая кружка, в которой плескался свежесваренный кофе, издающий настоящий аромат.

Мистер Кетчем поднял стакан апельсинового сока. Отпил чуть-чуть и подержал во рту для пробы. Лимонная кислота нежно покалывала его теплый язык. Он проглотил. Если сок отравлен, то это было сделано рукой мастера. Слюна наполнила его рот. Он внезапно вспомнил, что перед тем, как его задержали, он намеревался остановиться у кафе, чтобы перекусить.

В то время как он ел, осторожно, но решительно, в мозгу прокручивалось все произошедшее с ним. Видимо, они сожалели о своем промахе. Объяснение довольно хлипкое, но хоть какое-то. Еда была превосходной. Кое-что следовало сказать в адрес этих жителей Новой Англии: эти сукины дети здорово готовили. Завтрак мистера Кетчема обычно состоял из сладкой разогретой булочки и кофе. С тех пор, как юношей он покинул дом своего отца, ему никогда не выпадало такого завтрака.

Мистер Кетчем только что опустошил третью чашку хорошо сдобренного сливками кофе, когда в коридоре раздались шаги.

Шеф Шипли остановился по ту сторону камеры.

— Вы позавтракали?

Мистер Кетчем кивнул. Если шеф ожидает благодарности, то пусть разочаруется.

— Судья пока еще нет, — сказал Шипли.

— Но...

— Как только приедет, поговорит с вами, — проговорил Шипли. Затем повернулся и ушел.

Мистер Кетчем пришел в ярость. Он поглядел на остаток от своего завтрака, как бы в поисках ответа на сложившуюся ситуацию, и постучал кулаком по своему бедру. Невыносимо! Что стараются они сделать с ним — запугать? Ладно, ей-богу, они преуспели в этом.

Мистер Кетчем подошел к решетчатой ограде. Осмотрел пустой коридор. У него внутри возник холодный комок. Пицца, казалось, залегла свинцовой тяжестью в желудке. Боже! Боже!

Было два часа дня, когда шеф Шипли и старый полицейский подошли к двери камеры. Не говоря ни слова, полицейский открыл ее. Мистер Кетчем вышел в коридор и чуть задержался, надевая пиджак, пока запирали дверь.

Он шагал мелкими шагами на негнущихся ногах между двумя мужчинами, даже не глядя на картину на стене.

— Куда мы идем? — спросил он.

— Судья болен, — сказал Шипли. — Мы отвезем вас в его дом, чтобы вы заплатили штраф.

Мистер Кетчем вздохнул со свистом.

— Ладно, раз у вас так заведено, поступайте, как знаете.

— Только так и следует поступить, — подтвердил шеф, глядя пустыми глазами; его лицо ничего не выражало.

Уголки рта мистера Кетчема чуть шевельнулись, выражая вымученную улыбку. Дело сдвинулось и теперь почти завершено. Он уплатит штраф и покинет это проклятое место.

Снаружи все затянуло туманом. Морской туман катился по улице, подобно клубам дыма. Мистер Кетчем натянул шляпу и вздрогнул. Влажный воздух, казалось,

пронизывает его плоть и обволакивает его кости. Мерзкий день, подумал он, и двинулся вниз по ступенькам, ища глазами свой "форд".

Старый полисмен открыл заднюю дверцу полицейской машины, и Шипли предложил ему жестом сесть в машину.

— А что же с моей машиной? — спросил мистер Кетчем.

— Мы возвратимся сюда после того, как вы встретитесь с судьей, — ответил Шипли.

— Ох. Я...

Мистер Кетчем поколебался немного, затем наклонился, проскользнул внутрь машины и плюхнулся на заднее сиденье. Он задрожал, когда холод кожаной обивки проник сквозь шерстяные брюки, и весь сжался.

Полицейский хлопнул дверцей, закрывая ее. Опять этот глухой звук, подобно хлопку крышки гроба в склепе. Мистер Кетчем криво улыбнулся.

Полицейский включил зажигание, и мистер Кетчем услышал, как мотор кашлянул, пробуждаясь к жизни. Он сидел, дыша медленно и глубоко, пока полицейский разогревал мотор. Потом посмотрел в окно.

Туман напоминал дым. Как будто машина находилась в горящем гараже. Вот только пронизывающая до костей влажность! Мистер Кетчем откашлялся. Он услышал, как шеф опустил на сиденье рядом с ним.

— Холодно, — машинально произнес мистер Кетчем.

Шеф ничего не ответил.

Мистер Кетчем откинулся назад, когда машина отъехала от обочины, круто развернулась и медленно двинулась по погруженной в туман улице. Он слышал похрустывание шин на влажной мостовой, ритмичный свист дворников, когда они очищали полукруглые сегменты на ветровом стекле, покрытом липким туманом.

Через мгновение он взглянул на свои часы. Почти три. Полдня потеряно в этом проклятом Закри.

Он снова посмотрел в окно на исчезающий, как призрак, город.

На Главной улице туман казался слабее. Возможно, из-за морского бриза, подумал мистер Кетчем, и посмотрел вдоль улицы. Все магазины и офисы выглядели закрытыми. На другой стороне улицы — то же самое.

— Где все? — спросил он.

— Что?

— Я спросил, а где люди?

— Дома, — ответил шеф.

— Но ведь сегодня среда, — удивился мистер Кетчем. — И ваши магазины не открыты?

— Плохой день, — проговорил Шипли. — Хуже не бывает.

Мистер Кетчем посмотрел на выглядевшего болезненным шефа, затем поспешно отвернулся. Неприятное предчувствие вновь холодком шевельнулось в его животе. Господи, что это такое? — спросил он себя. В камере ему было плохо. Здесь же, во время движения сквозь морской туман, еще хуже.

— Это верно, — услышал он свой нервно звучащий голос. — Ведь здесь всего шестьдесят семь жителей, не так ли?

Шеф ничего не сказал.

— Сколько... сколько лет вашему Закри?

В тишине он услышал, как шеф с сухим хрустом сжал пальцы.

— Сто пятьдесят лет, — ответил Шипли.

— Солидный возраст, — заметил мистер Кетчем. — А как возникло название Закри? — невольно, сами собой, вырвались у него слова.

— Его основал Ной Закри.

— О! О! Понятно. Я догадался, что портрет в участке...

— Верно, — подтвердил Шипли.

Мистер Кетчем моргнул. Так то был Ной Закри, основатель этого города, который они миновали — квартал за кварталом. Было холодно, сильная тошнота поднялась в животе мистера Кетчема, когда в его голове неожиданно возникла идея.

Почему в таком большом городе всего лишь 67 жителей?

Он открыл рот для того, чтобы задать вопрос, но не смог.

— Почему тогда здесь только? — Слова вырвались произвольно.

— Что?

— Ничего, ничего. Это... — Дыхание мистера Кетчема стало прерывистым. Ничего с этим не поделаешь. Все-таки он должен знать. — Как так получилось, что их только шестьдесят семь?

— Они ушли, — проговорил Шипли.

Мистер Кетчем моргнул. Ответ прозвучал вроде бы успокаивающе. Его брови нахмурились. Ладно, что еще? — спросил он себя, защищаясь. Разумеется, маловероятно, чтобы Закри, этот захудалый городишко, был привлекательным для молодых поколений. Существует множество более привлекательных мест.

Он поудобнее уселся на заднем сиденье. Разумеется. Подумать только, как сильно я хочу выбраться из этой дыры, а ведь даже не жил здесь.

Его пристальный взгляд, направленный вперед за движущиеся дворники, выхватил что-то. Транспарант, висевший поперек улицы. Барбекю ночью. Празднество, подумал он. Они, возможно, превращаются каждые две недели в неистовых древнескандинавских викингов и устраивают буйные соревнования по починке рыболовных сетей и мастерству в трехэтажных ругательствах.

— И все же кем был Закри?

— Морским капитаном, — объяснил шеф.

— А?

— Бил китов в южных морях.

Внезапно Главная улица закончилась. Полицейская машина повернула налево на грязную дорогу. Сквозь стекло мистер Кетчем видел пронесившиеся темные кусты. Звучало лишь урчание мотора, работающего на второй скорости, легкий стук летящего из-под колес грязного гравия. Где живет судья, на вершине горы? Он переместил свой вес и проворчал.

Теперь туман начал рассеиваться. Мистер Кетчем мог видеть траву и деревья, и все с каким-то серым оттенком.

Машина повернула в сторону океана. Мистер Кетчем посмотрел вниз на непроницаемый ковер тумана. Машина еще раз повернула. И снова перед ней маячил гребень холма.

Он осторожно кашлянул.

— Кхе, ухм, а что, дом судьи здесь, наверху?

— Да, — коротко ответил шеф.

— Высоко, — проговорил мистер Кетчем.

Машина свернула на узкую, грязную дорогу, в сторону океана, в сторону Закри, к незащищенному от ветра дому, расположенному на вершине холма. Это был трехэтажный серовато-белый дом, в каждом конце которого возвышались чердачные башни. Он выглядит таким же старым, как и сам Закри, подумал мистер Кетчем.

Машина повернула. И вновь он увидел океан, покрытый туманом.

Мистер Кетчем посмотрел на свои руки. Что это — световые блики, или они так вздрагивают? Попытался глотнуть, но в горле пересохло, и он сильно закашлялся.

Машина одолевала последний подъем на пути к дому. Мистер Кетчем почувствовал, как ускорилось его дыхание. Я не хочу идти, послышалось ему, как будто кто-то произнес эту фразу у него в голове. У него возникло дикое желание толкнуть дверь и убежать. Мускулы напряглись. Он закрыл глаза. Ради всего святого, остановись! — самому себе выкрикнул он. Ничего страшного не происходило, всего лишь разгулялось воображение. События находят объяснения, и люди находят причины. Жителей Закри также можно понять; примитивное недоверие обитателей города. Это была их социально обусловленная месть. Вот в чем смысл. В конце концов...

Машина остановилась. Шеф открыл дверцу на своей стороне и вышел. Полицейский водитель откинулся назад и открыл другую дверцу для мистера Кетчема. Чтобы удержаться, он вынужден был ухватиться за верх дверцы и припечтала ноги к земле. Затем взглянул на дом и зажмурился. Видел ли он, как темно-зеленая штора в окне задернулась? Он испуганно вздрогнул, когда его руки коснулись, и шеф показал жестом на дом. Трое мужчин двинулись к нему.

— Я, уф... боюсь, у меня не так много наличных, — проговорил мистер Кетчем. — Надеюсь, мой дорожный чек вас устроит?

— Да, — сказал шеф.

Они поднялись по ступенькам крыльца и остановились перед дверью. Полицейский повернул огромную, медную головку звонка, и мистер Кетчем услышал резкий трезвон внутри. Он стоял, вглядываясь сквозь дверные занавески. Внутри он смог разглядеть вешалку для шляп скелетообразной формы. Полицейский еще раз позвонил.

— Может быть, он очень болен, — со слабой надеждой предположил мистер Кетчем.

Никто не обратил на него внимания. Мистер Кетчем почувствовал, как напряглись его мускулы, и оглянулся назад через плечо. Смогли бы его схватить, если бы он побежал?

Он снова повернул голову, испытывая отвращение к себе. Ты заплатишь свой штраф и уйдешь, терпеливо объяснил он самому себе. Вот и все. Уплатишь штраф и уйдешь.

Внутри дома послышалось какое-то движение. Мистер Кетчем, как ни храбрился, выглядел испуганным.

Дверь открылась. На пороге стояла худощавая женщина, одетая в длинное, до лодыжек, черное платье с белой овальной брошью на шее. Ее смуглое лицо было покрыто тонкими морщинками. Мистер Кетчем автоматически снял шляпу.

— Входите, — пригласила женщина.

Мистер Кетчем вошел в переднюю.

— Вы можете оставить вашу шляпу здесь. — Женщина указала на вешалку для шляп, которая выглядела как обуглившееся после пожара дерево. Мистер Кетчем повесил шляпу на одну из темных веток. Когда он это делал, его глаза увидели огромную картину у подножия лестницы. Он начал было говорить, но женщина указала:

— Вот сюда.

Они спустились вниз в холл. Мистер Кетчем посмотрел на картину, мимо которой они прошли.

— Кто эта женщина, — спросил он, — которая стоит рядом с Закри?

— Его жена, — ответил шеф.

— Но она...

Голос мистера Кетчема внезапно оборвался, как если бы он услышал хныканье, возникшее в его горле. Потрясенный, он подавил его, решив хорошенько откашляться, и почувствовал себя смущенным. Все еще... жена Закри?

Женщина открыла дверь.

— Подождите здесь, — сказала она, пропуская его в помещение.

Мистер Кетчем вошел. Затем обернулся, чтобы что-то сказать шефу, но успел лишь увидеть, как дверь захлопнулась.

— Послушайте, уф... — Он подошел к двери и взялся за ручку. Она не повернулась.

Он нахмурился. Сердце гулко билось в груди, будто заколачивали сваи.

— Эй, что происходит? — Нарочито бодрый, его голос отражался от стен. Мистер Кетчем повернулся и огляделся вокруг. Комната была пустой. Квадратная пустая комната. Он повернулся к двери, губы задвигались, когда он подыскивал подходящие слова.

— О'кей, это уже слишком... — Он резко крутанул ручку. — Очень веселая шутка. — Боже, он сходил с ума. — Я согласен на все, я... — Он повернулся в сторону звука, и замер.

Не было ничего. Комната была абсолютно пустой. Что же это был за звук, напоминавший глухой рокот водопада?

— Эй! — крикнул мистер Кетчем автоматически и снова повернулся к двери. — Эй! — повторил он. — Откройте! Кто-то во всяком случае есть среди вас здравомыслящий! — Он повернулся на ослабевших ногах. Звук усилился. Мистер Кетчем провел рукой над бровями. Лоб был покрыт потом. Здесь жарко. — О'кей, о'кей. Превосходная шутка, но...

Он не смог продолжить, потому что его голос перешел в отчаянное рыдание. Мистер Кетчем слегка пошатнулся и стал внимательно изучать комнату. Его вытянутая рука коснулась стены и отдернулась.

Стена была горячей.

— Что?! — воскликнул он недоверчиво.

Это невозможно. Все это шутка. Это их ненормальные глупые шутки. Игра, в которую они играли. Напугай городского пижона — вот название этой их игры.

— О'кей! — выкрикнул он. — Как весело, очень весело! Теперь позвольте мне выйти отсюда, или это приведет к беде!

Он заколотил в дверь. Ударил о нее ногой. Жара в комнате становилась невыносимой. Было почти так жарко, как...

Мистер Кетчем окаменел. Его нижняя челюсть отпала.

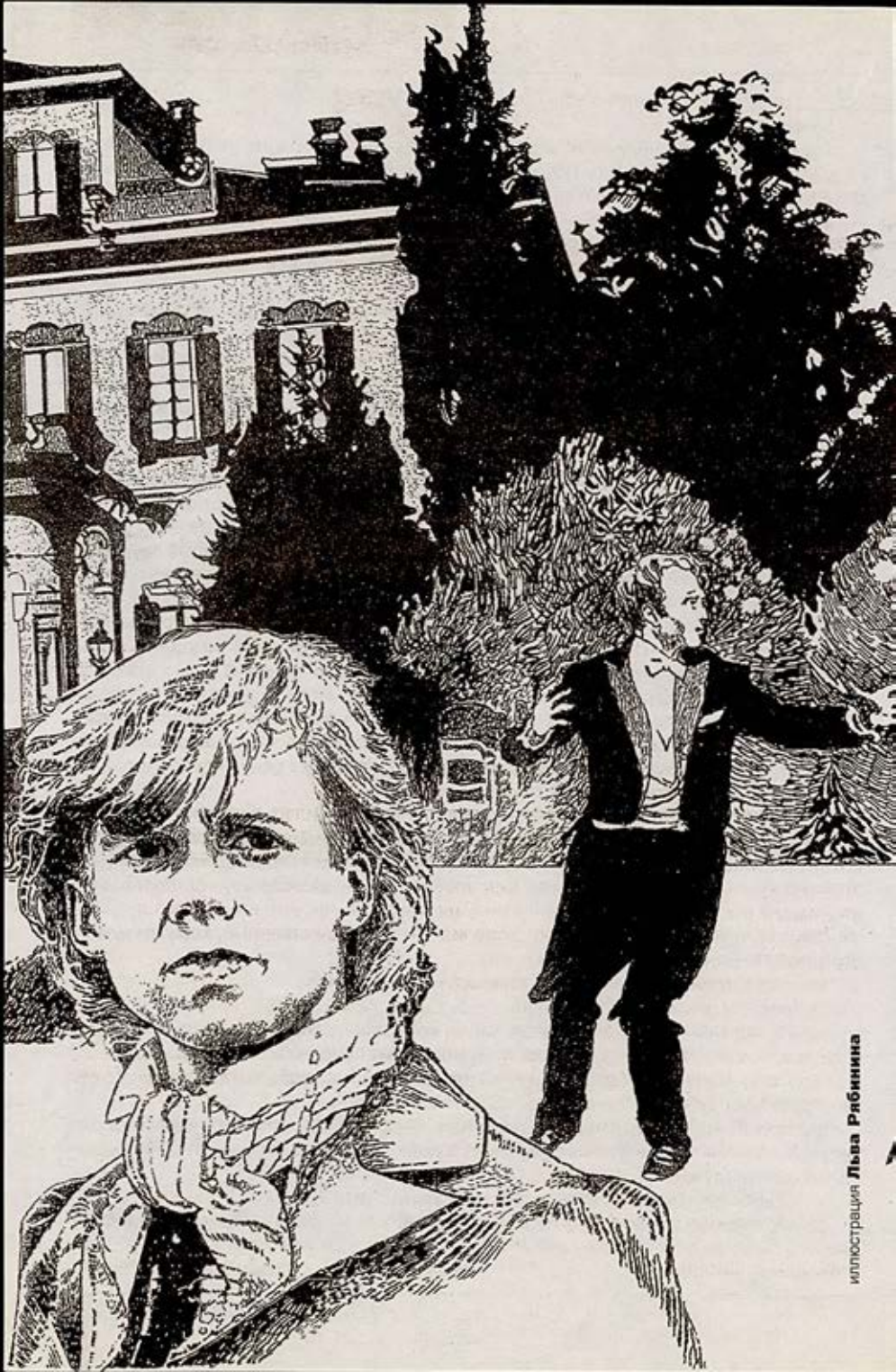
Вопросы, какими они одолевали его. Свободная одежда, которую носили здесь все, кого он встретил. Богатая пища, которой его кормили. Пустые улицы. Смуглый, как у дикарей, цвет кожи, у мужчин и женщины. То, как они смотрели на него. И женщина на картине, жена Ноя Закри — первобытная женщина с ее заостренными зубами. Транспарант: Барбекю вечером.

Мистер Кетчем пронзительно закричал. Он барабанил руками и ногами по двери, бросался на нее всем весом своего тела, призывал, чтобы кто-нибудь откликнулся снаружи.

— Освободите меня! Выпустите меня! Вы-пус-тите... меня!

Самое худшее заключалось в том, что он никак не мог поверить в происходящее...

Перевод с английского **Станислава НИКОНЕНКО.**

ПЛАМЯ ЧЕРНОГО СВЕЧИ

— Еще чаю, мэм? — спросила наша служанка Мисси, вырывая меня из легкой дремы. — Извините, мэм, кажется, вы кивнули?

— Едва заметно, — зевнув, ответила я. После нашего возвращения из короткой поездки в Америку у меня начались нелады со сном. Организм брал свое за долгие тоскливые дни, проведенные в Новом Свете. А вот мой супруг, Джон, напротив, вернулся домой полным сил и с головой ушел в свою врачебную практику, которую на время забросил ради курса лекций и серии публичных выступлений.

Напомнив себе, что надо бы поговорить с Джоном о моем плачевном состоянии, я расположилась в кресле и взялась за новую книгу, лишь бы только не видеть ненастья за окном. Мое книгочейство было прервано лишь однажды, когда почтальон принес письмо на имя мужа, а вскоре вернулся и Джон. Вода рекой текла с его шляпы и пальто, причем прямо на ковер.

— Тебе письмо, дорогой, — объявила я и вновь углубилась в чтение, но мгновение спустя была вынуждена оторваться от книги, отвлеченная возгласом:

— Великий шотландец! Руперт Мэндвилл. Сколько лет прошло. Я уже почти забыл его. А ведь мы вместе служили в стрелковом полку. Интересно, что ему от меня понадобилось? — Джон дочитал письмо, и я увидела, как омрачилось его лицо. — Похоже, он в беде. Просит помощи. Говорит, что я — единственный, кому он может довериться.

— Единственный? Он может довериться только человеку, которого не видел двадцать пять лет?

— Руперт пишет, что речь идет о жизни и смерти, и лишь я один способен ему помочь, — ответил Джон. — Я незамедлительно отправляюсь к нему.

— Джон, прошу тебя, мы же только что вернулись домой. Неужели надо опять лететь сломя голову?

— Он просит у меня помощи, Амелия, — просто проговорил мой супруг. — Тебе этого не понять, но мы вместе воевали, а на поле брани выковываются узы, которые не разорвать всю оставшуюся жизнь. Они так же крепки, как...

— Узы брака? — подсказала я.

— Вот именно, — подтвердил Джон. — Я могу внести поправки в свой рабочий график. Поездка займет всего несколько дней. Кроме того, мне давно хотелось взглянуть на мыс Лизард.

— Твой приятель живет на мысе Лизард? — ахнула я, вспомнив, как еще ребенком ездила на этот древний скалистый полуостров, крайнюю южную точку Британии, и как возненавидела его. — Джон, неужели тебе мало этой ужасной Америки?

— Господи, Амелия, куда подевалась твоя страсть к приключениям?

— Куда надо. Она в этом кресле, где ей самое место, — ответила я. — Однако я — всего-навсего твоя жена и, вероятно, бессильна удержать тебя от этой поездки. Что ж, с утра начну укладывать пожитки.

— Тебе не обязательно сопровождать меня, — сказал Джон.

Я взглянула на его красивое лицо и заметила, как оно вдруг залилось румянцем. Мой муж был явно возбужден. Неужто ему и впрямь пятьдесят два года?

— Нет уж. Кто еще за тобой присмотрит?

Спустя два дня мы кое-как протиснулись сквозь толпу на вокзале Ватерлоо и заняли места в поезде, который должен был доставить нас в деревушку Хелмут, затерянную где-то среди корнуоллских утесов. Юношеский блеск в глазах Джона уже угас, но волнение по-прежнему не оставляло его.

— Ты действительно думаешь, что это дело жизни и смерти? — спросила я, когда окутанный клубами пара состав с грохотом отошел от станции.

Джон откинулся на спинку сиденья и раскурил свою первую дорожную трубку.

— Меня больше всего тревожит то, что Руперт выразился именно так, — ответил он, пуская кольца дыма. — Тот Мэндевилл, которого я знал, не грешил склонностью к преувеличениям.

— Полагаю, в Хелмуте нас встретят?

У Джона вытянулось лицо.

— О, Господи, — пробормотал он.

— Неужели ты не сообщил своему приятелю о нашем приезде?

— Я забыл.

— Ну вот, поехали, — вздохнув, молвила я и принялась обозревать зеленые леса и поля, окутанные пеленой дождя, а Джон с виноватым видом уткнулся в газету.

Путешествие в Хелмут оказалось еще более долгим и утомительным, чем я думала. Когда моя нога, наконец, ступила на перрон, я чувствовала себя так, словно провела в дороге несколько дней. Солнце уже погрузилось в бурную пучину океана, с воды дул резкий пронизывающий ветер. Пока я присматривала за носильщиками, Джон отправился к начальнику станции и нанял экипаж. Это была открытая пролетка, и, когда мы добрались до унылого, украшенного многочисленными фронтонами жилища Руперта Мэндевилла, которое напоминало, скорее, гнездо в утесах, нежели дом, мои щеки уже совсем ооченели и ничего не чувствовали. Я так замерзла, что едва смогла разогнуться и вылезти из пролетки перед мрачным фасадом здания.

Джон постучал в огромную парадную дверь, и нам открыл пожилой чопорный слуга.

— Да, сэр? — спросил он, морщась и пряча лицо от ветра.

— Доктор Уотсон с супругой к мистеру Руперту Мэндевиллу, — сообщил слуге Джон, чем привел его в немалое замешательство.

— Меня не предупреждали о приезде гостей.

— Мистер Мэндевилл пригласил меня письмом, — продолжал Джон. — Мы прибыли из Лондона.

В дверях появилась еще одна фигура. Это был красивый, но мрачный парень лет двадцати пяти, с глазами усталого, пресытившегося жизнью старика.

— В чем дело, Дженкинс? — сердито спросил он слугу.

— Этот человек говорит, что прибыл по приглашению хозяина, мистер Филипп.

— Не может быть, — нахмурившись, произнес молодой человек.

— Но со мной его письмо! — возмутился Джон, и почти тотчас послышался еще один голос:

— Доктор Уотсон, это вы?

— Да! — крикнул Джон, и к двери подошел еще один молодой человек, очень похожий на Филиппа, но совсем юный и гораздо менее суровый на вид, чем его брат (несомненно, брат). Вероятно, ему не было и двадцати.

— Отец часто вспоминал вас, — сообщил юноша. — Добро пожаловать.

— Что это значит, Эдвард? — сердито осведомился старший брат, но его перебил голос, доносившийся из глубины дома:

— Господи, да закройте же дверь! Тут холодно, как в амбаре! — И появился третий брат, внешне неотличимый от Филиппа, его точная копия, если не считать болтавшихся на носу очки.

Переступив порог, Джон тотчас вручил Филиппу письмо, и тот угрюмо изучил его, после чего спросил:

— Когда вы это получили?

— Третьего дня, — ответил Джон.

Близнецы переглянулись.

— Ну и шуточки, — бросил очкарик.

— Да уж, — откликнулся Филипп. — Ладно, раз вы здесь, нам, наверное, следует соблюсти приличия. Я — Филипп Мэндевилл, а это мои братья, Чарльз и Эдвард. Честно говоря, я немного озадачен этой запиской.

— Возможно, ваш отец сумеет внести ясность, — заметил Джон. — Могу ли я увидеть его?

— Боюсь, что нет, — ответил Филипп. — Отца похоронили две недели назад.

— Две недели назад? — воскликнул Джон. — Но как же тогда я мог получить...

— Я тоже хотел бы это знать, — серьезно проговорил Филипп.

— Это я послал письмо, — сообщил Эдвард. — После смерти отца нашел его на столе и опустил в почтовый ящик.

Это простодушное признание так разозлило и раздосадовало Филиппа, что я на миг испугалась, как бы он не ударил своего младшего брата.

— Ты же помнишь, как отец отзывался о докторе Уотсоне, Филипп, — словно оправдываясь, продолжал Эдвард. — И он знал, что его хотят убить, и нуждался в помощи!

После этого утверждения Филипп едва не взревел от досады и злости.

— Никто не хотел его убивать! — гаркнул он. — Отец умер естественной смертью!

— Мотор заглох, — доверительно сообщил нам Чарльз и для наглядности похлопал себя по груди.

— Но я неоднократно беседовал с ним, — не унимался Эдвард. — Отец был убежден, что его пытаются отравить.

— Убежден. Вот именно, Эдвард! Убежден! — вскричал Филипп. — Ты же знаешь, что последние несколько месяцев отец был не в себе, воображал Бог знает что.

— Да, да, верно, кухарка говорит, что он даже сделал ей предложение. Каково, а? — подал голос Дженкинс, и Филипп бросил на него укоризненный взгляд.

— Что ж, извините за вторжение, — прервал семейную сцену Джон. — Пожалуй, нам лучше уехать и не нарушать скорбного покоя этого дома.

— Уехать? — простила я. — Сейчас? Джон, я просто не выдержу еще одного свидания с поездом. Только не сегодня.

— Тогда заночуем в деревне, — решил Джон. — Тут есть какая-нибудь гостиница?

— Филипп, — обратился к брату Эдвард, — это я виноват. Они приехали из-за меня, и я буду чувствовать себя мерзавцем, если мы выпроводим их. Неужели нельзя хотя бы предложить гостям ночлег?

— А где, Эдди? — сердито спросил Чарльз. — Комната для гостей уже занята.

— Зато отцовская спальня свободна.

— Отцовская спальня? — в один голос вскричали близнецы.

— Не выгонять же их в такую ночь!

— Ну, что ж, — со вздохом произнес Филипп и вполголоса добавил: — Хотя едва ли можно представить себе более неподходящее для приема гостей время. Дженкинс, затопите камин в отцовской спальне. А я попрошу кухарку собрать ужин. — С этими словами Филипп резко повернулся и чеканным шагом отправился на кухню.

— Знаешь, Эдди, а ведь ты щедро наделен даром осложнять людям жизнь, — заметил Чарльз, после чего последовал примеру брата и тоже удалился.

— Стало быть, мне придется самому показывать вам комнату, — сказал Эдвард и попросил Дженкинса внести в дом чемоданы. Шествуя к дубовой лестнице с широкими перилами, мы прошли мимо столовой, где стоял длинный стол, накрытый явно не к трапезе, разве что в этом доме принято ужинать при черных свечах. Шторы на окнах были плотно задернуты, а позади стола громоздился большой деревянный шкаф, в котором я сразу признала кабину медиума, потому что видела точно такую же на журнальной фотографии. В столовой шли приготовления к спиритическому сеансу! Должно быть, Эдвард заметил мое изумление.

— Боюсь, мой братец Чарльз пристрастился к общению с призраками. Лично я считаю, что это безнравственно. Прошу сюда.

Комната, в которую ввел нас Эдвард, была куда лучше любого гостиничного номера. Громадная кровать, резной камин, в котором Дженкинс быстро развел огонь, картины и gobелены на стенах. Как только слуга удалился, Эдвард проговорил:

— Я должен извиниться за своих братьев. И представить себе не мог, что Филипп так поведет себя.

— Почему вы отправили письмо? — спросил Джон, вешая пальто на спинку кресла у очага. — Ведь ваш отец уже мертв.

— Что бы там ни думали мои братья, я уверен, что отца убили, — ответил Эдвард. — Я на несколько лет моложе Филиппа и Чарльза. Они не были так близки с отцом. Он не лгал и не заблуждался. Отец знал, что его пытаются отравить, но ничего не мог сделать.

— Господи, — пробормотал Джон.

— Я знаю, что вам доводилось расследовать преступления, доктор Уотсон, — продолжал Эдвард. — Отца уже не спасти, но я молю Бога, чтобы его убийца был изобличен.

— Как вы думаете, зачем кому-то понадобилось убивать его? — спросил Джон.

— Не знаю, — ответил мальчик.

— Наследником вашего отца станет Филипп?

— Мы думаем, что да. Он ведь старше Чарльза, пусть и на несколько минут. Они двойняшки. Сложность в том, что мы не можем найти завещание отца. Так говорит Чарльз. Филипп перевернул тут все вверх дном, а Чарльз проводит эти отвратительные... — он умолк.

— Дайте-ка сообразить, — вмешалась я. — Чарльз пытается вызвать дух отца и таким образом узнать, где лежит завещание?

Эдвард кивнул.

— Да. Вот зачем он притащил в дом эту женщину, которая величает себя мадам Оuida. Она-то и управляет на этих нечестивых сеансах.

— Что там происходит? — спросила я.

— Понятия не имею. Я считаю эти сеансы глумлением над памятью отца и не хожу на них.

— Чем ты забываешь головы нашим гостям, Эдвард? — спросил Филипп с порога. Неизвестно, как долго он стоял в дверях, слушая нас.

— Я просто пожелал мистери и миссис Уотсон доброй ночи, — смущенно ответил мальчик и, кивнув нам, выскользнул из комнаты.

— Вы уж его извините, — проговорил Филипп. — Смерть отца стала тяжким ударом для всех нас. Я зашел сказать, что кухарка накрыла для вас стол в кухне. Можете поужинать там. Желаю вам хорошего сна. — С этими словами он исчез так же внезапно, как и появился.

— Да, похоже, Филипп и впрямь тут главный, — заметила я, снимая пальто. Благодаря камину в комнате стало значительно теплее.

— Это так, — пробормотал Джон. — Жаль беднягу Эдварда. Должен признать, у меня дурное предчувствие, связанное с сегодняшним сеансом. Я слышал, что с помощью медиумов можно творить недобрые дела.

— Например, вызвать "духа", который чудесным образом укажет, где лежит поддельное завещание, в котором наследником назван не старший сын, а совсем другой человек, — предположила я.

— Вот именно. Боюсь, что Чарльз причастен к смерти отца, но не понимаю, зачем ему понадобилось это дурацкое столоверчение. Если его цель состоит в том, чтобы подбросить, а потом "найти" поддельное завещание, почему он не может обойтись без этого спектакля?

— Возможно, хочет кого-то в чем-то убедить.

— Эдварда?

— Не полагаю. Но полагаю, что нам следовало бы посетить этот сеанс и постараться все выяснить.

Немного оттаяв и согревшись, мы спустились вниз и пошли на кухню, где увидели нашу весьма скудную снедь: хлеб, немного холодной говядины с горчицей и сыр. Все это нам подавала сурового обличья матрона лет сорока с небольшим, которую в доме называли просто кухаркой. Как выяснилось впоследствии, ее звали Гвинет.

— Никто не потрудился сообщить мне о приезде гостей, — проворчала она. — А впрочем, чего еще от них ждать, верно я говорю?

— Наше появление было неожиданным для всех, кроме молодого Эдварда. — Я ковырнула вилкой ломтик сыра.

Кухарка тотчас подобрела.

— Ах, ну, если вас пригласил мистер Эдвард, значит, все в порядке, — рассудила кухарка, вытирая и складывая в шкаф только что вымытую посуду. Затем извлекла из вазы букет пожелтых, но все еще душистых ландышей и вылила воду. — Он — хороший человек, — добавила она таким тоном, словно остальные двое братьев были мерзавцами.

— Вообще-то нас позвал Руперт Мэндевилл, но мы прибыли слишком поздно, — вставил Джон.

Кухарка горестно покачала головой.

— Мне все еще не верится, что хозяин мертв. А тут еще эта ужасная знакомая мистера Чарльза заставляет меня сидеть на своих полуночных сеансах, когда они пытаются вызвать его... Я больше не могу. Покину этот дом и все забуду. Завтра же уеду отсюда!

Несчастная женщина снова взялась за посуду, а мы молча покончили с едой и то-ропливо покинули кухню. В коридоре я прошептала:

— Похоже, смерть Мэндевилла расстроила ее больше, чем родных сыновей покойного.

— Слуги иногда очень привязываются к хозяевам, — заметил Джон. — Если что-нибудь случится, например, с тобой, Мисси будет безутешна.

— Должно быть, ты прав, — согласилась я, стараясь изгнать из сознания образ безутешной рыдающей Мисси.

Мы двинулись к лестнице, но остановились, изумленно глядя на спускавшуюся по ступенькам фигуру. Навстречу нам шествовало какое-то маленькое смуглое создание в черном шелковом халате и с волосами, похожими на черный бархатный водопад. У женщины было юное, почти девичье лицо, а в руке она держала зажженную черную свечу, хотя в доме и так хватало света, поскольку горели все лампы. Женщина плыла вниз по лестнице, как по реке. Поравнявшись с нами, она остановилась и окинула нас пламенным взором.

— Мне сказали, что в доме посторонние.

— Полагаю, вы — мадам Оуида? —-riskнула я.

Женщина кивнула.

— Мы о вас наслышаны. Сегодня ваше выступление?

— Полночь — час призраков.

— Можно ли нам присутствовать на представлении?

— Не в моей власти запретить вам это, — ответила мадам и, не сказав больше ни слова, плавной поступью направилась в столовую.

— Причудливое создание, — буркнул Джон, когда она удалилась.

— Да еще и мошенница, — добавила я.

— Все медиумы — мошенники, дорогая моя.

— Это верно, но мадам Оуида — первая среди шарлатанок. Я употребила слова "выступление" и "представление", говорю о сеансе, поскольку знала, что для человека, верящего в свою способность общаться с мертвыми, или для жулика, желающего сохранить личину, намек на участие в спектакле звучит оскорбительно. Любый бывалый медиум тотчас ошетинился бы, но мадам Оуида пропустила это мимо ушей. Либо я очень заблуждаюсь, либо она еще не вжилась в свою роль.

Джон хотел было ответить, но тут сверху донесся крик: "Мистер Филипп!" Мы поднялись по лестнице так быстро, как только позволяли мои юбки, и увидели охваченного ужасом Дженкинса, который на нетвердых ногах выходил из комнаты. Снизу прибежал Чарльз и тотчас юркнул в спальню Филиппа. Вскоре подоспел и Эдвард, слышавший шум.

— Что происходит? — спросил он.

— Я зашел забрать стаканы и увидел его на полу! — воскликнул Дженкинс.

— Дайте-ка я его осматрю. — Оттеснив мрачного, как туча, Чарльза, Джон протиснулся мимо него в комнату.

— Я тоже хочу! — вскричал Эдвард, но Чарльз удержал его.

— Нет, Эдди, не входи туда, — сказал он, прикрывая дверь спальни. — Это зрелище не для тебя.

Минуту спустя Джон вышел из комнаты.

— Боюсь, он мертв, — тоном заправского эскулапа сообщил мой муж. — Здесь есть телефон? Надо поставить в известность власти.

— В гостиной, — объяснил Чарльз. — Дженкинс, проводите доктора к телефону. Вконец ошеломленный слуга шагнул к лестнице, но остановился, услышав крик Эдварда:

— Как он умер?

Джон обернулся и угрюмо ответил:

— Похоже, его отравили.

Часы в прихожей пробили одиннадцать.

— Как отца, — пробормотал Эдвард. — Я покидаю этот дом!

Чарльз схватил младшего брата за плечи и пылко зашептал:

— Слушай, Эдди, ты не можешь уехать. Нам необходимо твое присутствие на сегодняшнем сеансе.

— Боже мой, неужели вы собираетесь проводить его даже после смерти брата? — возмутилась я.

— Поверьте мне, миссис Уотсон, если я говорю, что мы должны собраться вместе, значит, мы и впрямь должны. Ради нашего отца.

— Ну что ж, ладно, — согласился Эдвард, хотя и крайне неохотно.

— Констебль уже выехал, — объявил вернувшийся Джон. — Полагаю, мы мало что можем сделать. Остается лишь ждать.

— Джон, я устала, — закапризничала я. — Пойду, пожалуй, прикорну до начала сеанса. — Но как только за нами закрылась дверь спальни, добавила: — Знаешь, дорогой, будь я бездарным драматургом, отцеубийцей оказался бы Чарльз. Он бы уничтожил завещание, составил поддельное, назвав наследником себя, и нанял бы медиума, чтобы тот вызвал "дух" Руперта Мэндевилла, который укажет, где лежит подделка. Но прежде убил бы Филиппа, который раскрыл обман.

— Но, поскольку ты не бездарный драматург... — начал Джон.

— Боюсь, что истина еще страшнее, но понятия не имею, в чем дело, а соображать толком не могу, потому что слишком устала. Ну и вечерок! — Перед глазами у меня закружились лица троих братьев. Одно я знала твердо: на сегодняшнем сеансе выяснится что-то очень важное.

Я прилегла на постель и задремала, но вскоре Джон разбудил меня. Без пяти двенадцать мы спустились в затемненную столовую. Во главе стола восседала мадам Оуида, пламя черной свечи озаряло призрачным светом ее тонкие черты. Вокруг разместились Чарльз, Эдвард, Дженкинс и Гвинет, свободными оставались только три стула. Мы с Джоном заняли два из них, а третий, по-видимому, предназначался для Филиппа.

— Спасибо, что пришли, — едко проговорила мадам Оуида, бросив взгляд на Эдварда, который неловко ерзал на своем насесте. — Сегодня мы предпримем новую попытку снестись с духом Руперта Мэндевилла. Прошу всех соединить руки.

Джон сжал мою левую ладонь. Правая очутилась в холодной и скользкой клешне кухарки.

— Мы алчем астрального присутствия Руперта Мэндевилла, — нараспев начала Оуида. — Вернись к нам, Руперт Мэндевилл, ибо твоей земной промысел еще не завершен. — Повторив это заклинание несколько раз, она добавила: — Вернись к нам и укажи того, кто злодейски уложил тебя во гроб!

Все испуганно ахнули. Мгновение спустя мадам Оуида принялась тихо подвывать низким мужским голосом, отчего мои руки покрылись гусиной кожей.

— Он приближается, — объявил Чарльз. — Я чувствую.

В этот миг черная свеча потухла, и комната погрузилась в почти кромешную тьму. Гвинет стиснула мою руку. До сих пор я держалась довольно сносно, но мгновение спустя, когда дверцы кабины медиума распахнулись, громко вскрикнула и не стыжусь признаться в этом. В кабинке стоял озаренный призрачным зеленоватым сиянием Филипп Мэндевилл!

Сначала я подумала, что это фокус, что Чарльз улизнул, воспользовавшись темнотой, и теперь выдает себя за Филиппа, но потом увидела за столом младшего из двойняшек. Он тоже был освещен жутковатыми зелеными лучами.

— Говори, Руперт Мэндевилл! — жалобно потребовала мадам Оуида.

— Я не Руперт Мэндевилл, я Филипп Мэндевилл, — тягуче произнесло привидение.

Мадам Оуида оглянулась на кабинку и закричала:

— Господи, Чарльз! Мы и впрямь вернули его оттуда! — С этими словами она вскочила со стула и бросилась вон из комнаты.

Эдвард тоже хотел встать, но Чарльз удержал его. Повернувшись к видению, он спросил:

— Зачем ты возвратился, брат?

— Чтобы отплатить моему убийце, — промолвил призрак, обводя нас жутким взглядом.

— Джон, это невозможно! — простонала я. В ответ он крепко сжал мою руку.

— Лиходей в этой комнате, — продолжало видение, оглядывая нас. Наконец его блуждающий взор остановился на кухарке, и призрак простер к ней длань. — Это ты умертвила меня! Отравила ядом, как прежде моего отца!

— Нет! — в ужасе вскричала Гвинет и, к счастью, выпустила мою руку. — Я не делала вам зла, мистер Филипп!

— Ты убила Руперта Мэндевилла точно так же, как убила меня! — грозно и раскатисто повторил призрак.

— Нет! — взывала Гвинет, вскочив со стула и отпрянув от привидения. — Я убила хозяина, но Богом клянусь, что вам не причиняла вреда!

У меня отвисла челюсть. Юный Эдвард тоже разинул рот, а Чарльз облегченно вздохнул, словно с его плеч свалился тяжкий груз. Но самым удивительным образом на это заявление отозвался призрак Филиппа Мэндевилла: он преспокойно вышел из кабинки и будничным тоном очень даже живого человека распорядился:

— Включите свет.

— Джон! — вскричала я. — Ты же засвидетельствовал его смерть!

— Совершенно верно, — с лукавой ухмылкой ответил муж, и в этот миг в комнату вбежала мадам Оуида в сопровождении полицейского констебля.

— Вы все слышали, офицер? — спросил Филипп, и констебль утвердительно кивнул.

Чарльз положил руку на плечо Эдварда.

— Прости, Эдди, что подвергли тебя такому испытанию, но нам было необходимо иметь как можно больше свидетелей.

Эдвард с несчастным видом повернулся к такой же несчастной кухарке, которая уже востро сотрясалась от рыданий.

— Но почему, Гвинет? — спросил он.

— Хозяин говорил, что любит меня, — прохныкала кухарка. — Обещал жениться, сделать меня хозяйкой дома. Будь иначе, стала бы я бегать к нему в спальню?

— Я не желаю этого слушать! — воскликнул Эдвард, и Чарльз с грустью ответил:

— Извини, братец, но придется.

— Я едва не покончила с собой, когда узнала, что он лишь использовал меня, — продолжала Гвинет. — И решила отомстить. Я начала мало-помалу травить его.

Все злобно смотрели на несчастную кухарку, и я вдруг почувствовала желание хлопнуть ее по плечу. Разумеется, я не могла оправдать ее поступок, но не могла и не испытывать сочувствия. Больше в комнате не нашлось ни одного сострадательного человека.

Но кухарка стряхнула мою руку.

— Как вы это делали? — спросил Филипп, стирая с лица желтоватый грим, придававший ему призрачную бледность. — Мы проверяли пищу и не обнаружили никаких следов яда.

— Я не настолько глупа! — прошипела Гвинет. — Яд был в его ежевечернем виски с водой, которую я наливала из...

— Вазы с ландышами! — выпалила я. — Вода, в которой стоят ландыши, делается ядовитой. И как я раньше не догадалась?

Филипп с гримасой боли повернулся ко мне.

— Да, миссис Уотсон. Догадайся вы, нам не пришлось бы устраивать это представление.

Когда полицейский увел рыдающую Гвинет, мадам Оуида спросила:

— Ну, что, хороша я была?

— Вы были сногшибательны, моя дорогая, — ответил Филипп. — Даже если матрону не обмануло мое появление, ваше бегство окончательно убедило ее, что мы подняли мертвеца из могилы.

— Может быть, кто-нибудь объяснит мне, что тут происходит? — воскликнул Эдвард.

— Да, — подхватила я. — И это должен быть ты, Джон. Начинать с мертвеца, который вовсе не мертв.

Мой муж рассмеялся.

— Хорошо, расскажу то, что услышал от Филиппа. Руперт Мэндвилл действительно думал, что его травят, а Филипп с Чарльзом разделяли это убеждение. После смерти отца их подозрение пало на Гвинет, но они не могли ничего доказать. Посвятив в свой замысел Дженкинса, братья принялись готовить западню. Они наняли женщину на роль медиума и начали проводить сеансы под предлогом поисков пропавшего завещания. Последний сеанс, который мы наблюдали нынче вечером, должен был стать потрясением для кухарки и вынудить ее открыть правду. Все получилось, хотя наш приезд поставил хитроумный замысел под угрозу срыва. Филипп и Чарльз понятия не имели, что Эдвард отправил нам письмо, однако, поняв, что мы не намерены убираться восвояси, решил посвятить меня в дело. Пока я был в комнате Филиппа и "осматривал труп", Филипп на самом деле давал мне указания и взял с меня клятву хранить тайну.

— И ты ничего не сказал даже мне! — возмутилась я.

— Чем меньше посвященных, тем лучше, — ответил Джон. — Кроме того, я хотел развеять ложный слух и доказать, что умею держать язык за зубами.

Эту речь мой супруг произнес с таким самодовольным видом, что я возмутилась.

— Все, больше я с тобой не разговариваю.

— А я? — спросил Эдвард. — Мне почему не сообщили?

— А потому, милый братец, что ты-то уж точно не умеешь хранить тайну, — объяснил ему Чарльз. — Сразу же обвинил бы кухарку, и она, разумеется, упорхнула бы отсюда, как птичка.

Чарльз взял со столика бутылку и плеснул себе немного бренди.

— Слава Богу, все позади. А теперь, доктор, поведайте нам, каким славным малым был наш папаша в молодости.

Вскоре я отошла ко сну, а Джон еще долго травил фронтовые байки в гостиной. Когда он, наконец, вернулся в нашу комнату, я решила держать стойко и даже не пожелала ему доброй ночи. Конечно, рано или поздно я снова начну разговаривать с ним. Вероятно, это произойдет уже в поезде, но надо выдержать хотя бы полпути до Бэзингстока.

Перевод с английского Игоря ТОЛМАЧЕВА.

ДУБИТЬ М

Маленький городок бурлил сплетнями.

■ От этой семьи сейчас почти ничего не осталось. Лишь две неухоженные могилы и железная дверь, за которой живет большое одиночество.

А началось все в 1978 году, когда у одинокой тридцатилетней Веры Константиновны М. родилась дочь. О том, кто отец ребенка, судачили все окрестные кумушки. Эти разговоры в какой-то степени подогревала и мать Веры, Антонина Александровна, крепкая еще женщина, в прошлом — директор местной школы. Она так и говорила о дочери: “непутевая”, “в подоле принесла”, “нагуляла”. А много ли нужно, чтобы маленький подмосковный городок забурлил сплетнями?..

Веру провожали ехидными улыбками, особенно — дамы с колясками и толстыми обручальными кольцами на пальцах. Много бы она отдала, чтобы вот так же сидеть на скамейке, ждать на обед мужа и ни от кого не прятать глаз! А впрочем — ко всему люди привыкают. Привыкла и она, и даже начала со временем чувствовать какое-то превосходство, смешанное с презрением: смейтесь, смейтесь, клуши! Посмотрю я на вас лет через десять, когда ваши ненаглядные мужья начнут бегать от вас “налево”, и в вас, а не в меня, все будут тыкать пальцами!

Мужчинам она не верила и благополучную семью считала невозможной. Ей казалось: все это только видимость, на самом деле нет никакой любви и верности. Мужчины — животные, и любить они не способны. А зна-

чит — лучше одной. Тем более, что есть ребенок. Слава Богу, девочка, а не мальчик, значит, существо чистое...

Маленькая Надя росла нервной, часто кричала, медленно набирала вес. Поздно начала ходить и говорить. От громких звуков впадала в заторможенное состояние, могла час и больше сидеть неподвижно, глядя в одну точку. Вера не помнила, кто первый предположил, что малютка отстает в умственном развитии. Может быть, это сказал участковый врач, а может, это пришло в голову ей самой. Так или иначе, но в один прекрасный день она взяла пятилетнюю Надю и повезла ее к детскому психоневрологу. Просто проверить. Единственный человек, кому она обмолвилась об этом, была мать, Антонина Александровна. Каково же было ее удивление, когда на следующий день Надя в слезах прибежала с прогулки и рассказала, что дети во дворе называют ее придурком!

Скандал, разразившийся после этого, был грандиозен.

— Тебя убить мало, сплетница ты старая! — кричала Вера, готовая броситься на мать с кулаками. — Ты же не только меня, ты ребенка позоришь, идиотка! Ты хоть знаешь, что врач никаких отклонений у нее не нашел?!

Антонина Александровна была спокойна. Дождавшись, когда Вера выплеснет всю злость, она встала и с достоинством вышла из комнаты, сказав на прощание:

апломчу

— Если ты еще раз повысишь на меня голос, я добыюсь, чтобы и тебя осмотрел психиатр.

Вера отреагировала мгновенно:

— Ну, ничего. Будет тебе лет семьдесят, ты у меня все вспомнишь...

Сцена происходила на глазах у Нади, но две женщины как-то забыли об этом. Их настолько захватила ненависть друг к другу, давняя, глубоко вросшая в их души, что, будь рядом и пятеро детей, им бы это не помешало.

...Антонина Александровна рано похоронила мужа, Вере тогда не было и десяти лет. Дочь она воспитывала крайне строго, редко баловала ее, почти никогда не целовала и не придумывала ей ласковых имен. Покупала только самое необходимое. Карманных денег у Веры не водилось, и подруги из жалости покупали ей иногда мороженое или дарили дешевые девчоночьи украшения, найдя которые, Антонина Александровна немедленно объявляла дочь воровкой.

Жизнь Веры контролировалась так жестко, что девочка порой закрывалась в ванной и подолгу рыдала от бессилия и ненависти. Да, мать она ненавидела, столько, сколько помнила себя, и единственной ее мечтой был побег из дома, который она обдумывала почти ежедневно.

В 14 лет мечта осуществилась. Вера две недели прожила на чужой даче, зимой, без воды и отопления, питаясь консервами из погреба, но это были самые светлые две недели ее

детства. Потом ее нашли: соседи позвонили в милицию и сообщили, что в пустом летнем домике кто-то поселился.

Тогда Антонина Александровна, уже не чаявшая увидеть дочь живой, избилла ее до синяков. В тот день в дневнике, который Вера вела тайком от матери, появилась запись:

“Когда она будет старой и больной и не сможет сама доползти до холодильника, я припомню этой фашистке, как она надо мной издевалась”.

Получив аттестат, Вера немедленно устроилась на работу и после первой же зарплаты отделилась от матери и врезала замок в дверь своей комнаты. “Все, детство кончилось, — думала она. — Больше никто и никогда не посмеет влезть в мою жизнь”.

Долгожданная свобода опьяняла, хотелось почувствовать себя до конца взрослой, и Вера начала встречаться с мужчинами, сначала с одним, потом с другим, с третьим — никто не задерживался долго. Причины она не понимала, но чувствовала: что-то не так, чего-то не хватает ей для того, чтобы завязать долгие, нежные, прочные отношения. Впрочем, она была молода и красива, и неудачи не слишком ее огорчали. Подумаешь! Они просто ничего не понимают. Вот только...

Кто приклеил ей ярлык “проститутка”, она не знала, но догадывалась — мать. Состоялся тяжелый разговор, и Антонина Александровна в

Она подолгу рыдала от бессилия и ненависти.

лицо повторила ей это слово, добавив, что "таких надо выселять за 101 километр". Вера дала ей пощечину. Мать не осталась в долгу. Дошло до того, что соседи вызвали милицию, а через пару дней на работу молодой женщине пришло официальное письмо, подписанное всем коллективом школы, где работала мать, с просьбой "разобрать недостойное поведение". Веру попросили уйти по собственному желанию.

Позже она сменила еще несколько мест работы, пока не устроилась в парфюмерный магазинчик, директор которого стал ее постоянным любовником. Он был, правда, женат и семью бросать не собирался, но зато дарил красивой продавщице подарки и даже как-то возил ее к морю. О том, что дома у Веры идет постоянная тихая война, он знал и пытался в меру сил помочь: привозил Антонине Александровне дорогие духи, конфеты, доставал ей путевки в хороший санаторий.

Это было самое спокойное время. Почти мир. Вера даже стала вновь называть мать "мамой", а та угощала ее блинами и хвасталась соседкам, что жених у дочери — "большой человек".

Как она узнала, что у него семья?.. Все рухнуло в один день: директор магазина сказал, что Антонина Александровна позвонила его жене.

Они расстались, с работы пришлось уйти. Вера уже знала, что беременна, но отцу ребенка решила не сообщать. Он струсил, бросил ее, так пусть никогда не узнает о том, что где-то живет его продолжение.

Стать матерью ей тогда не удалось, ребенок умер при родах. Вера страшно плакала, впала в депрессию, ей казалось, что именно она виновата в случившемся. К тому же мать подливала масла в огонь: "и хорошо, таким, как ты, надо запретить иметь детей".

Ребенок стал навязчивой идеей. Все равно, от кого. Лишь бы он родился, рос. Любить его, баловать. Игрушки покупать. Пусть у меня жизнь не удалась, так ребенка выращу такого, что всем на зависть будет.

В тридцать лет мечта сбылась.

Был день в жизни маленькой Нади, когда она поняла: "Я не такая, как все". Незнакомый мальчик на пару лет старше просто подошел и сказал:

— Твоя мама проститутка, а тебя нагуляли. И еще ты придурок.

Задумываются ли взрослые о том, что дети все видят и слышат? Что каждое оброненное слово, замечание, ехидная усмешка в чей-то адрес — все это откладывается в детских душах, чтобы позже дать страшные всходы?..

Надю начали травить. Один Бог знает, сколько ей пришлось пережить в школе, где не только сверстники, но и некоторые учителя открыто издевались над ней. Однажды ее избили прямо в классе — и никто не защитил. Ей постоянно пачкали форму, рвали тетради, писали мелом на спине гадости, плевали из окна на голову, могли вдавить жвачку в волосы, и ни один педагог в это не вмешался.

Бывало, трое или четверо сверстников шли за ней по улице и кричали: "Придурок идет!", а она все ускоряла и ускоряла шаг, потом бросалась бежать, и ее преследовали до самого подъезда.

Задышавшись от слез, она попросила мать о помощи, но Вера неожиданно для себя сказала:

— Учись давать сдачи. Иначе всю жизнь тебя придурком будут считать.

Откуда всплыло в ней это?.. Когда-то, качая на руках младенца, она мечтала, какой нежной станет матерью и как будет оберегать дочку от всех напастей... Но слово уже вылетело, а потом, довольно скоро, Вере стало казаться, что такая позиция — единст-

венно правильна. Мир жесток, и надо иметь зубы, чтобы с ним бороться.

У Нади таких зубов не оказалось. Тихая пугливая девочка, она старалась не попадаться никому на глаза, стать невидимкой, исчезнуть — лишь бы не трогали. Она чувствовала: мама не поможет. Бабушка — тоже. А отца, который мог бы встать за нее горой, просто нет.

Девочка давно поняла: мама и бабушка друг друга не любят. Каждая из них говорит о другой плохо. Они не едят вместе, запираются друг от друга на ключ и постоянно скандалят. А мама мечтает о том, чтобы бабушка умерла.

Сначала все это как-то не укладывалось в детской голове, потом стало привычной частью жизни. Как еда, сон, телевизор и издевки в школе и во дворе.

У Веры все так же менялись любовники, и вдруг замаячило — замуж. Неплохой человек стал приходить все чаще, оставался на ночь. Поскольку Надю некуда было деть, ее кровать отгородили шкафом и каждый раз прислушивались к ее дыханию: спит или не спит?.. Засыпала девочка долго, чужой человек в комнате пугал ее. Мать раздражалась, уходила курить на кухню, утром срывала злость на Наде. В конце концов мужчина приходит перестал.

Вот тогда Вера и сказала дочери:

— Скорее бы сдохла эта старая карга! У тебя хоть своя комната будет. Только вряд ли, такие долго живут...

— Своя комната... — мечтательно повторила Надя. Ей в ту пору было двенадцать лет.

Нет, она любила бабушку и не желала ей смерти. А может, и не понимала, что такое смерть...

Вера становилась все более нервной, часто срывалась, могла закричать

во весь голос: "Сволочи вы все!", разбить вазу, дать дочери подзатыльник. В ее поведении появились странности. Она начала говорить об энергетических вампирах, ведьмах, сглазах и порчах, приносить домой святую воду и брызгать те места, где только что прошла Антонина Александровна — несомненно, колдунья.

Дома стало невыносимо. Мать буквально не давала Наде прохода, кричала на нее, обзывала ужасными словами, рылась в ее вещах, искала какие-то заговоренные предметы. Единственная подруга, которой Надя пожаловалась, тут же поставила диагноз:

— У твоей маман сдвиг по фазе. На почве личной жизни. А что? Бабе сорок пять лет уже, а мужа нет, и не будет. Вот и поехала крыша. Ты с ней это... поосторожнее.

Бабушка умерла от инфаркта буквально через месяц после этого разговора, и Надя впервые увидела мать счастливой. Та целый день таскала на помойку бабушкины вещи и напевала. Хоронили умершую бывшие коллеги, вскладчину. Вера не дала ни копейки и не пошла на похороны.

Страшно, но это показалось Наде естественным. К тому времени она настолько устала от постоянных домашних скандалов, от ругани из-за непомытой ванны или очереди на уборку, от дележки балкона и кладовок, что смерть бабушки принесла ей настоящее облегчение. Наконец-то будет тихо и спокойно.

И действительно — несколько дней в квартире стояла тишина. А потом скандалы начались вновь, теперь уже между Верой и Надей — по тем же самым поводам. Разве что накал страстей был гораздо сильнее: у пятнадцатилетней девочки выросли, наконец, те самые зубы, которых ей так не хватало в детстве. Она словно мстила матери за все: и за подзатыльники

по любому поводу, и за отказ защитить, и за раздражение, и за постоянное непонимание и грубость. А мать... мать вдруг поняла, что и Надя ей мешает создать для себя жизнь, о которой она мечтала. Жизнь, в которой никого не будет.

Доходило до того, что милиция приезжала в их квартиру до пяти раз в день! Разнимать их приходилось буквально силой: они дрались, и жестоко, до крови, до больницы, куда Надя попала с сотрясением мозга.

Вера начала искать варианты размена. Предполагалось, что дочь поедет в коммуналку, а ей достанется однокомнатная квартира. Надю это не устраивало.

Был момент, когда девочка словно налетела на стену: что происходит?.. Это же мать, как можно?.. Почему все стало так ужасно?

Ответ пришел сам собой: мать виновата сама. Она первая начала войну, теперь ей и придется за это платить.

Жалости не было. Позже Надя призналась следователю:

— Я хотела, чтобы она умерла. Даже мечтала, как это будет. В одной книжке я прочитала, что человека можно убить, если вколоть ему в вену воздух. Потом я очень долго думала об этом...

Поздней осенью, за день до того, как Наде исполнилось 16 лет, у Веры сдали нервы. Она отравилась снотворным, оставив записку:

"Она тоже ведьма. Я это чувствую, вижу, как она на меня смотрит. Она хочет убить меня и взять мою душу. Поэтому я уйду раньше, пока она не добралась до меня".

Это записка спасла Надю от обвинения в убийстве, хотя по сути она все-таки убила свою мать: в тот день, вернувшись домой из школы и обнаружив на диване тело, еще подающее признаки жизни, девушка пошла на

кухню, спокойно пообедала, переоделась и отправилась к подруге. До глубокой ночи. Когда она вернулась, Веры уже не было в живых.

Сейчас она одна в большой двухкомнатной квартире. Все повторилось: Веру хоронили сослуживцы, а Нади на похоронах не было: она ходила в кино.

Совість ее не мучает. Она обманула следователя, сказав ему, что сочла мать просто спящей, а записку, приколотую к спинке дивана, не заметила. Доказать ее вину невозможно, и она знает это. Лишь близкой подруге она сказала правду:

— Знаешь, я ведь нарочно не вызвала "скорую". Даже не знаю, почему. Все равно мне было, жива она или нет. Больше квартиру пожалела, мать же в коммуналку меня хотела запихнуть...

Как пишет известный психолог Нина Жутикова в своей книге "Психологические уроки обыденной жизни": "Кто сеет неприязнь, тот рано или поздно становится ее жертвой". Вот еще цитата, оттуда же: "И когда младшие отворачиваются и уходят от нас, защищая свою автономию, шумно протестуют против всего, что исходит от нас, это значит, что мы пожинаем плоды нашего бездумного к ним отношения и, возможно, нашего предательства. Если ближайший старший не хочет научиться быть другом младшему, не хочет понять его насущные психологические нужды, он уже предает его..."

История семьи М. — крайний случай. Далеко не всегда такие истории заканчиваются трагедией, гораздо чаще плата за непонимание и эгоизм взрослых — поломанные судьбы их детей. Детей, которые, в свою очередь, будут ломать судьбы собственным детям. И так далее — продолжаться это может до бесконечности.

А может, хватит?..

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Начата подписка на первое полугодие 2005 года!!!

Вы можете оформить подписку в любом почтовом отделении связи:

- по каталогу ОАО «Агентство «Роспечать»;
- по Объединенному каталогу (тел. АРЗИ 280-89-87);

Вы можете оформить подписку через альтернативные подписные агентства:

Москва:

ООО «Сотра» (095) 160-58-48
ООО «Интер-почта» (095) 500-00-60
ООО АП «ИНИНС» (095) 251-33-96
ООО «МАП» (095) 200-24-04
ООО «Курьер-Прессервис» (095) 933-30-

Санкт-Петербург:

ООО «Петербург-Экспресс» (812) 325-09-25
ЗАО «Прессинформ» (812) 315-49-97

Екатеринбург:

ООО «Урал-Пресс» (3432) 75-80-71

Сергиев-Посад:

МООО «Обновление» (254) 6-09-83

Украина:

Киев KSS (044) 464-02-20 www.kiss.kiev.ru

Латвия:

Центр абонирования печати газеты «Диена»
(0371) 706-32-10

Латвийская почта (0371) 701-88-99

Литва:

«Импресс Тева» (03705) 230-43-98

Эстония:

«Ээсти Аякиряндуслеви» (0372) 662-35-87

Казахстан:

СП ТОО «АиФ Казахстан» (3272) 21-76-03

Дальнее зарубежье:

ЗАО «МК-периодика» (095) 281-37-98

info@periodicas.ru

East view publication (095) 318-09-37

Вы можете оформить РЕДАКЦИОННУЮ ПОДПИСКУ:

Стоимость одного журнала по подписке для частных лиц — 33,00 руб., минимальный подписной период — 3 месяца.

Чтобы получать журнал с желаемого месяца, необходимо оформить подписку не позднее 20 числа предподписного месяца.

Оформление редакционной подписки непосредственно в редакции:

1. Приехать в редакцию и заполнить Анкету с указанием данных о себе.
2. Оплатить стоимость подписки непосредственно в редакции.

Оформление редакционной подписки через Сбербанк:

1. Вырезать из журнала и заполнить Анкету с указанием данных о себе.
2. Перечислить на наш расчетный счет стоимость подписки.
3. До 20 числа предподписного месяца отправить в редакцию по факсу заполненную Анкету и банковскую квитанцию об оплате. При получении журнала в редакции иметь при себе Анкету и банковскую квитанцию об оплате.

Ежемесячно после 15-го числа Вы можете получить в редакции текущий номер журнала. Если у Вас нет возможности приезжать в редакцию каждый месяц – журнал будет ждать Вас в редакции.

Адреса и банковские реквизиты Редакции:

ООО «Издательский дом журнала «Смена», 127994, Москва, Бумажный пр-д, д. 14 стр. 1,
Факс: 257-33-87, 250-59-28

ИНН 771 402 6110, КПП 771 401 001, Р/с 407 028 104 101 504 144 01 в АКБ «Промсвязьбанк»
(ЗАО), К/с 301 018 106 000 000 001 19, БИК 044 583 119

Информация об условиях оформления **подписки через Сбербанк**

Для оформления подписки в приведенном подписном купоне необходимо:

- Указать фамилию, И.О., почтовый индекс и полный адрес, на который будет производиться отправка выписанных изданий, а также телефон (по желанию).
- Заполнить графы «Период подписки» и «Сумма» в соответствии с указанной информацией. (Например: СМ0512; 1-6 мес. 2005 г.; 354 руб. 60 коп.).
- Вырезать купон и оплатить его в любом филиале Сбербанка в удобное для вас время.

Наименование комплекта	Периодичность выхода изданий	Подписной индекс	Подписные цены на 1-ое полугод. 2005 г.		
			1 мес.	3 мес.	6 мес.
Журнал "Смена"	1 раз в месяц	СМ0512	59,10	177,30	354,60

Все суммы включают в себя НДС, стоимость услуг Сбербанка по перечислению денежных средств и услуг по доставке изданий заказными бандеролями по почте.

По вопросам подписки через Сбербанк и отправки изданий обращаться: Адрес: 125284, г. Москва-284, а/я 25, ООО «С-инфо», отдел подписки; e-mail: stimul9@si.ru, тел.: (095) 363-42-62

Извещение	ИНН 7719036520 ООО "С-инфо" р/сч № 40702810338000110229 в Центральном ОСБ № 8641 Сбербанка России г. Москва к/сч № 30101810400000000225 в ОПЕРУ Московского ГТУ Банка России БИК 044525225		
	(ф.и.о., адрес плательщика)		
	Назначение платежа		
Кассир	Подписной индекс	Период подписки	Сумма (в том числе НДС-10%)
	С условиями приема банком суммы, указанной в платежном документе, ознакомлен и согласен _____ "___" _____ 200__ г. (подпись плательщика)		
Извещение	ИНН 7719036520 ООО "С-инфо" р/сч № 40702810338000110229 в Центральном ОСБ № 8641 Сбербанка России г. Москва к/сч № 30101810400000000225 в ОПЕРУ Московского ГТУ Банка России БИК 044525225		
	(ф.и.о., адрес плательщика)		
	Назначение платежа		
Кассир	Подписной индекс	Период подписки	Сумма (в том числе НДС-10%)
	С условиями приема банком суммы, указанной в платежном документе, ознакомлен и согласен _____ "___" _____ 200__ г. (подпись плательщика)		

Американцы любят создавать себе кумиров из кинозвезд и певцов. Они их обожают, пытаются узнать мельчайшие подробности из жизни своих любимцев, следят за каждым их шагом, подражают в одежде, выборе еды и напитков. Но звезда, взлетевшей на гребне славы на голливудский Олимп, зачастую трудно там надолго удержаться. Низвержение происходит по-разному. Лет двадцать назад Кевин Костнер в глазах миллионов зрителей считался воплощением мужественности и порядочности. А его многолетний счастливый брак с Синди дал повод к присвоению ему титула мистера "Порядочности".

Тысячи женщин после фильма "Технохранитель" присылали ему письма с выражениями горячей любви. Богатые дамы принялись искать подобных ему телохранителей. Обманчиво простоватый, немногословный, благородный, терпеливый, гордый и спортивно подтянутый герой Костнера стал для многих женщин идеалом.

"Я не ощущаю себя ни привлекательным, ни слишком умным, — лукавил актер. — У меня нет настоящей культуры и хорошего образования". После такой исповеди возбужденные поклонницы писали ему: "При чем тут интеллект, ты нужен нам в постели!" К сожалению, Костнер понял эти призывы, как руководство к действию. Ни Голливуд, ни любимая жена Синди не могли простить своему любимчику многочисленных романов со случайными женщинами, и он из мистера "Порядочность" превратился в "Отпетого негодяя".

Высокий, вечно загорелый, обаятельный, атлетически сложенный актер с зелеными глазами стал законодателем моды: мужчины, как и он, носи-

взлеты
и падения
Кумира

ли мягкие шляпы, костюмы-тройки и длинные пальто. После демонстрации фильма “Водный мир” объем продаж средств для окраски волос увеличился на 7 процентов, а безалкогольных напитков — на 12. Многие родители называли своих мальчиков Кевинами, восхищаясь мужественностью Костнера в фильме “Джон Ф. Кеннеди. Выстрелы в Далласе” и храбростью и благородством его героя Данбара в “Танцах с волками”.

Выбор профессии

Костнер родился в городе Линвуд (штат Калифорния) в 1955 году. Его отец работал электротехником, и из-за этого семья часто переезжала с места на место. А Кевину приходилось постоянно менять школы. Он — третий ребенок в семье, перед его рождением умер средний брат.

В школе Кевин учился с неохотой, обожал спорт и мечтал о профессиональной карьере бейсболиста. Еще пел в хоре баптистской церкви, писал стихи и увлекался литературой. В 18 лет сам сделал каноэ и путешествовал по рекам. Когда заканчивал школу, его рост едва достигал 155 см, но, несмотря на это, успешно играл в баскетбол, футбол и бейсбол. Потом он выровнялся, видимо, благодаря занятиям спортом, и сейчас его рост — 183 см.

Кевин не сразу понял, что неправильно выбрал профессию. После школы он изучал маркетинг в Калифорнийском государственном университете в Фуллертоне. И пять раз в неделю ходил на уроки актерского мастерства.

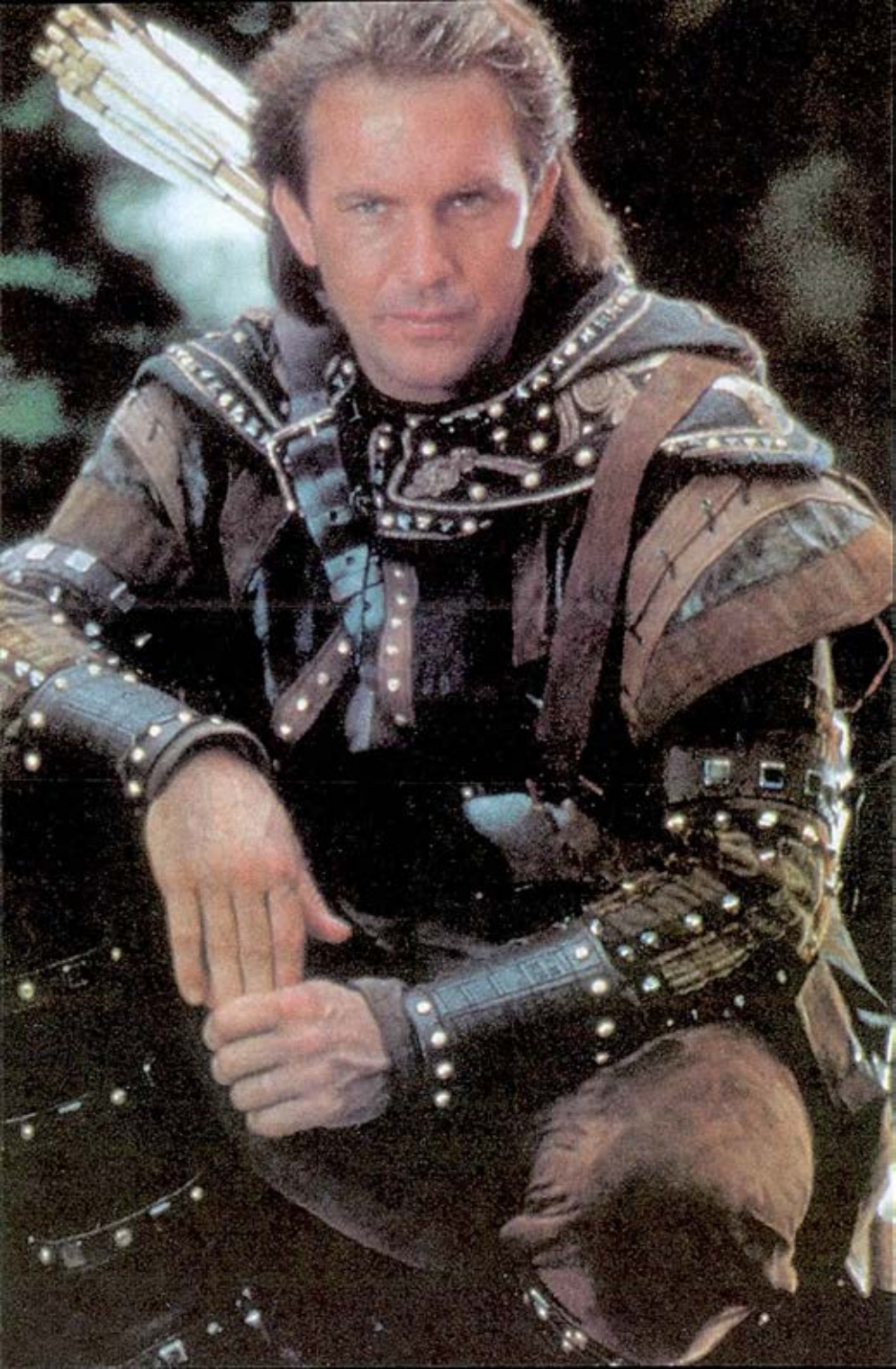
После университета Костнер несколько лет работал в службе маркетинга строительной компании, но понял, что это — не его призвание. Тогда он вступил в Общество актеров Южного берега и три года руководил студией “Ралей” в Лос-Анджелесе. Совершенствуя свои навыки, он продолжал учиться на актерских курсах.

16 лет с Синди

В студенческие годы Кевин страдал от одиночества. Тогда он был тощим паренком с большим носом и оттопыренными ушами. Как-то 20-летний Кевин очень захотел есть, а денег не было. Помог такой же голодный приятель-студент: он достал бесплатный билет в Диснейленд. Там они наелись дармовых чипсов и мороженого. Неожиданно приятели увидели на сцене Белоснежку, лежавшую в постели. Кевин понял, что спящая красавица ждет поцелуя. Он сломал ограду фанерного замка и, оттолкнув принца, поцеловал удивленную Белоснежку. “Теперь я должен на тебе жениться!” — успел крикнуть Кевин, когда его уводили в полицию. Так он познакомился со своей будущей женой, тогда тоже студенткой Синди Сильвей...

Вскоре после окончания университета они поженились. Жили скромно, без излишеств. В спокойном, счастливом браке родили троих детей. Благополучное семейство и образ верного мужа умиляли друзей и многочисленных поклонников актера.

Когда в прессу просочились душераздирающие истории подпольных измен мужа, Синди выступила в его защиту: “Наш брак прочен, — заявила она. — Я не верю лжи желтой прессы. Я всегда навещаю мужа во время его длительных съемок”. Действительно, Костнер имел привычку брать на съемки свою семью. Но постепенно Синди получила неопровержимые доказательства измен мужа. 27-летняя проститутка Шэри Стюарт заявила, что во время съемок фильма “Робин Гуд, принц воров” в Англии Костнер провел с ней несколько ночей. Стали появляться сообщения о любовных свиданиях Кевина с горничными отелей, стюардессами и случайными девицами. Одна из журналисток даже вынуждена была защищаться, когда Костнер после интервью заманил неискушенную женщину к себе в машину, порвал на ней блузку. Бедняжке чудом удалось вырваться. В

1995 году разразился грандиозный скандал на съемочной площадке фильма "Водный мир": Костнер закрутил роман с 35-летней гавайской танцовщицей с символической фамилией Мишель Амараль, замужней домохозяйкой и матерью троих детей.

Голливуд никогда не простил Костнеру его падения. Благородный рыцарь, любящий муж и отец на деле оказался заурядным бабником. Синди подала на развод. Так закончился 16-летний счастливый период жизни актера. К моменту развода семья имела три дома — городской в Пасадене, загородный особняк в горах Сьерры и виллу в Санта-Барбаре. У Костнера имелся и личный самолет. Суд оставил Синди права опекуна над детьми и приговорил Костнера к выплате 80 миллионов долларов.

Но Костнер недолго переживал разрыв с женой, потому что утешать его бросились такие известные красавицы, как Шерон Стоун и Эль Макферсон. Но

эти романы оказались скоротечными. Впрочем, Кевин не унывал. Он не пропускал ни одной юбки, зачастую ухаживая сразу за двумя женщинами. За интимный ужин с супермоделью Энджи Эверхард он заплатил 15 тысяч долларов. А неосторожный двухчасовой роман с Бриджет Руни закончился ее беременностью и рождением сына Лайема. Тест на отцовство дал положительный результат, и Костнер обязался материально содержать Бриджет и Лайема до его совершеннолетия.

Рождество 1997 года Костнер провел отшельником в только что купленном им доме в Аспегне (штат Колорадо). С веранды он любовался прекрасным видом на пустынные равнины и густые леса, часами сидя в кресле-качалке. На выходные Синди присылала ему детей. Из газет он узнал, что у нее появился новый мужчина. Он понял, что люди не прощают тем, кто лишил их надежды на существование прекрасного, идеального мужчины. "Синди, самое прекрасное,

что было у меня в жизни. Она была смыслом моего существования, без которого я превращаюсь в ничтожество!"

Первые шаги в Голливуде

Голливуд не сразу принял Костнера с распростертыми объятиями. Поначалу ему приходилось для пропитания заниматься всем, кроме кино. Он водил грузовики, работал на рыболовческом судне, устраивал автобусные экскурсии к домам кинозвезд.

Наконец, в 1974 году Кевину удалось сняться в картине Ричарда Брэннера "Сиззл Бич". Фильм оказался мягким порно и Кевин был так обескуражен, что поклялся после этого вообще не сниматься. Но со временем успокоился и решил, что в Голливуде снимают не только порно. В 1981 году он снялся в двух картинах, а в 1982 сыграл маленькие роли в "Фрэнсис" и "Стол на пятерых".

Поворотным пунктом в кинокарьере Костнера стал 1983 год, когда он сыграл первую роль второго плана в фильме Лина Литтмана "Завещание", в котором показаны последствия атомной войны, и в картине известного режиссера Лоуренса Каздана "Большая прохлада". Правда, Каздан по неизвестной причине вырезал весь материал с участием Кевина при монтаже фильма и в одном кадре видно только ногу Костнера.

Тем не менее Каздан заметил фактурного актера и снял Костнера в роли лихого ковбоя в фильме "Сильверато" (1985 г.). И сам фильм, и Кевин были хорошо приняты и зрителями, и кри-

тикой. "Сильверато" стал первым westernом после долгого отсутствия этого жанра на экранах, а Костнер — продолжателем традиций Джеймса Стюарта и Кэри Кулера.

Три лучшие роли

В фильме Брайана Де Пальма "Неприкасаемые" (1987 г.) Костнер сыграл бесстрашного детектива Элиота, вступившего в борьбу с могущественным Аль Капоне, а в картине Кевина Рейнольдса "Робин Гуд, принц воров" (1991 г.) — современного защитника бедняков. Роль прокурора Джима Гаррисона, проведшего самостоятельное расследование гибели президента, Кевин блестяще исполнил в картине Оливера Стоуна "Джон Ф. Кеннеди. Выстрелы в Далласе" (1991 г.).

В это время возникает культ Костнера. Знаменитые модельеры создают новые коллекции одежды "под 30-е годы" (время действия "Неприкасаемых"). Все модные журналы помещают статьи об актере.

Вершиной творческой биографии Костнера стал фильм "Танцы с волками". Это авторский вестерн — Кевин стал режиссером, продюсером и исполнителем главной роли картины. Он сумел возродить отмирающий жанр вестерна. Зрители с огромным интересом смотрели приключения храброго лейтенанта Джона Данбара, принявшего идеалы индейского племени сиуков. Сказалось и то, что в

С бывшей женой Синди.

жилах Костнера течет и индейская кровь.

Он вложил в производство фильма 15 миллионов долларов, создал фирму "Тиг-Продакшнз" при участии своего старшего брата Дэна, друга со студенческих лет Джима Уилсона и сценариста Майкла Блейка. "Танцы с волками" получил в 1991 году семь "Оскаров", в том числе — за лучший фильм и за лучшую режиссуру, и стал одним из самых кассовых картин Голливуда.

Огромным успехом во всем мире пользовалась детективная мелодрама "Телохранитель", в которой Костнер сыграл роль молчаливого телохранителя поп-звезды, чуть не погибшего при ее защите. Он, как в свое время Хемфри Барт, смог вдохнуть жизнь в давно валявшийся в портфеле Лоуренса Каздана сценарий.

В 1997 году Костнер все еще пытался вернуть Синди. Но из его отчаянной попытки ничего не вышло. Синди уже увлеклась владельцем ресторана, своим партнером по бизнесу Деннисом Хьюсом Констанцо. После двухлетнего процесса раздела имущества Кевину пришлось отстаивать свое достоинство в связи с измышлениями желтой прессы. В марте 1997 он подал иск в лос-анджелесский суд против британского таблоида "Hello", опубликовавшего вымышленное интервью, в котором он плохо отзывался о своих близких. Костнер потребо-

вал компенсации за клевету и покушение на личную жизнь. В этом интервью утверждалось, что он равнодушен к Синди и что сын от Бриджет Руни навязан Кевину и поэтому он относится к нему не так, как к детям от Синди. Вымыслом, по словам Костнера, является и заявление, что кино для него лишь развлечение, а его настоящая профессия — игра в гольф.

В это время Костнер снялся в нескольких провальных фильмах. И утешался, как мог. Познакомившись на съемках фильма "Послание в бутылке" с восходящей звездой Голливуда Мирой Сорвино, принялся звонить ей, приглашать в рестораны и присылать цветы. Однажды, после разрыва с Тарантино, Сорвино появилась на грандиозном приеме, посвященном юбилею журнала "Тайм", в одиночестве. Костнер воспользовался благоприятным случаем. Его ухаживание не прошло даром: завсегдага популярной дискотеки "Конга Рум" в апреле 1998 года застыли в изумлении, когда увидели входящего в зал Костнера в сопровождении нескольких охранников вместе с Мирой Сорвино. Они, смеясь держались за руки и танцевали в ритме темпераментной латиноамериканской музыки. Но Кевин недолго радовался знакомству с Мирой: когда информация об их встречах проникла в прессу, голливудская дива сказала: "У меня есть свои развлечения, как у любой незамужней женщины. С Кевином я просто несколько раз встретилась, и только".

В начале 1999 года Костнер готовился к съемкам фильма "Телохранитель-2". Для этого он встречался с принцессой Дианой, но после ее смерти продюсеры остановили свой выбор на топ-модели Эль Макферсон, с которой у Кевина был роман в 1996 году. Папарацци сняли тогда сцену жарких поцелуев Кевина и Эль в саду ее виллы на голливудских холмах. Но вскоре Макферсон вышла замуж за швейцарского банкира-миллионера Арлада Бюиссона. Молодожен тут же потребовал от жены подписания до-

кумента, заверенного нотариусом, по которому Костнеру запрещалось приближаться к госпоже Макферсон ближе, чем на метр, а трейлер Эль должен охраняться полицейским. Но по сюжету Костнер вынужден приближаться к героине фильма гораздо ближе одного метра. Иначе, что же это за мелодрама такая получится? Сам Кевин смотрел на все это с легкой иронией, так как его сердце уже было занято совсем другой: он встречался с 18-летней Сатией Арте.

"Я не боюсь новой любви, — заявил он, — но еще один развод меня доконает. Теперь же при каждом новом романе я инстинктивно думаю о длинной веренице нулей на чеке в качестве "извине-

С невестой Кристиной.

ния"! Испытание велико, но теперь я стал более осторожным".

Роман с юной Сатией оказался недолгим. На смену ей пришла 43-летняя телеведущая из Лос-Анджелеса, бывшая "Мисс Америка" Тони Литти. Но и с Тони Кевин довольно быстро расстался. Список любовниц Костнера огромен, но больше всего в нем супермоделей. Здесь и Элли Макферсон и Наоми Кэмпбелл, бывшая пассия Сильвестра Сталлоне Энджи Эверхард и Карла Бруни, ведущая телепередачи "Доброе утро, Америка!" Джоан Ланден и т.д.

Рестораны, виллы

Костнер увлекается ресторанным бизнесом. Первый свой ресторан назвал "Две пальмы". Построено заведение с размахом: его могли одновременно посетить 450 едоков, и насладиться не только изысканной "французско-карибской" кухней, но и живой музыкой. Впрочем, после развода "Две пальмы" достались Синди. Но идея с ресторанами так увлекла Кевина, что он открыл новый на паях с актером Робертом Вагнером и двумя профессиональными игроками в гольф — Джеком Никлаусом и Фредом Каилсом. В этом ресторане, как и в элитном гольф-клубе, есть все, а для входа не требуется членской карточки со вступительным взносом в 50 тысяч долларов. Интерьер ресторана "Клубный дом" выдержан в стиле люкс: мраморные полы, двери красного дерева, бархатные шторы. В общем, это очень уютный ресторан по вполне доступным ценам.

Любимая вилла Костнера находится в пригороде Лос-Анджелеса — Голливуд-Хиллз. Вилла "Дом мира" — когда-то принадлежала актеру Ричарду Дрейфусу, а Кевин поселился в ней после развода с Синди. Ее площадь — 1350 квадратных метров. Дизайнер Джеффри Викроф сделал перед входом небольшой английский фонтан, покрыл крышу черепицей, а в окна вставил марокканские рамы. В спальне располагается гигантская кро-

вать из филиппинского черного дерева, а пол устлан шкурами зебры. В ванной комнате — подогреваемый пол и голубая ванна из болгарского ракушечника. Имеется также спортивный зал и бассейн.

У Костнера есть еще дом в японском стиле на океанском побережье в окрестностях Санта-Барбары и коттедж на берегу озера в Аспене (штат Колорадо). Кстати, и само озеро также принадлежит ему. Все свои дома Кевин постоянно перестраивает, меняет интерьер. "Я верю в тайную силу домов — в их стенах у меня рождаются удивительные идеи".

Вторая любовь

В одежде Костнер предпочитает джинсы, мягкие твидовые костюмы на размер больше, легкую небритость. У него бледное лицо, морщинистый лоб и гипнотизирующие глаза. Пышная некогда шевелюра Кевина сейчас превратилась в жалкое ее подобие. Он собирался заняться искусственным наращиванием волос, но потом решил просто стричься наголо. Эта тема обыгрывается в фильме "Стрекоза".

Вот уже четыре года обаятельный Костнер появляется везде с очаровательной кареглазой блондинкой, манекенщицей Кристиной Баумгартон. "Я думал, — заявил он, — что уже никогда не смогу пережить чувство любви, но это произошло, и я ничего не скрываю".

В 2002 году Костнер вместе с Кристиной путешествовал по Тоскане. Под влиянием очарования итальянских пейзажей он сделал ей предложение, и она согласилась. Свадьбу решили назначить после окончания съемок фильма "Открытый простор".

В том же году Костнер снялся в мистическом триллере Тома Шедиака "Стрекоза", а в августе 2003 на экраны американских кинотеатров вышел фильм "Открытый простор", в котором отважные герои защищают свою любовь, свободу и образ жизни.

Весьма символично...

МОТОТОН

БУЛЬВАР

137-187 стр.

Проект
осуществляется
при поддержке
Министерства
Российской
Федерации
по делам печати,
телерадиовещания
и средств
массовых
коммуникаций

Семь
ответов
на вопросы
про
байкеров

Пролог

Началось всё в далёком 1884 году, когда талантливым англичанином Э. Батлером был построен и запатентован первый на планете Земля мотоцикл. С тех пор утекло не только много воды, но, что важнее, и горюче-смазочных материалов. Сегодня на наших дорогах в изобилии встречается такое, что человеку из века позапрошлого наверняка бы показалось "Шайтан арбой". Да и звали бы прадедушку современного мотоцикла не иначе, как "пепелацем" — словом, безусловно, ёмким, но от этого не более понятным. Не исключено, что смысл этой словоформы можно выразить следующим: "Мать Божья, да как же оно ездило-то?"

По моим личным наблюдениям, относительно байкеров в среде законопослушных граждан, в смысле, не болеющих никаким экстримом, глубоко укоренились некоторые стереотипы, которые абсолютно не соответствуют действительности. Поэтому предлагаю посмотреть на байкеров чистым взором, без какого бы то ни было предвзятого отношения.

Ответ первый

Бытует мнение, что байкер — это существо вечно пьяное, толстое, волосатое, слушающее тяжёлый рок, презирающее общепринятые нормы и законы и постоянно сквернословящее. Спешу развенчать этот стереотип: далеко не все подпадают под такое описание. Зачастую, в нормальной жизни, байкер является примерным семьянином и отцом нескольких детей. Почти никто из них не пьёт за рулём, ведь мотоцикл и так представляет собой транспортное средство

газ
до
отк
и ты
непс

Морсо-мак

Каза- бедим

повышенной опасности, и алкоголь здесь вещь явно лишняя. Полнота? Ну, так кто не без греха? Да и хорошего человека должно быть много. А то, что волосат, так это не самое страшное, что может случиться с человеком, зато сразу становится понятно, кто перед тобой: настоящий мужик, а не клерк из банка, пытающийся объехать пробку на скутере. Что до музыки, то тут полная свобода, слушай, что твоей душе угодно. Никто никогда хард-рок слушать не заставляет, я, вот, ребят знаю, так они от группы "Браво" тащатся. И законы уважают, ибо люди всё по большей части состоявшиеся и серьёзные. А нецензурная речь из их уст слышится вполне органично и самодостаточно, потому как они не ругаются, они просто так говорят...

Ответ второй

Байкерами рождаются, или байкерами становятся? Скорее всего последнее. Я еще не видел ни одного действительно одержимого человека, с пелёнок мечтавшего о байке. Большинство моих знакомых заболели мотоциклами как-то спонтанно и неожиданно, прежде всего, для самих себя. Хотя нет, парочку одержимых я всё же знаю, только у них мотоциклов нет, да и, скорее всего, не будет. А вот если потрепаться на тему или без оной, так это у них никогда не заржавеет. Так что байкерами становятся. Путиами разными, дорожками тернистыми да кривыми, через непонимание людское, через преследование милицейское (ну не любят байкеры в шлемах ездить, хоть ты тресни), приходят они к одному, но каждый своей дорогой. Кто-то старый отцовский "Днепр" в лихой чоппер в гараже перепаял, кто-то из "Урала" Харлей сконструировал, а кто просто купил чумовой аппарат. Пути разные, итог один.

Ответ третий

Что касается внешнего вида, то тут всё по большей части подчиненно здоровому практицизму. И в первую очередь это касается одежды. Думаете, что косухи и кожаные штаны с казаками — просто мода, взявшаяся непонятно откуда? Нет, тут всё рационально и вместе с тем довольно банально: кожу на скорости не продувает, следовательно в ней в любую погоду тепло. А если учесть, что в нашей стране климат по большей части про-

хладный, становится вполне понятно, что кожа — элемент комфорта, а не понта. Так же важно, чтобы человеку было удобно в том, что на нём одето. На 100 километрах в час куртка и штаны не должны надуваться пузырями, посему не последнюю роль играет крой, как правило обтягивающий, чтоб уж точно ничего не топорщилось.

А откуда взялась мода на чёрный цвет? Ответ опять-таки будет банален: просто-напросто чёрной кожи больше и достать её проще. Я своими собственными глазами видел ребят в коричневой коже, и их нисколько не смущали возможные ассоциации с веществом схожего цвета. Так что особых рамок, ограничивающих простор для фантазии, в одежде не существует, лишь бы удобно было. И ещё, никогда не замечали босых байкеров? Так вот, это не потому, что у них обуви нет, или они против чего-то таким образом протестуют, нет, просто босиком ездить удобней.

Ответ четвёртый

Есть ли у байкеров кодекс чести, или какие-нибудь его заменяющие неписанные правила? На этот вопрос с блеском ответил мой хороший приятель Лёничик:

— Да ну, какие там правила. Нет ничего такого. У настоящего байкера всего один закон: "Не нагадь другому человеку!", а так делай всё, что не запрещено законом.

Мощно, ничего не скажешь, а теперь ещё один, не менее животрепещущий вопрос: а с девушками как? Первым делом самолёты, или человеки вам всё же ближе?

— Обижаетесь, тут же, понимаешь, нормальные мужики собрались, конечно бабы лучше (видели бы вы эту ухмылку...). Настоящий мужик на всё время найдёт, и на технику и на пиво, и на друзей, и на женщин.

Кстати, бытует мнение, байкеры любят прохватить с ветерком с какой-нибудь красавицей на заднем сиденье. Люди, не так это. Мотоцикл — штука серьёзная и требующая предельной концентрации при управлении, потому присутствие пассажира, действия которого предсказать трудно, совсем даже нежелательно. В бой берут только проверенных подруг, в которых байкер уверен, как в себе самом.

2687
RUS
AB 77

Шутка в тему. Недавно видел забавную надпись на спине одного субъекта: "Если вы это читаете, значит моя с**а свалилась с мотоцикла". Грубовато, конечно, но суть в принципе отражает.

Ещё одно замечание, связанное с дамским вопросом. Сейчас в Интернете появляется всё больше сайтов якобы байкерской направленности, на которые с лёгкостью попадаешь из любого поисковика. На самом деле, они содержат откровенную порнографию, правда, мотоциклы там присутствуют, но в качестве... постели или антуража.

Хотя не всё так плохо в глобальной паутине. Вот совсем недавно наткнулся на симпатичный ресурс, который можно коротко назвать "для тех, кто хочет ездить на мотоцикле". Здесь вам и аппарат помогут выбрать. И рекомендации для начинающих дадут. И куда за защитой поехать, и в какие денежки это выльется, в общем, ответят на все вопросы.

Ответ пятый

Что бы ни говорил Лёньчик, но большинство байкеров свои мотоциклы не просто любят, они для них являются чем-то одушевлённым, ещё не человеком, но уже и не холодной железякой. Отсюда и стремление как-то выделить свой аппарат из общей массы, и помогают в этом ребятам художники, раскрашивающие их железных коней так, что мама не горюй. Тут и зверюги диковинные, как живые, прям так и прыгнут на тебя; и девушки пышногрудые и крутобёдрые; у одного на бензобаке даже Джоконда имеется, немного дорисованная, но всё равно классика. После операции над средством передвижения приходит время и о своём теле позаботиться. Здесь уже раздолье для татуажа: орлы, черепа, драконы, Че Гевара и просто замысловатые переплетения из колючек. Всё это как цветное, так и не очень, маленькое или во всю грудь. Немало встречается и таких, у кого свободных мест на теле и вовсе не осталось.

Ответ шестой

Есть у наших байкеров одна вечная тема для разговоров, и тема эта тюнинг. По-русски говоря, для наших реалий, это кардинальная перестройка всего мотоцикла, род-

ных деталей в котором, в конечном итоге, окажется раз два и обчёлся. Характерная черта российского тюнинга — собственно-ручное изготовление деталей для мотоцикла. Что является небезосновательным предметом гордости всех энтузиастов. В этом кроется кардинальное отличие, например, от американского тюнинга, когда все нужные тебе детали ты можешь спокойно купить в любом мало-мальски крупном магазине. А у нас полный простор, и человек, по сути, ограничен исключительно своей фантазией, ну и слесарными и столярными навыками, конечно. Как никак и первый Харлей Дэвидсон собрали в гараже размерами 3 на 5 метров.

Ответ седьмой

Сколько раз за день мы видим проносащиеся мимо на бешеной скорости мотоциклы? Много. Сколько восторженных взглядов устремлено им в след? А часто ли мы задумываемся об обратной стороне скорости, о травмах и смертях? Зайдите на какой-нибудь байкерский сайт, гарантирую, что вы не пройдёте мимо фотографий в чёрных рамочках. И ведь судя по некрологам, никто из них не виноват в своей смерти: у кого-то отказала техника, кого-то не заметил грузовик... Да-да, водители легковушек, а тем более грузовиков, частенько не замечают справа или слева от себя мотоцикл, особенно страшно при совершении поворота, когда вероятность попасть под колёса — максимальная. Поговорите со своими знакомыми, наверняка вам расскажут, как кто-нибудь куда-нибудь "уехал", "въехал", или "въехали" в него. Посему, если вы любитель действительно быстрой езды, не пренебрегайте ни шлемом, ни защитным костюмом (да, стоит он дороговато, порядка 1000 у.е., но во всяком случае, не переломаете себе все кости, да и позвоночник сохраните в целости и сохранности). И пусть не вызывает у вас улыбку проехавший мимо парень, на спине у которого какой-то непонятный горб. Это не горб, а элемент пассивной безопасности, выполняющий приблизительно ту же функцию, что и надувная подушка в автомобиле. И это не понты и не роскошь, просто парень, как и все мы... хочет жить. ■

'мышь!' — на КОВРИК!

■ Компьютер — вещь далеко не дешёвая, но сэкономить можно всегда и везде. Сегодня, слава Богу, выбор есть, при этом отнюдь не бедный, и можно без потери качества заменить более дорогие детали на те, что подешевле. Если вы купили компьютер за \$400, а сосед за \$1500, то он просто неразумный человек. Потому как через пару-тройку лет и тот и другой безнадежно устареют... Так зачем платить больше?

собираем компьютер

Любому пользователю нужен оптимальный вариант машины, которого хватит на год, а то и на два, ну а самому непривередливому на всю жизнь. Мы соберем компьютер из доступных нам комплектующих собственными руками. Потому что если системный блок в сборе, нельзя быть абсолютно уверенным, что

там внутри находится именно то, за что вы заплатили деньги. Для начала определимся в цене вопроса. Мы соберем оптимальный вариант, который предлагает нам сегодняшний рынок, затратив как можно меньше средств, то есть весь комплект должен стоить примерно 400 долларов. При этом на нашем аппарате все современные программы.

корпус

Начнем с корпуса. Этот элемент нужен, чтобы не раскладывать собранный компьютер на полках и не развешивать некоторые его части на гвоздиках. Конечно, в таком виде он тоже заработает, но эстетической ценности никакой, да и пылиться будет.

Самое главное — блок питания, желательно в 300 Ватт, чтобы машина вела себя стабильно. Лучше всего выбрать корпус за 33-

45 долларов. Получается выбор где-то из 15 вариантов. Дорогой брать нет никакого смысла, так как это всего лишь коробка, где всего четыре или пять микросхем, пара приводов и куча проводов. Дорогой корпус для компьютера — это, простите, понты, если вы, конечно, не преследуете каких-нибудь одних вам известных корыстных целей. Сейчас начали выпускать корпуса со встроенным аквариумом...

Важно убедиться, не забыли ли производители положить болтики и прочие железяки, которыми различные элементы этого ящика должны друг к другу крепиться, ведь машина, собранная на скотче, жвачке и других подручных средствах будет выглядеть, мягко говоря, забавно.

Экономия до \$70.

процессор

Мы будем собирать компьютер на базе процессора компании AMD. Во-первых, он дешевле Intel на 20-150 долларов, а то и больше. Во-вторых, AMD уже не отстает, а идет в ногу с Intel по производительности. В-третьих, процессоры AMD считаются одними из самых быстрых и идеально подходят для обработки больших объемов информации. Так что, как нам кажется, нет абсолютно никакого резона переплачивать немалые деньги только лишь за название марки.

Хорошим решением будет Athlon XP 2000+ (55 — 60 баксов). Для сравнения, Intel Pentium4 2000 MHz стоит приблизительно \$135. Ремарка: найдутся желающие переплатить вдвое? Этого процессора хватит надолго. Он одинаково хорошо работает в любой программе. С ним можно спокойно играть в современные игры, хотя некоторые и закапризничают, но переделывать весь компьютер из-за одной игры — не дело. Таким образом, только выбрав данный процессор, мы уже выиграем почти \$100.

кулер

К процессору нужно подобрать надежный и тихий кулер (чтобы ваш компьютер не работал, как холодильник), в простонародьи — вентилятор. Желательно, чтобы его

мощность была рассчитана на более сильный камень, например, у нас Athlon XP 2000+, а вентилятор предназначен для 2800+ или 3000+. Это дает стопроцентную гарантию того, что процессор никогда не сгорит. Вы же не хотите, чтобы однажды из вашего дорого и любимого системного блока повалил дым? Из хороших кулеров можно посоветовать Иглу (Igloo) на 2800+, во время работы компьютера его почти не слышно. Он обойдется в 9 долларов. Есть конечно и другие фирмы, но только Иглу специализируется непосредственно на системах охлаждения для процессоров.

материнская плата

Если "мать" дорого стоит — это ещё не значит, что она будет хорошо и стабильно работать. Поверьте, "мерседесы" тоже ломаются, причём вполне регулярно. Практика показывает, что недорогие модели работают не хуже, а иногда и лучше своих дорогих и навороченных аналогов. Так что оставим выпендрёж для фанатов, и выберем себе что-нибудь долларов за 80, ибо и в этой ценовой категории выбор есть.

Уже более чем за год работы очень хорошо себя показала плата Gigabyte GA-7VA 400A (\$63) (ещё не страшно? Ничего, дальше будет ещё круче). "Мамка", конечно, не новая, но зато мощная, стабильная в работе и перспективная, хотя бы только тем, что поддерживает последние 32-х разрядные процессоры AMD (до 2800+ — 3000+), и может работать на шине 333 MHz. Если 7VA уже не всегда встретишь в продаже, то возьмите тот же Gigabyte, но подороже, например, GA-7N400. Принципиальных отличий почти никаких, просто последняя немного мощнее.

Еще одним вариантом могут быть платы фирм: EPOX (молодая и перспективная компания, предлагает вполне работоспособные изделия за реальные деньги); ABIT (идеально подходит для AMD); Microstar (хороший вариант для домашних компьютеров); ASUS (многие считают их платы самыми надежными, но на практике: много берут и также много сдают обратно). Взяв любую из них (все они стоят от 65 до 80 долларов), будьте уверены, машина станет работать стабильно

и надежно. На данном этапе мы сэкономили ещё долларов 50.

оперативная память

Самая идеальная для нас память это — DDR 2700 (333 MHz) 256 или 128 мегабайт, она более устойчиво работает. Есть еще и 2100 (266 MHz) — тоже приличная, но медленная, и 3200 (400MHz) — работает так, как ей захочется, проще говоря, она глючная и брать её мы не рекомендуем.

Какого производителя выбрать? Да в принципе это не имеет особого значения, в среднем любая планка на 256 МБ стоит от 38 до 43 долларов. Игроманы, вот, предпочитают Samsung.

видеокарта

С этим элементом сложнее, потому как в современных играх именно она влияет на производительность. Разработчики уже давно переложили многие задачи именно на нее, чтобы меньше возиться и не вырисовывать все до мельчайших деталей. Если компьютер не предназначен для постоянной игры, возьмите карточку послабей, например GeForce 4 MX440 64 МБ (\$43). Это самая дешевая из имеющихся сейчас в продаже, но при этом она хорошо себя показывает. Более сильной альтернативой является GeForce FX 5200 128 МБ (\$52).

Каждая из видео карт оснащена телевизором, то есть к компьютеру можно подсоединить телевизор. В общем, эти аппараты умеют делать всё что нужно в современном мире, и брать что-то более дорогое не имеет смысла, если вы, конечно, не законченный игроман. Экономия от 40 до 80 баксов.

жесткий диск

Здесь все просто — пригодится любой, или тот, который приглянется по цене. Главное, чтобы скорость вращения была не меньше 7200 оборотов в минуту, ведь, чем выше скорость, тем быстрее осуществляется доступ к информации, на вашем диске хранящейся. Из надежных, быстрых и недорогих дисков по-

советуем Samsung 40 гигабайт, 7200 об/мин (\$53), на который сам производитель установил три года гарантии, когда остальные дают от полугода до года. Неплохие диски делает Maxtor: компактные, тихие и шустрые. Бесплатный совет: не берите диски Seagate — сильно греются и в последнее время дают сбой и активно покрываются бэд-блоками.

Экономия \$20-30.

клавиатура и мышь

Эти два элемента выбирайте исходя из того, насколько они будут удобны лично вам. Если комфорт стоит на последнем месте, то подойдет клавиатура за 130, а мышь за 70 рублей. Самые удобные клавиатуры с вогнутым расположением кнопок, например, самая простенькая от Logitech (\$12). Мышь лучше взять недорогую оптическую, так как ей не нужен коврик, внутри нет шарика (который надо постоянно чистить) и она значительно легче обычной, например, A4tech, Logitech или Genius — стоят они в основном одинаково (до \$10).

оптический привод

Наконец мы подошли к последнему элементу, который должен быть внутри блока — это CD-RW + DVD. Он позволяет самому смотреть и записывать различные диски, будь то музыка, кино или какие-нибудь программы. Фирм множество и у некоторых этот элемент — расходный материал, поэтому срок службы аппаратов непродолжителен. Из наиболее качественных и недорогих выделим TEAC-548 48x24x48x16 (\$70) и Toshiba-1512 48x24x48x16 (\$66). Можно взять, конечно, привод и без DVD (\$40-45), но на данном этапе развития технологий и стремительного распространения данного формата — это будет просто не рационально.

считаем денежки

Подсчитаем стоимость полученного системного блока. С учётом всех наших экономий, самый недорогой вариант обходится в \$325, но это с обычным пишущим CD-ROM

без DVD. Средний вариант стоит \$360, а самый дорогой — \$424. Несмотря на значительную разницу в цене, производительность машин значительно отличается только в видео.

Компьютер — это как конструктор — нужно только вставлять детали в соответствующие пазы, подобно картриджам в телевизионную приставку. Для каждого элемента свой разъем и цвет, поэтому будет сложно что-то напутать. Взяв этот подробный план, можно спокойно пойти в любой компьютерный магазин или на рынок, произвести некоторое количество страшных названий и вы станете счастливым обладателем компьютера, причём за вполне реальные деньги, а соседу можно сказать, что он дурак.

P.S. Уважаемые читатели! Нам очень важно знать ваше мнение о нашем начинании. Отзовитесь, и напишите нам всё, что думаете о нашей затее. Заранее признательны.

На этой страничке мы будем по мере сил объяснять все непонятные термины. Наполним его непонятными словами из статьи, вначале: как термин звучит в разговорной речи, затем: его цивилизная инкарнация, и наконец: что же всё-таки за этим термином кроется. Так что если хотите понимать, о чём говорят ваши дети, внуки, друзья и знакомые, милости просим.

ликбез

Комп, PC, псюк, кэмпик, машина, агрегат, персоналка — Компьютер — это то, что мы собирали в этом номере.

Проц, камень, пень, если это Intel (Pentium I, II, III, IV), AMD или экспишник, сердце — Процессор — центральный элемент, располагается на материнской плате и обрабатывает всю информацию, которая поступает на компьютер.

Вентилятор, пылесос, система охлаждения, пропеллер, холодильник — Кулер — радиатор, сверху которого располагается вентилятор, для охлаждения процессора во избежание его перегрева.

Оперативка, память, мозги, димки (DIMM), ддрки (DDR), римки (RIMM) — Оперативная память — память, в которую компьютер загружает при работе различные программы, для повышения скорости выполнения операций и упрощения работы с ними. Информация в ней находится только при включенном компьютере и пропадает при отключении. Чем больше оперативной памяти, тем лучше и быстрее работает компьютер.

Видюха, VGA карта, графическая карта, видео, графичка, SVGA — Видеокарта — элемент, отвечающий за вывод изображения на монитор, чем мощнее карта, тем лучше качество "картинки".

Винт, винчестер, хард, диск, жесткий, на компе, HDD — Жесткий диск (диск C и диск D) — устройство, находящееся внутри компьютера, на котором установлена операционная система (Windows 95, 98, 98SE, 98ME, 2000, XP), различные программы и находится вся информация (музыка, фильмы, картинки, тексты и т.д.).

Бэд-блок — участок жесткого диска, уже не пригодный для использования. Может сильно влиять на производительность компьютера, а также "размножаться", что в итоге приводит к неработоспособности диска.

Комплектующие — детали для компьютера.

Материнская плата — платформа, которая объединяет все элементы, входящие в компьютер и заставляет их слаженно работать.

Сидюк, дивидюк, флопп — Привод — устройства считывания информации, они подключаются к компьютеру (DVD- и CD-ROM, FDD — флоппи дисковод, ZIP и другие).

Шина — элемент, встроенный в материнскую плату и отвечающий за скорость передачи информации от одного элемента к другому, от привода к приводу.

А скоро, любознательные вы наши, познакомимся со значимыми событиями на рынке компьютерных технологий. Если хотите быть в курсе дела, если стремитесь не отстать от жизни — вам с нами по пути! ■

Источник: iXBT.com

Спец по заморочкам **Кира ПОДОЛЯК**.

Третий лишний!

■ Принято считать, что третий в любовных историях лишний. На эту тему пропето множество песен, снята уйма фильмов, написано огромное количество стихотворений. Но так ли это? Ведь порой бывают ситуации, когда без этого самого третьего не обойтись, а иногда жизнь рушится именно из-за него! Проливаются ручьи слез, несмотря на то, что в большинстве случаев судьба сама отсеивает от вас лишних людей, и, как в этом случае принято говорить, что не делается, все к лучшему.

Эти совершенно разные любовные истории — еще один повод понять старую добрую истину, что третий вовсе и не лишний, а запасной...

Марина, 19 лет. Мы познакомились с Камиллой еще в первом классе. И до одного очень неприятного случая дружили, как говорится, не разлей вода. А разлучило нас вот что: у меня появился совершенно обворожительный сосед по дому — Вахтанг. Мы познакомились в новогоднюю ночь, и он начал уха-

живать, как настоящий грузинский мужчина: привозить на машине домой, присылать охапки роз, приглашать в бесконечные бары, рестораны, пафосные клубы. Все это меня закружило, завертело и, казалось, будет так продолжаться бесконечно. Но настало время, когда моя лучшая подруга, Камилла, взбунтовалась и сказала, что срочно хочет с ним познакомиться. Как раз надвигалась знаменательная для меня дата — два месяца наших романтических отношений. Мы втроем решили отпраздновать это событие в японском ресторане. В этот вечер Камилла без умолку рассказывала Вахтангу о своей жизни, пристрастиях, интересах, а я не могла вставить и слова. Восточная красота, какой-то бурный азарт Камиллы, ее неприкрытая заинтересованность в Вахтанге не оставили мне шансов. Через пару дней я узнала, что у них начался бурный роман. Но все бы ничего, если бы не звонок плачущей Камиллы, которая клялась, что не собирается встречаться с моим другом, что бросит его сегодня же, так как дружба со мной ей намного дороже, чем любой мужик. Я была крайне растрогана, сказала, что тоже её люблю, и теперь мы снова будем общаться, как прежде. Но, увы, спустя несколько дней, во дворе, я встретила Вахтанга, который радостно начал рассказывать, какая прекрасная Камилла, и как им хорошо вдвоем. Такого вранья своей подруге я простить уже не могла, тут же набрала ее номер и парой резких фраз разорвала нашу дружбу навсегда. Если человек предал один раз, то, без сомнения, предаст и в другой. Прошло время, наступила долгожданная весна, Вахтанг расстался с Камиллой и снова начал приставать ко мне, но было поздно, меня ни он, ни моя "верная" подруга более не интересовали...

Дина, 20 лет. Я была ужасно влюблена в одного мальчика, но, к сожалению, это было не взаимно, и нас не связывало ничего, кроме редких свиданий, инициатором которых была я. По-большому счету, ему было плевать на все, в то время как я не находила места от нахлынувших на меня нежных чувств. Так сложилось, что у моей близкой подруги дача рядом с его коттеджем. В один прекрасный летний день они встретились, выпили бутылочку

шампанского, покупались в озере, позагорали, в общем, так прекрасно провели время, что на ночь не имело смысла расставаться. Я была убита всей этой историей, ведь Тамара знала о моей любви. Будучи незлопамятным и мягким человеком, естественно, я все ей простила. И не жалею об этом. Миша оказался редкостным бабником. Он не пропускал мимо ни одной юбки. Вокруг него происходили бесконечные драмы, ссоры, измены. И Тамара попала в эту воронку. Ей пришлось пережить массу неприятностей, унижений и разочарований перед тем, как навсегда расстаться с Мишей. Я наблюдала все это со стороны, и могу сказать, что не без некоторого удовольствия. К тому же умственные, душевные и чисто человеческие качества нашего общего знакомого оставляли желать много лучшего. Однако понять это можно было, лишь трезво посмотрев на него со стороны. И я очень рада, что моя подруга помогла мне это сделать.

Гриша, 24 года. У меня была девушка Наташа, без которой я просто не мог прожить и дня. А еще друг Артем, без которого я также не мыслил своей жизни. Поэтому, уезжая к родственникам на каникулы во Францию, пригласил их обоих с собой, в надежде, что мы проведем незабываемые две недели. Но, видимо, романтика парижских улочек натолкнула Артема на мысль приударить за мою возлюбленную, а Наташу — с радостью принять эти ухаживания, несмотря на то, что я нахожусь рядом. Я честно сказал и ей, и ему, что прекрасно вижу происходящее и требую, чтобы это немедленно прекратилось. Однако они не обратили внимания на мои слова. В итоге я послал их куда подальше и улетел в Москву. Долгое время ходил в жуткой депрессии и даже начал выпивать, пока не узнал, что, спустя неделю после возвращения, Наталья упорхнула от Артема к его же другу. Моему ликования не было предела, я снова начал веселиться и встречаться с другими девушками.

Дуня, 18 лет. Как-то мы с подругой отдыхали в Турции. Рядом с нами все время крутился молодой человек. Он был тоже из Москвы: обаятельный, стильный, умный, с хорошим чувством юмора молодой человек. Не

прошло и двух дней, как моя подруга по уши влюбилась в него, и он ответил взаимностью. Лене казалось, что это навсегда. В Москве она отправилась выбирать свадебное платье, но не тут-то было. Виталик резко пропал, перестал звонить, отвечать на ее звонки, не открывал дверь, несмотря на то, что Лена прозябала под ней часами. В общем, дал понять, что отдых закончен, а вместе с ним и их роман. Лена была убита горем. А в самый пик ее страданий Виталик позвонил мне с предложением пойти сначала в кино, потом на выставку, а потом где-нибудь отобедать. Да, безусловно, Виталик классный, и если бы не Лена, я бы с удовольствием загуляла с ним, но, как говорится, дружба дороже. Я знала, что даже поход с ним в кино разлучит нас с Леной навсегда, поэтому отказала Виталику и попросила больше не звонить, о чем сейчас ничуть не жалею. Ведь поступив так с Леной, он, не задумываясь, повторил бы тот же самый трюк в следующий раз и со мной.

Алла, 20 лет. У моей двоюродной сестры был молодой человек Степа. Она влюбилась в него до такой степени, что уже мысленно составляла меню свадебного банкета, несмотря на то, что сам Степан ни о чем таком и не помышлял. Я никогда не воспринимала этого типа всерьез, он был совершенно не в моем вкусе. Но все больше общаясь со Степой, я понимала, что для женщины намного важнее внутренний мир мужчины, а не его внешняя оболочка. Он все больше и больше покорял меня своим обаянием, чувством юмора и эрудицией. Также за время нашего общения я поняла, что Степа относится к сестре совсем не так, как она расписывала. Оказалось, встречались они только по выходным, а их романтические вечера ограничивались походом в ночной клуб или тусовкой у кого-то на квартире, вдвоем они оставались крайне редко. Как-то раз, во время таких развеселых посиделок, Степан и начал уделять мне повышенное внимание, а потом позвонил и попросил разрешения заехать за мной в институт. Я согласилась и ничуть не жалею об этом, именно с того дня начался наш бурный роман. Я, честно говоря, даже боялась загадывать, к чему приведет наша интрига. Но благодаря об-

щим знакомым, сестра все узнала, и перестала со мной общаться. А мы со Степаном начали жить вместе. Время шло... наша любовь становилась сильнее день ото дня, да и у Веры, слава Богу, все наладилось. Недавно она позвонила и сказала, что не держит на меня зла, потому что нашла свою настоящую любовь и через месяц выходит замуж. Мы поговорили по душам и пришли к выводу, что все сложилось как нельзя лучше. Мы обе нашли свое счастье, за что безумно благодарны друг другу.

Даша, 18 лет. Однажды моя подруга попросила меня позвонить по телефону своему приятелю, который ей очень нравился, но с которым у нее никак не завязывался роман. Он не проявлял к ней никакого интереса. Моя же задача заключалась в следующем: я должна разговорить Илью, заинтриговать его и узнать какие-нибудь подробности его жизни, что нравится, что нет, о чем мечтает, о чем думает и т.д. А подруга всю эту информацию использовала в своих личных планах по дальнейшему окручиванию этого молодого симпатичного и интеллигентного, по ее словам, человека. Язык у меня был подвешен хорошо, забавных и интересных историй я знала множество. Что-то могла придумать или додумать сама по ходу действия, тем более, пописывала всякие рассказы, собираясь стать писателем. Для меня это оказалось замечательное задание. И вот, вооружившись трубкой, я смело набрала номер. Послышался очень приятный голос. Я сказала стандартное: "Не узнаешь?" И заинтриговала его какими-то деталями, о которых мне рассказала подруга. Мы проговорили полчаса. Он попросил мой телефон (его я уже знала наизусть), я просительница посмотрела на приятельницу, которая сидела удивленная и уставшая от столь долгой и оживленной нашей беседы. С ней он говорил не более десяти минут, оправдываясь тем, что куда-то спешит. Она прошептала: "Давай, посмотрим, как он будет действовать дальше". И я дала номер. Надо ли говорить о том, что он мне позвонил, упоминать о том, что я не сказала об этом подруге. Полгода мы перезванивались, не зная друг друга. Полгода ждали этих звонков, рассказывая в

подробностях обо всем, что видели, чувствовали, знали. Думаю, мы оба уже не могли жить без общения. Он стал предлагать встретиться. Я тянула, комплексовала. Мне казалось, что он разочаруется, увидев меня. Ведь Илья, по рассказам, был очень красивым молодым человеком, к тому же старше меня. Но самое главное, я испытывала жуткие угрызения совести по отношению к давней подруге. Однако день этот настал. Мы узнали в толпе друг друга безошибочно и мгновенно. Потом была любовь, невероятно романтическая, с интересными поездками, встречами, с прекрасными вечерами, днями, ночами. Пару раз гуляя по Москве, мы случайно наткнулись на родителей моей подруги, однако я вовремя успевала их заметить и ускользнуть. Ведь они хорошо знали и меня, и моего молодого человека. Встречу с ними я расценивала, как напоминание свыше о моем непорядочном поступке. Но поделаться уже ничего не могла, наш роман был в разгаре, и мы оба не представляли, как могли жить друг без друга до встречи. И кто теперь разберется, кто из нас был третий лишний!

Тем, кто прочитал эти истории, вспомнил свой личный опыт, а также задумался над тем, как бы не стать третьим лишним, советуем ответить на вопросы нашего теста. Итак: признайтесь искренне и честно — верны или неверны следующие утверждения.

1) Секс — основная причина, по которой женщины вступают в связь.

2) Заработок женщины влияет на её склонность к связям на стороне.

3) Ничего не делающие барышни чаще заводят романы, чем занятые с утра до ночи на работе.

4) Если у женщины был богатый сексуальный опыт еще до ваших отношений, то вероятность вступления в связь на стороне для нее уменьшается.

5) Размер и населенность места проживания влияет на вероятность вступления в связь на стороне.

6) Партнеры, находящиеся в любовной связи, имеют одинаковое отношение к сексу на стороне.

7) Измена мужчины более опасна для отношений, чем связь женщины.

8) Связи женщин на стороне делятся больше, чем связи мужчин.

9) Связи женщин на стороне не обязательно включают секс.

Ответы:

1) **Неверно.** Большинство женщин вступает в связь на стороне из-за неблагоприятных отношений с постоянным партнером. Они могут наслаждаться сексом с новым партнером, но в то же время продолжают связь со старым из-за эмоциональной привязанности к постоянному любовнику.

2) **Верно.** Женщины с большим доходом имеют большую тенденцию к связям на стороне.

3) **Неверно.** Работающие девушки встречают больше мужчин — следовательно, имеют больше возможностей для измены.

4) **Неверно.** В исследованиях Кинси (известный сексопатолог-психолог), прослеживается взаимосвязь между добрым сексуальным опытом и внебрачными связями. Чем больше первого, тем выше вероятность вторых.

5) **Верно.** Женщины, живущие в урбанизированных районах, имеют большую тенденцию к связям на стороне, чем живущие в маленьких населенных пунктах. Отношение городских женщин к таким связям более либеральное.

6) **Неверно.** Женщины вовлекаются в связь эмоционально и желают большего выражения любви. Мужчин, как группу, удовлетворяет секс "без привязанностей".

7) **Неверно.** Связь женщины чаще кончается замужеством, чем связь мужчины. К тому же существует двойной стандарт: все слышано о мужских изменах и воспринимают это спокойно, в то время как для самого мужчины узнать об измене любимой женщины — сильный шок, а в обществе это до сих пор считается большим грехом.

8) **Верно.** Исследования показали, что у женщин более длительные связи, и случаются они реже, чем у мужчин.

9) **Верно.** Исследования показывают, что четверть всех связей женщин — это эмоциональная привязанность без секса. ■

Стрелы Амура

■ В 1826 году вдовствующая императрица Мария Федоровна "высочайше повелеть соизволила учредить большие мастерские разных ремесел" для мальчиков-сирот Воспитательного дома. С этой целью известным московским архитектором Д.И. Жилярди был возведен Слободской дворец в стиле московского ампира. Учебное заведение утвердил император Николай I. Именно с этого момента и ведет свое летоисчисление нынешний МГТУ имени Баумана, а в прошлом "Императорское московское техническое училище, высшее специальное учебное заведение, имеющее главной целью образовывать механиков-строителей, инженеров-механиков и инженеров-технологов".

Лучшими кафедрами в училище считались кафедры высшей математики, общей и прикладной физики, построения машин, строительного искусства, технологии волокнистых веществ, общей химии, химической технологии.

Высокий авторитет профессорско-преподавательского состава и уровень подготовки выдвинули институт в ряд ведущих политехнических школ Европы.

Вся наша оборонная техника, о которой во всем мире когда-то ходили легенды, все освоение космоса, полет первого космонавта Гагарина, невозможны были бы без выпускников бауманки, без той блестящей школы высшей математики, физики, химии, которой так славилось это заведение.

За время своего существования университет выпустил более 160 тысяч инженеров. Среди воспитанников МГТУ — известные государственные деятели самого высокого ранга, выдающиеся генеральные и главные конструкторы, известные ученые, руководители крупных организаций и фирм, наши знаменитые космонавты. Выпускники этого университета были двигателями отечественной и мировой науки и техники. Даже невозможно перечислить все, что изобретено именно ими. Это и первый в России вертолет, и пер-

СЕРЬЕЗНО!

ПРАВЯЩАЯ

МИРОМ!

вая аэродинамическая труба, и тепловоз, и автоматическая станочная линия, и газотурбовоз, и металлургическая лаборатория, и создание систем оборонной и ракетно-космической техники, и развитие отечественного машино- и приборостроения.

Сегодня в достаточно сложной экономической обстановке (как известно, мы любим рубить сук, на котором сидим), университет продолжает свою работу. Несмотря на мизерные зарплаты преподавателей и выпускников, на ничтожные средства, отпускаемые на науку у нас в стране, каждый год более трех с половиной тысяч молодых людей приходят в стены МГТУ. Они по-прежнему мечтают стать первоклассными специалистами, уникальными инженерами, гениальными изобретателями. С одним из них и встретился "Молодой бульвар". Михаил Егоров, студент кафедры ИУ-3, будущий специалист в области разработки информационных и телекоммуникационных систем.

— Миша, насколько я знаю, раньше считалось, что в Бауманское училище поступали исключительно вундеркинды, победители заурных олимпиад по математике или те, кому удалось изобрести что-нибудь невероятное. А как обстоит дело сейчас? Прибегают к помощи репетиторов?

— Лично у меня частных репетиторов не было. Для большей уверенности в себе и подстраховки я окончил подготовительные курсы. Помимо Бауманского, в тот же год пробовался и в МГУ на ВМК (вычислительная математика и кибернетика), где набрал на экзамене по высшей математике семь баллов, считается одним из лучших результатов. И в итоге поступил в оба вуза. Но выбрал МГТУ. Он привлекал меня намного больше. И своей необыкновенной атмосферой, и потрясающими преподавателями. К тому же за время учебы на курсах я познакомился со многими интересными людьми, у меня появились друзья. В общем, выбор был сделан. Я студент МГТУ имени Баумана, чем очень горжусь.

— Скажи, а в какой именно области ты представляешь свою будущую работу программиста? Может, займешься столь популярной проблемой клонирования человека,

где, естественно, невозможно обойтись без компьютерных технологий и опытных программистов? С какой фирмой ты мечтаешь сотрудничать после окончания вуза?

— Программистов в области медицины у нас взращивает факультет биомедицинских технологий, именно там изучают все о клонировании человека, всяких зачатиях в пробирках и т.п. Факультет, кстати, полезный и интересный. Ведь любая наука, находящаяся между двух других, в данном случае между медициной и программированием, явление достаточно редкое. И специалистов, которые ее знают, у нас в стране крайне мало. К тому же на этом факультете очень сильный преподавательский состав, как раз и состоящий из этих самых редких специалистов. Что же касается меня, то я изучаю информационные и телекоммуникационные технологии, сетевые технологии, микропроцессорную технику, теорию цифровой обработки сигналов, системное и прикладное программирование, вопросы проектирования информационных систем, базы данных. А насчет будущей работы пока не задумывался. Человек, который закончил наш университет, всегда востребован. Ему открывается огромное количество путей и возможностей, надо только не ошибиться и выбрать именно твой.

— Существует мнение, что студенты Бауманского университета образованны не только в области точных наук. Они и в гуманитарных науках дадут фору любому филологу. Так ли это?

— Считаю, что любой уважающий себя человек, а таких много в Бауманке, должен быть образованным. И иметь знания не только касательно того предмета, который он изучает, но и разносторонние. В нашем университете действительно очень много умных во всех отношениях людей, но, чтобы их отыскать, мне пришлось переобщаться с небольшим количеством глупых. Впрочем, наверное, так везде.

— Насколько мне известно, где-то в 70-е, 80-е годы было весьма сложно просто попасть в здание Бауманского училища. Даже с пропуском проходили прямо-таки таможенный контроль. Все знали, что здесь учат "делать ракеты", по которым мы "впереди

планеты всей" и все засекречено. Как с этим обстоят дела сейчас?

— Для прохода достаточно одного студенческого. Но в самом здании остались засекреченные кафедры, куда требуются специальные пропуска и допуск к секретной информации.

— Ни для кого не тайна, что сейчас, когда уже нет почти никаких секретов, за выпускниками Бауманского университета охотятся многие иностранные фирмы. Так ценны их знания, широта мышления, изобретательские способности...

— Да это действительно так, сейчас многие иностранные предприятия создали при институте даже свои представительства и специальные курсы, на которых студентов обучают бесплатно, но с условием, что после получения международного диплома и окончания этих самых курсов они уедут работать за границу.

— Кого-то из твоих друзей или просто однокурников удалось уже переманить на чужбину?

— Я знаю студентов, поддавшихся на уговоры иностранцев поступить на курсы для получения бесплатного специализированного обучения в области новых технологий. И не могу осуждать их. Наверное, не для кого не секрет, что у наших ученых низкие зарплаты, да и на развитие науки средств выделяется очень мало. Отсюда плохие условия для работы, для создания и оснащения современных лабораторий, а значит и для развития новых научных направлений.

— Скажи, а у вас на факультете проходят какие-то вечера, мероприятия, когда вы все вместе собираетесь, что-то обсуждаете, высчитываете?

— У нас существует, на мой взгляд, одна проблема, не позволяющая это сделать. На факультете довольно много народа, половину своего курса не знаешь в лицо. Поэтому дико трудно организовать какой-то совместный проект. Кто-то обязательно не сможет, заболит, не захочет.

— Тебе нравится ваш преподавательский состав, только честно!

— У нас есть безумно увлеченные своим делом преподы, у которых огромное жела-

ние передать свои знания студентам, как передавали секреты своего дела испокон веков мастера подмастерьям. Хотя, порой, они бывают и чересчур требовательны.

— Есть какие-то семинары, лекции, на которые ты стабильно ходишь и никогда не пропускаешь?

— Да, это высшая математика. Там все так точно. А в программировании уже возникает собственный взгляд на вещи. Кто-то может трактовать программу так, а кто-то иначе. Получается как бы творческий процесс, присутствует огромная доля креатива.

— Я, между прочим, не случайно спрашивала про преподавательский состав, про любимые предметы. У меня с вашим училищем давние родственные связи. Мой дед — ученик основателя русской кибернетики А.А. Ляпунова, буквально до прошлого года преподавал у вас высшую математику. Я всегда смотрела на полку с его книгами, с абсолютно непонятными названиями типа: "Вопросы устойчивости, параметрический и постоптимальный анализ задач дискретной оптимизации" и удивлялась, как человеческий мозг мог до всего додуматься, а, листая страницы, поражалась еще больше всем этим математическим иероглифам, формулам, чертежам. Дед тоже удивлялся, когда я поступала на журфак. Все говорил: "Что это за наука такая, журналистика? Болтовня одна, да и только".

— Думаю, что дед твой не совсем прав. Что бы мы все делали теперь без газет и журналов, без любимого ТВ?

— Вопрос на засыпку: почему не вручают Нобелевскую премию математикам?

— Потому что невеста Нобеля сбежала к математику.

— Ну, все ты знаешь!

— Кстати, она правильно поступила. Ведь мы, математики, даже при общении с любимой женщиной можем представлять ее пропорции, удельный вес, вычислять скорость, с которой можно доставить ей оптимальное удовольствие. Поэтому мужчина-математик это действительно нечто особенное, даже в сравнении с Нобелем! Математик все рассчитывает для достижения полного совершенства.

— Жаль, что у вас не много девушек в университете. Во всяком случае, ходят легенды, что там сплошные женихи.

— Вот именно, "легенды"! Девчонки падаются чаще, чем парни!

— Их что-нибудь резко отличает от остальных, не бауманок?

— Да вряд ли. Может, посерьезнее немного.

— А ты сам очень серьезный? Наверное, даже не прогуливаешь?

— Я не прогуливаю, просто пропускаю те предметы, которые мне не интересны.

— И как у вас к таким пропускам относятся?

— Да в общем, гуляй, сколько хочешь, но при условии, что в конце семестра отчитаешься за каждый прогул. Если ты умный человек и можешь мотивировать свои пропуска, например, работой, то это зачтется только как плюс. Возможно, даже дадут пару интересных советов и направят к нужным людям, способствующим твоему более быстрому взлету по карьерной лестнице.

— Ты ведь тоже работаешь, помимо учебы? Если не секрет, где?

— Это личный проект, связанный с программированием. Каждый месяц приношу в университет отчет о практике, так как там интересуют, чего студент может добиться сам, без помощи всемогущей Бауманки.

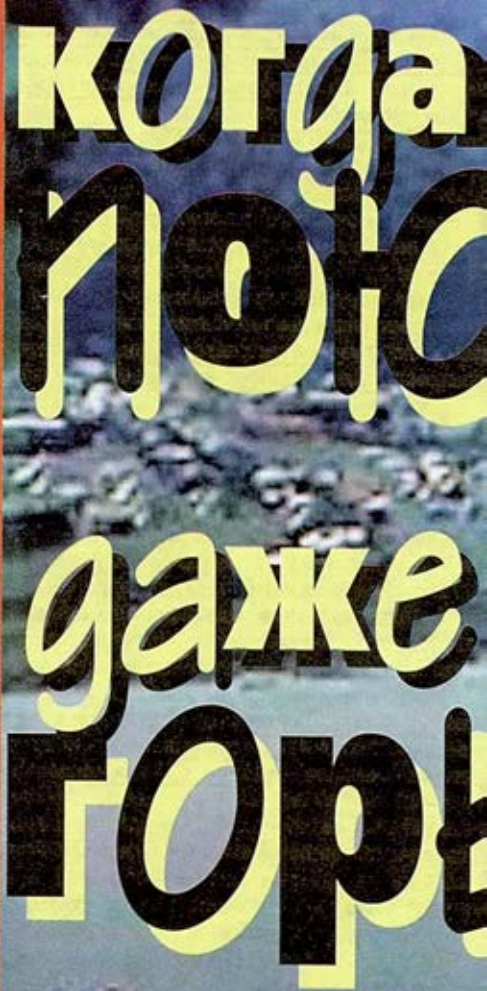
— Не трудно совмещать учебу и работу?

— И к знаниям, и к работе я отношусь очень трепетно. А все остальное человек всегда может совместить, как, например, сегодня. Мы замечательно проводим вечер. Смеемся, фотографируемся, пьем коктейли. И мне, "роковому" математику, "зубриле, помешанному на формулах и цифрах" (наверное, именно так ты думала обо мне), конечно, трудно представить, что ты сейчас находишься на работе.

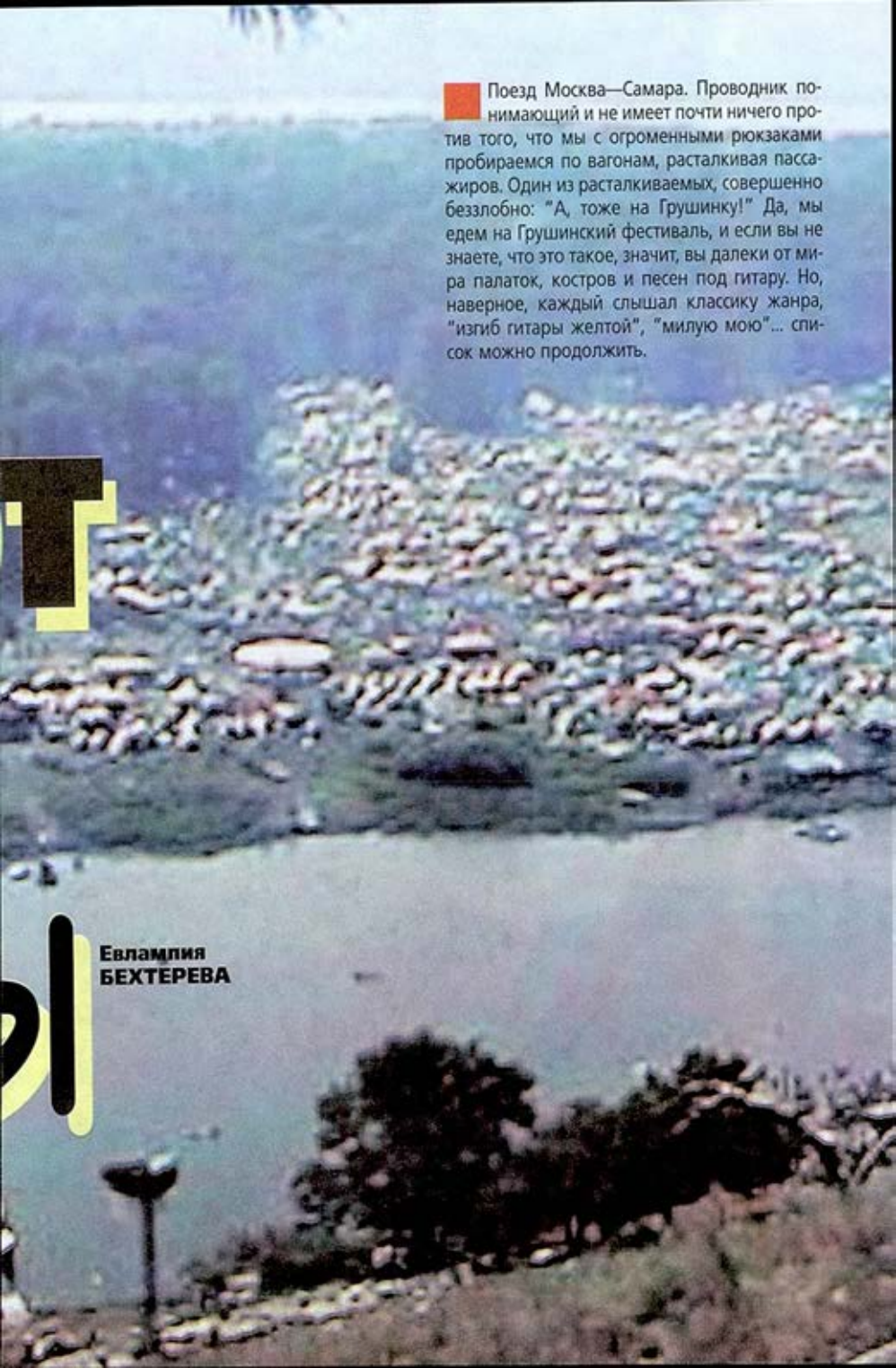
— Тогда, может быть, на прощание ты как студент Бауманского университета пожелаешь всем идти учиться на журналистов?

— Нет, не пожелаю. Потому что точные науки это здорово, а программирование еще лучше. Информатика и компьютерные технологии подразумевают под собой связь, а связь, причем любая, правит миром... ■

Беседавала Полина ТЕСЛЕР.

когда
полю
даже
Горь

Поезд Москва—Самара. Проводник понимающий и не имеет почти ничего против того, что мы с огромными рюкзаками пробираемся по вагонам, расталкивая пассажиров. Один из расталкиваемых, совершенно беззлобно: "А, тоже на Грушинку!" Да, мы едем на Грушинский фестиваль, и если вы не знаете, что это такое, значит, вы далеки от мира палаток, костров и песен под гитару. Но, наверное, каждый слышал классику жанра, "изгиб гитары желтой", "милую мою"... список можно продолжить.

**Евлампия
БЕХТЕРЕВА**

Немного истории

Для справки. Фестиваль имени Валерия Грушина проводится каждый год в конце июня — начале июля вот уже 31-й раз. Неподалеку от Самары, на Мاستрюковых озерах собираются люди со всей России, чтобы несколько дней пожить в особом мире. Родился фестиваль в 1968 году, когда друзья погибшего на реке Уде Валерия Грушина собрались, чтобы почтить его память. Тогда туристское движение было в расцвете, все друг друга знали, обменивались песнями, встречались во время первомайских слетов на Молодецком кургане. Боль от потери могла заглушить только песня, ведь сам Грушин дружил с гитарой, коллекционировал записи первых советских бардов, тогда еще почти подпольных. У Валерия, студента Куйбышевского авиационного, собирались в общезнании дружные компании, его жилище всегда было набито туристским скарбом, а студенческие каникулы не проходили зря. Непокоренные реки, труднодоступные тропы, опасные пороги притягивали Грушина. Река Уда, считавшаяся сложным маршрутом

Саян, была его мечтой. А стала последним походом. Начальник местной метеостанции гостеприимно встретил четверых самарских ребят. Наутро он с двумя сынишками и племянницей собрался в город на моторной лодке. Когда лодка перевернулась, Валерий действовал без раздумий. Он успел спасти девушку, потом бросился за старшим мальчиком, но холодная вода и бурное течение помешали ему. Долго друзья искали Валерия на реке Уде, где по сей день о самарском туристе, пожертвовавшем жизнью ради спасения детей, "плачут сибирские кедры". Памятником Валерию Грушину стал фестиваль, на который собираются тысячи людей. Нельзя, увы, сказать, что все они приезжают сюда слушать песни и вспоминать Грушина, но идея праздника остается неизменной. И предназначен он по-прежнему туристам, которым дорога авторская песня и которые знают, что такое походная жизнь.

Когда пасует ОМОН

Вот и мы едем в поезде, который стоило бы на несколько дней переименовать в "Мо-

сква — Грушинский". Вокруг такие же грушинцы, разговоры о фестивале. Если на лице у человека написано: "грушинец", он должен этим гордиться. Перед светом и добротой, даже ОМОН пасует, который, к слову сказать, на фестивале везде. Порядок блюдет. В гомоне грушинцев и легком покачивании электрички слышится что-то близкое. И хотя дачники настроены агрессивно, ворчат понемногу, но грушинцев больше, у них палатки и рюкзаки. Тем более, что пару дней в году с этим можно мириться.

Лагерь

Первое, что поражает вновь прибывших, — размах и глобальность фестиваля. Стоя на горе, не веришь своим глазам: тысячи и тысячи палаток, туман от костров, бесконечные вереницы людей. Чтобы пройти Грушинский фестиваль из конца в конец, нужно, по крайней мере, полчаса. Ну а если вы захотите останавливаться около каждого интересного места, то вообще рискуете не дойти до своей палатки.

Лагерь, с которым мы обычно стоим, поменял состав. Теперь там поют про Уренгой, подписывают друг другу книжки и диски, разговаривают про нефть и варят на костре раков. Аккуратно пристраиваемся рядом, разговариваем, естественно, начинаем заботиться о хлебе насущном.

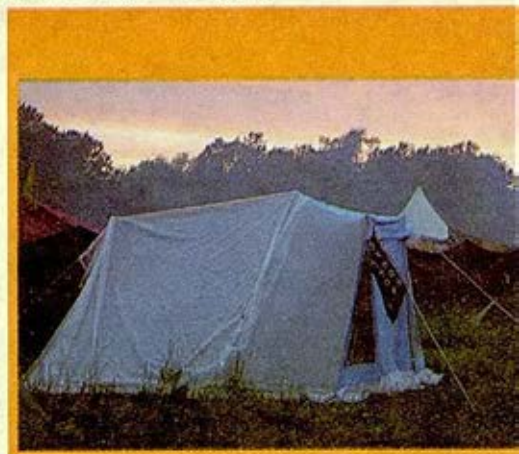
— Девушки, кто же макароны в холодную воду кладет? Они же в клейстер превратятся!

А вы откуда вообще? Из Москвы? Ну, будем знакомы...

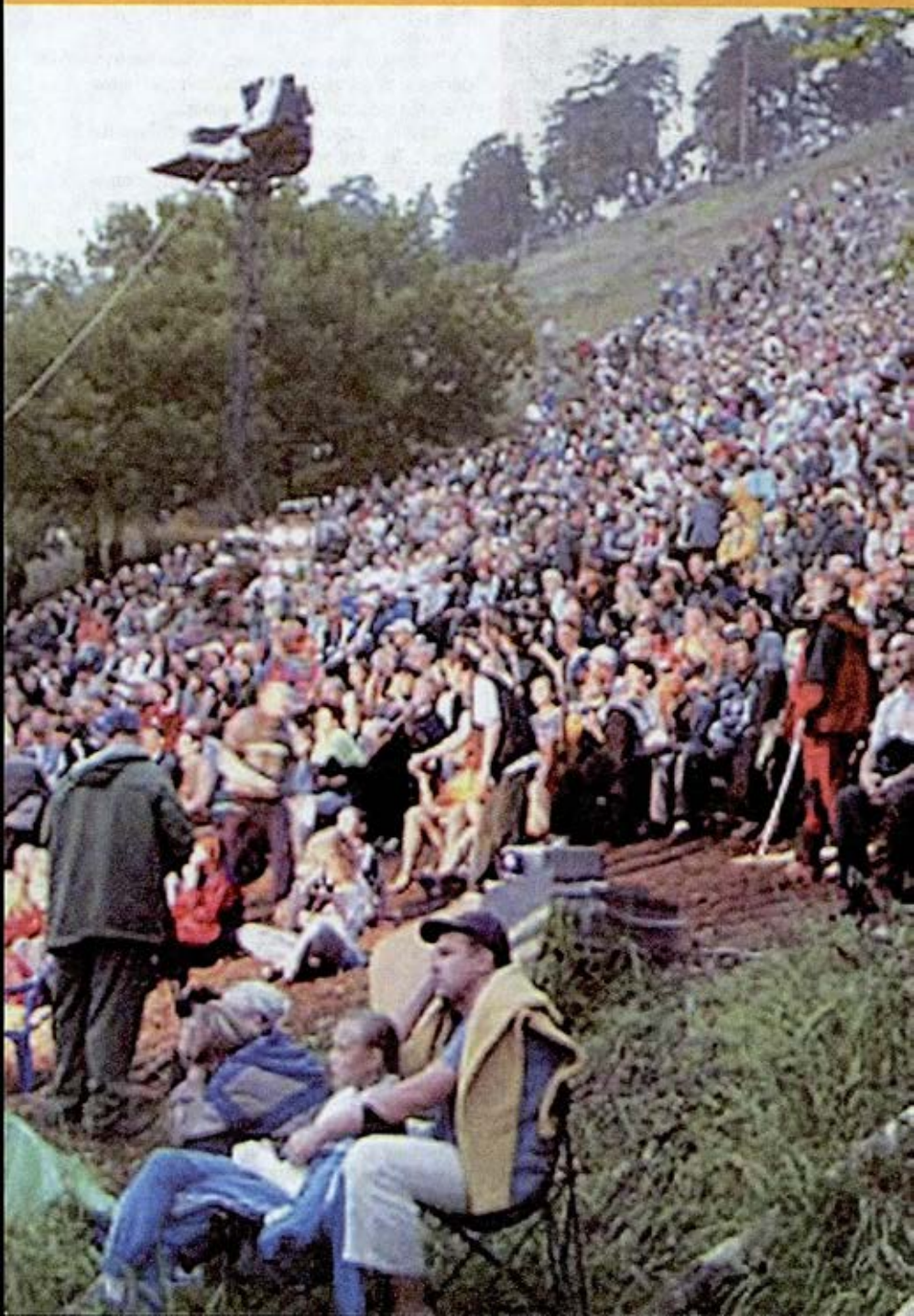
Ходим от сцены к сцене, слушая конкурсантов и тех, кто был ими когда-то, а сейчас уже стал звездой авторской песни.

Среди присутствующих много случайных людей. Тех, кто приезжает потусоваться, отдохнуть на природе с попсой и шашлыками, напиться до безобразия. Случайно слышу от представителей "контингента": "Грушинский — это круто, еще бы бардов этих убрать отсюда с их музыкой..." Не скажу, что я страстная почитательница авторской песни, но как-то это... неправильно, что ли. Много неформалов, ходят кришнаиты, ненавязчиво пытаются открыть вам истину, художники и поэты продают свое творчество. Организаторы относятся к ним терпимо, поэтому Грушинский каждый год получается маленькой страной в миниатюре.

После прогулки под ночным дождем нет сил смотреть на свои ботинки. Дорога превратилась в грязевую каток. Путь до водокачки — эксперимент на выживание и попытка сохранить хоть какую часть одежды чистой.

Все начинают бегать за водой с пластиковыми бутылками, за дровами, начинаются поиски своей палатки. Утром ходят хмурые и неразговорчивые. Но по мере того, как съедается горячий супчик и выпивается горячий чай, лица людей приобретают вполне нормальное выражение.

Гора

Гора — главный концерт Грушинского фестиваля. На склоне — тысячи песнелюбителей со спальниками, едой и фонариками — концерт длится до двух-четырех часов утра. Внизу, на реке, огромная плавающая сцена-гитара. Сидящим далеко позволяет увидеть происходящее телепроектор, экраном которого становится парус баркаса, причаленного к "гитаре". Всю ночь радуемся новым, молодым и почти всегда талантливым исполнителям, лауреатам фестиваля. В темноте зажигаются фонарики и раскачиваются под мелодии с "гитары". Зрелище потрясающее. Огни вспыхивают и гаснут снова и снова, и кажется, что Гора живая. Наверное, это же чувствуют и люди, выходящие на сцену.

Домой

Самое печальное — обратный путь. В Самаре рассыпаемся, как горох, кто куда, и не всегда получается на вопрос "когда теперь увидимся?" ответить бодро "не знаю". Еще вчера мы вместе пели на Горе, а завтра начнем жить в телефонных звонках, в Интернете, в письмах.

Потом будут говорить, что грушинское население — грязное, орущее и даже опасное для детей. Да, Грушинский действительно давно сдает. Все эти рассуждения о вечном беспределе, пьянках и драках, оргиях и беспорядках, скорее правда, чем вымысел. И бесполезно говорить, что для многих, пусть и не всех, это место, где только раз в году ты живешь как хочешь, видишь старых друзей и слушаешь лучшие песни. В этом году с нами была девушка, которая первый раз на фестивале. Она взахлеб подпевала даже тому, чего не знает, и постоянно ходила с разинутым ртом, а потом сказала, что у этого места огромная позитивная энергетика. Просто мы стояли в лагере, где песня — божество, просто мы не глушили водку и не шастали по панк-тусовкам, просто мы приехали для того, для чего и задумывался фестиваль. Просто мы не видим и никогда не увидим грязи там, где живет частичка нас. ■

ПРЫЖОК

В

■ Что такое парашютный спорт? О нем можно говорить много, и в основном это будут одни эмоции. Если вы еще не испытали на своей шкуре прыжок с парашютом, но хотите попробовать, советуем долго не раздумывать, а идти и прыгать. Я, например, так и сделала, и ничуть не жалею. Тем же, кто еще раздумывает, стоит ли рисковать своей жизнью ради чувства свободного полета, стоит узнать об этом побольше.

Считается, что впервые идея создания парашюта пришла итальянцу Леонардо да Винчи, о котором, конечно, вы где-то уже слышали. В его рукописи 1495 года можно найти следующий текст: "Если у человека имеется палатка из накрахмаленного полотна, каждая сторона которой имеет две-

ЭКСТРИМ

Татьяна ПОЛЕВА

шюта, от французского "parachute". Самое развитие парашютизма пришлось на XX век, с развитием авиации. Специальный парашют для летчиков создал русский изобретатель Глеб Евгеньевич Котельников. В 1911 году он зарегистриро-

надцать локтей в ширину и столько же в высоту, он может броситься с любой высоты, не подвергая себя при этом никакой опасности". Это и было первое упоминание о безопасном спуске с высоты. Пробовал ли сам да Винчи спускаться на землю таким способом, остается загадкой. Известно только, что он прожил достаточно долгую жизнь. В начале XVII века другой итальянский ученый, Фауст Веранчино, описал аппарат для опускания человека, похожий на изобретение Леонардо, и указал, что величина паруса зависит от тяжести человека. Но вот впервые воспользовался подобной конструкцией француз Лавен в двадцатых годах XVII века. Хоть и не по своей воле. Будучи заключен в крепость, он решил бежать. Смастерив из простыней шатер, он прикрепил к его низу пластины из китового уса и веревки. Держась за сведенные вместе веревки, он прыгнул со стены крепости в протекавшую внизу реку и благополучно приводнился.

В 1777 году еще один француз, Жан Думье, приговоренный к смертной казни, должен был испытать летающий плащ профессора Фонтанжа. В случае удачи ему пообещали даровать жизнь. Так и продвигали тогда науку. Он также выполнил прыжок с крыши тюремной башни и остался жив.

Практическое же применение парашютов началось при освоении полетов на воздушных шарах. В декабре 1783 года некий Ленорман выполнил прыжок с крыши обсерватории в Монпелье на сконструированном им приспособлении. От Ленормана-то и пошло современное название пара-

вал свое изобретение — ранцевый парашют свободного действия. Парашют имел круглую форму, укладывался в металлический ранец, крепившийся на летчике при помощи подвесной системы. На дне ранца под куполом располагались пружины, которые и выбрасывали купол после того, как прыгающий выдергивал вытяжное кольцо. Потом уже жесткий ранец был заменен мягким, а на его дне появились соты для укладки в них строп. Такая конструкция спасательного парашюта применяется до сих пор.

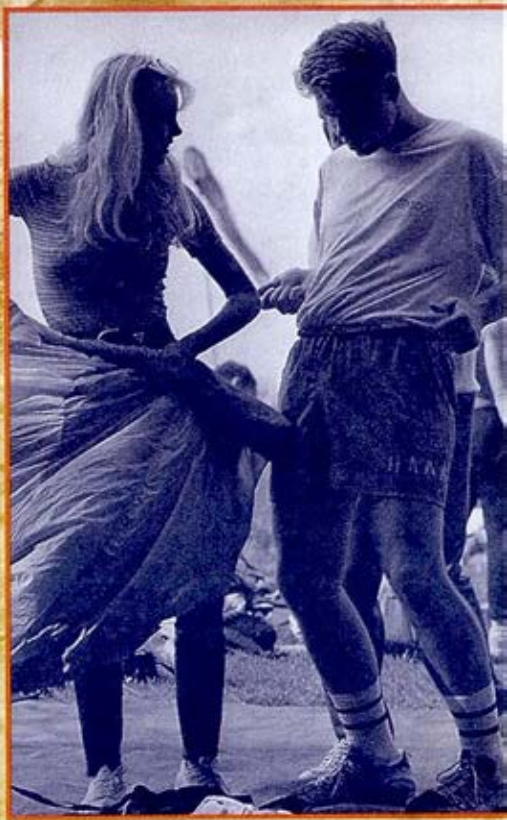
После революции Котельников продолжил работу над парашютами уже для советской авиации. Впервые в нашей стране при-

мнил спасательный парашют летчик-испытатель М.М. Громов. Он преднамеренно ввел машину в штопор, выйти из него не смог, и на высоте 600 метров покинул самолет. Известно, что использовался парашют американской фирмы, изготовленный из чистого шелка. Тогда всем летчикам, спасшимся при помощи парашютов этой фирмы, вру-

чателей парашютов, наслаждаться всеми прелестями этого спорта.

Главное — не спасовать, когда инструктор, обаятельно улыбаясь, будет сообщать вам, что прыжок осуществляется с 1500 метров (хотя в первый раз прыгают и с меньшей высоты), парашют открывается за три секунды (это не может не радовать), а по-

чался отличительный знак — маленькая золотая фигурка тутового шелкопряда. Вскоре в авиации появилась специальная служба по обеспечению спасения летчиков в полете. Ее организатором стал Л.Г. Минов. Он выезжал в Америку для ознакомления с работой парашютно-спасательной службы. Там он выполнил несколько прыжков с парашютом. Вернувшись, руководил проведением первых учебных прыжков в авиации Советского Союза. А 26 июля 1930 года группа военных летчиков под руководством Минова впервые выполнила прыжки с многоместного самолета. Этот день считается началом массового развития парашютизма в нашей стране. А мы можем, избежав ошибок первооткрыв-

лет под куполом длится от трех до пяти минут. Инструктаж длится часа два. Как и куда садиться, что и зачем надевать, как правильно отделяться (именно так называется эта часть прыжка) от самолета, и, главное, как правильно приземлиться. То есть, не сломав и не свернув себе все, что только можно сломать и свернуть.

Большого труда сложно воспринимать парашютные шуточки. Юмор инструкторов — тема вообще особая. Ваши приколы типа "а нам еще и парашют дадут" могут очень быстро прекратиться после заверений инструктора, что дадут, конечно, вопрос только в том, раскроется ли он. Это, впрочем, можно будет определить по нарастающему гулу в ушах и болезненному удару о землю. Шутить больше не захочется, это я вам гарантирую. И вообще, если с первого раза не получится — значит, прыжки с парашютом не для вас.

Снаряжение надевают, приговаривая, что оно, "может быть, даже и раскроется". Этакий ритуал, через который должны пройти все, кто первый раз. Да, господа прыгающие, у вас должны быть поистине нервы из определенного металла. Кульминация всего действия — самолет, который поднимает любителей экстрима на нужную высоту, и там-то уже будет видно, любите ли вы экстрим так, чтобы отделяться от самолета, который кажется уже таким родным, и полететь. Не верьте, если вам будут говорить, что лететь страшно. Страшно не лететь, а сидеть. В самолете, ожидая своей минуты.

Инструктор все пытается шутить, но внимания на него уже никто не обращает. Распахнут люк — и все мысли сжимаются в комочек, пульсирующий в панике "что я здесь делаю? зачем? кому это надо? мне? ну уж неееет". И чего мне во сне не леталось? На земле-то, даже надев парашют, не ощущаешь всю реальность происходящего. Из последних сил пытаюсь держать себя в руках, надеюсь, что окружающим не придется выпихивать тебя силой.

Со стороны это всегда как, например, читать Пушкина и думать: и чего Онегину так скучалось? И чего там бояться? Прыг-

нул, полетал, приземлился. Каюсь, тоже так думала. Пока не оказалась перед открытым люком, откуда хлещет ветер и видна внизу не очень близкая земля, а ты один на один со своим парашютом. Чего бояться?

Начинаешь соображать, как же все-таки правильно отделиться. И это уже после команды "Пошел!". Долго думать не приходится, потому что тебе уже вежливо так, рукой по спине, предлагают выпрыгнуть. Дальше — неопишуемые эмоции и ощущения. Под свист ветра в ушах в голове мелькает целый спектр мыслей, начиная с пафосной "я лечу!", заканчивая вполне прагматичной "когда же парашют раскроется?". Довольно быстро все они превращаются в одну паническую "как там запасной открывается?" Но через пару секунд уже все нормально, паришь, жадно наслаждаясь видами окрестностей и своих не менее очумелых, чем ты, друзей. Пишу без всякого пафоса, просто здорово лететь над землей и ощущать себя выше и свободнее, это всегда радует. Кайф неземной, потому что с милой сердцу поверхностью тебя в эти минуты мало что связывает. Ради этого стоило тащиться с утра пораньше на аэродром, два часа слушать инструктора и перенести не самый приятный самолетный рейс в твоей жизни.

Земля все ближе, судорожно начинаешь вспоминать, что там говорили насчет мягкой посадки. Ноги вместе, стропы врозь. Про застрять в крыше дома или попасть в курятник (любят парашютисты это место) тоже неправда. Первообразники такими вещами не занимаются, не до того им. Им бы после приземления умудриться хоть что-нибудь с парашютом сделать.

Потом — долгий отходняк и полное ощущение нереальности. Если честно, чувства сложно поддаются описанию, пережить это надо самому. Так что ноги-руки в самолет, самолет в воздух, ранец с куполом за плечи — и лететь, лететь... А я обязательно прыгну еще раз, а может, и не один. Хотя бы ради того, чтобы сказать очередному инструктору: "Знаете, у меня с первого раза не получилось, я решила еще попробовать..."

ах, ЭТУЖЕНЩИНЫ!!!

Екатерина ПОСТНИКОВА

Вообще-то этот номер я хотела посвятить контрактникам, но, так как большинство контрактников у нас женского пола, не будет большого греха, если я оставлю за скобками редких мужчин-добровольцев. Ну не идут особо мужики служить, что тут сделаешь? Основная их часть — это бывшие солдаты срочной службы, которые по каким-то причинам не захотели уходить на гражданку. От обычных солдат они отличаются только тем, что живут не в казарме (а бывает, что и в казарме, если нет общежития). А вот женщины...

Маленький пример. Дамочка лет сорока с хвостиком, воинское звание "ефрейтор". Числится в ФПС (фельдъегерско-почтовой службе), и в обязанности ее входит сопровождать специальную почту. Кроме нее, в этом крошечном подразделении служат тихий прапорщик, которому все до лампочки, и водитель "уазика", рядовой срочной службы. Каждое

утро, в одиннадцать часов, вся компания садится в тяжело нагруженную машину и едет по адресам развозить пакеты и свертки с грифом "секретно". По прибытии в каждую из организаций прапорщик расписывается в документах и возвращается подремать в машину, дамочка уходит в ближайший магазин, а водитель разгружает почту. И так везде. Вопрос: для чего в данном подразделении нужна женщина? От прапорщика хоть какая-то польза есть, он подпись свою ставит. А вот от женщины-то — что?

Другой пример. Подразделение побольше, занятое учетом чего-то материально ценного. Куча журналов, накладных, списков. Единственный компьютер. Четыре дамы. За компьютером сидит ефрейтор-срочник, медленно сходящий с ума от бесконечных разговоров о детях, тряпках, кулинарных рецептах и прочей чепухе. Орет телевизор: тетеньки смотрят все дневные сериалы. Иногда между

Шагом марш!!!

ними вспыхивают скандалы, в более же спокойные дни идет непрерывное обсуждение других (не присутствующих) женщин. Так же непрерывно пьют чай. Солдат выполняет всю бумажную работу, носит документы на подпись начальнику, моет полы, выбрасывает мусор, бегаёт по поручениям. А что делают четыре женщины? Ничего.

Примеров я могу привести море, и все — из реальной жизни. Спросите этих солдат: смогли бы они обойтись без таких "коллег"? Ответ будет: конечно. Спросите офицеров: согласны ли они руководить только срочниками? В большинстве случаев они ответят: да. Один подполковник, распекая при мне солидную тетеньку, сказал: "Вы — очень умная женщина. Но я предпочитаю держать трех тупых солдат вместо вас одной".

Вы можете подумать, что я придираюсь к женщинам. Это не так. Я не делю людей "по полам", тем более что приведенные мной два примера — не из нашей воинской части (у нас, к счастью, дело поставлено гораздо умнее). Более того, мне есть, что сказать и в защиту "прекрасной половины человечества".

Неправда, что женщины в армии неправильно понимают команду "Ложись!" Этот афоризм придумали мужчины, которым не дает покоя факт, что мы справляемся со своими обязанностями зачастую лучше обычных солдат, прапорщиков или офицеров. Во-первых, мы меньше пьем. Во-вторых, нас выручает обычная женская аккуратность и даже дотошность, заставляющая даму в погонах десять раз перепроверить результаты работы прежде, чем доложить о выполнении начальству. В-третьих, мы более ответственные уже в силу своей природы, создавшей нас хранительницами домашнего очага. Зайдите в любое помещение, где работают женщины. Разве увидите вы там горы хлама, ненужных бумажек, окурков, объедков, носков и пустых бутылок? Нет! У нас всегда чисто, приборано, документы подшиты, папки пронумерованы, растут цветочки и висят на стенах красивые картинки из журналов. Конечно, из любого правила есть исключения, но главный принцип таков: для мужчины служебное помещение — это просто помещение, а для женщины — второй дом.

Но это еще не все. Чистота — чистотой, но женщины легче переносят физические лишения, более терпеливы, меньше устают, лучше стреляют (угол зрения у нас шире на 45 градусов, чем у мужчин), обладают более крепкой памятью и образным мышлением, из нас получаются лучшие снайперы, разведчики, связисты, медики, саперы, кинологи, специалисты по воспитательной работе, повара — да всего и не перечислишь. Моя родная бабушка, к примеру, будучи в годы Великой Отечественной войны младшим сержантом Красной Армии, водила артиллерийский грузовик и так ловко уваливала на нем от обстрелов, что сохранила не только себя, но и машину без единой царапины. А мама моей лучшей подруги, прапорщик запаса, всю жизнь прослужила начальником дозиметрической лаборатории в Семипалатинске и ни разу не облучилась.

Ерунда, что женщины не умеют ходить строем. Просто наши жалостливые офицеры стесняются напрягать дам строевой подготовки в обычные дни и замечают их косолапость лишь на строевых смотрах. Кроме того, на вещевом складе, как правило, нет женских ботинок, а в туфлях на высоких каблуках особо не помаршируешь.

Неправда также, что наше положение в армии легче мужского. Как раз наоборот. Нигде половая дискриминация так не процветает, как в войсках. В некоторых частях можно даже увидеть отдельные списки "Военнослужащих женщин", хотя, строго говоря, такой категории не существует, как не существует категории "Военнослужащих мужчин".

Многое — неправда. И все-таки...

Обычный понедельник. Иду по территории части в обнимку с картонной коробкой, набитой строительным мусором, оставшимся от ремонта. Коробка тяжелая и закрывает обзор, поэтому встречного офицера я не замечаю и сталкиваюсь с ним нос к носу. Офицер (строго): "Ты куда эту коробку попер, сынок?" Я (ставя ношу на асфальт): "На помойку, товарищ майор". Офицер (разглядев мое лицо): "Оп-па! У вас что, солдат нет, чтобы тяжести таскать?" Я (кивая на свой погон): "Товарищ майор, я — солдат, рядовой". Офицер: "Тяжести — это не женское дело". Я (вроде как в

Шагом марш!!!

шутку): "Так я и не женщина, я — солдат".
Офицер (с ухмылкой): "Ты только этого женщинам нашим не говори".

Женщины приходят в армию для того, чтобы:

1. ...не думать о завтрашнем дне, ведь армия — экономически стабильная структура, где есть весь "соцпакет";
2. ... больше не обивать пороги коммерческих фирм, куда все равно не берут, а если и берут, то могут в любой момент выгнать;
3. ... служить рядом с мужем;
4. ... найти себе мужа;
5. ... ничего не делать и получать за это пусть небольшие, но деньги;
6. ... делать то, чему научились в советских вузах, но что в коммерции не востребовано;
7. ...действительно служить.

Самый важный (и единственно уважительный) мотив для поступления на военную службу я умышленно поставила последним. Он не преобладает. Более того, идти в армию для того, чтобы быть солдатом — это как-то странно, немодно, почти неприлично. Но все хорошее, что я написала тут о женщинах-военнослужащих, относится только к тем, кто выбрал для себя пункт номер семь. Они и служат. Остальные — смотри выше.

Для того, чтобы действительно СЛУЖИТЬ в армии, женщина должна накрепко забыть о том, какого она пола. Это обязательно оценит командование, заметят солдаты, но вот от дам, точно так же носящих погоны, ничего хорошего ждать не придется. В лучшем случае, не поймут, в худшем — начнут строить гипотезы относительно твоей половой ориентации.

Общая масса женщин в армии не любит:

1. Пацанок, которые выполняют солдатскую работу, занимаются спортом и строевой подготовкой, умеют носить форму, обращаются к офицерам и прапорщикам по уставу, дружат со срочниками и не сплетничают.
2. Талантливых и неординарных, которые что-то умеют, относятся к службе с вдохновением, вносят дельные предложения, задерживаются после работы, приходят на работу в выходные, могут о чем угодно поболтать с шэфом, никому не угождают и не сплетничают.

3. Молодых и привлекательных, которые сразу бросаются в глаза, нравятся всем неженатым (а то и женатым) мужчинам в части, имеют "официального" поклонника, получают больше всех подарков и цветов на Восемь марта, всегда прекрасно выглядят, никому не завидуют и не сплетничают.

4. Социально благополучных, у которых есть муж, квартира, машина, дорогие вещи, хорошая должность, перспективы, дополнительный заработок, много друзей, которые не считают в столовой копейки, вволю треплются по "мобильнику", ни на кого не смотрят голыми глазами и не сплетничают.

5. Веселых и оптимистичных, которые с кем угодно находят общий язык, часто улыбаются, знают много анекдотов, быстро становятся душой компании, не ноют, не пишут жалоб и не сплетничают.

Бывает, что несколько причин для нелюбви (или даже все пять) уживаются в одной женщине. Таких ненавидят, а иногда даже травят, не стесняясь в средствах и подключая к процессу свое служебное положение, коллега, непосредственное начальство и командование части. Впрочем, поводом для травли может стать что угодно, и вовсе не обязательно быть для этого умницей или красавицей. Иногда достаточно просто быть молодой или иметь хорошие отношения с начальником. Главное тут — вызвать к себе зависть. А все остальное (что у вас есть и чего нет) вам быстро придумают.

Очень опасно в армии НЕ сплетничать и НЕ "стучать". По идее, должно быть наоборот, но вот, поди ж ты, не получается! Не сплетничаешь — значит, не участвуешь в "зеленом радио" (так называются армейские сплетни), на тебе размыкается очень важная цепь, ты становишься помехой, причем помехой опасной. Почему? Да потому, что в твою порядочность все равно никто не верит, и окружающим кажется, что, раз ты не перемываешь никому кости, значит, ходишь докладывать непосредственно "наверх". Кроме того, своим молчанием ты лишашь массу людей возможности шантажировать тебя тем, что ты якобы когда-то и кому-то сказал.

Дикость? В армии — нет. В армии вообще опасно быть "не как все". В лучшем случае, от

странно: контрактник-мужчина не может, а женщина — может! В случае непослушания кара следует сразу: достаточно лишь сказать начальнику, что солдат "нагло себя ведет и ничего не делает", и бедняге тут же выплюют по первое число.

По степени вредности (по отношению к солдатам) женщин тоже можно разделить на категории. Итак, по убывающей:

1. "Эта старая вешалка". Обычно дама предпенсионного возраста, мелкий начальник, имеющая свой "личный состав".

Разговаривает непререкаемым тоном, любит учить жить, сыплет приказами. При малейшем нарушении бежит к начальству. Просьбы солдат игнорирует, самих солдат как людей не воспринимает. Солдаты для нее — только рабочая сила.

2. Официальная дама. Чуть помягче предыдущей. В душу не лезет, жаловаться не слишком любит, разумные просьбы старается выполнять. Часто обращается к солдатам на "вы", держит далекую дистанцию, приказы оформляет как просьбы, но строго следит за их выполнением.

3. Демократка. Звание может носить любое, но часто позволяет называть себя по имени-отчеству. Помнит имена солдат, разговаривает с ними по-доброму, может простить мелкие нарушения, почти не выносит "сор из избы". Под настроение проявляет чуткость, держит слово, иногда может и пошутить с подчиненными. Ее уважают, но относятся все-таки без тепла.

4. "Своя тетенька". К солдатам относится снисходительно, часто принимает при конфликтах их сторону (если, конечно, это не затрагивает ее интересов). Расспрашивает о жизни, иногда рассказывает и о своей. Может выполнить личную просьбу (опустить в ящик письмо, что-то купить, угостить сигаретой).

тебя вежливо отгородятся, в худшем — объявят войну до победного конца, и победишь в ней, поверь, не ты. Вот пример: моя подруга (21 год), которая служит прапорщиком в "летней" части, уже пять месяцев воюет со своей подчиненной, женщиной-ефрейтором (43 года), которая отказывается подчиняться ей ИЗ ПРИНЦИПА. Перспектив у бедной девушки нет никаких. А дело-то в том, что Олеся (подруга) всего-навсего не "проставилась", когда пришла на службу!

Теперь о дедовщине. Среди женщин в армии она тоже есть. По отношению друг к другу дедовщина проявляется так: чем дама старше по возрасту, тем она авторитетнее и тем большего уважения требует к своей персоне. Боже вас упаси вслух усомниться в ее личных и деловых качествах, даже улыбаться в ее присутствии нежелательно — воспримет как издевку. Дамы в возрасте очень любят, когда с ними советуются, говорят комплименты, слушают их, открыв рот, в общем, "прогибаются". Не делаешь этого — и лютый враг тебе обеспечен.

Солдаты-срочники от женской дедовщины тоже страдают (как будто им мало всего остального). В армии почему-то считается, что женщина (независимо от воинского звания) по определению главнее солдата и может им распоряжаться, как хочет. Даже

Не жалуется, почти не приказывает, часто обращается к солдатам "мальчики", "сынки" (при небольшой разнице в возрасте — "ребята"). К ней хорошо относятся, но своей не считает.

5. "Один из нас". Такой же солдат, как все. Внешне похожа сначала на "духа", а через месяц-другой уже на "дедушку". Говорит на армейском жаргоне, общается с солдатами на равных, никому не приказывает, сама выполняет работу. Часто состоит со срочниками в приятельских (не путать с личными!) отношениях, помогает, чем может, не жалуется начальству, соблюдает субординацию. При небольшой разнице в возрасте позволяет обращаться к себе на "ты". После периода настороженности и притирки ей начинают доверять, перестают воспринимать как женщину, и дальше все идет нормально.

Маленький совет девчонкам, только собирающимся служить в армии. Пожалуйста, не поддавайтесь стадному чувству, не воспринимайте солдат как тупую и послушную рабочую силу. Вы ни в чем их не превосходите, ни в чем не главнее, и нет никакой работы, которую они обязаны выполнять за вас. Даже если вам неинтересно с ними, не надо это демонстрировать. Жизнь этих людей очень тяжела, они много лишены, и в ваших силах сделать эту жизнь хоть немного легче. Да — окружающие женщины вас не поймут, но вы ведь живете не ради их мнения, верно?..

Еще один момент, на котором стоит остановиться — воинские звания. Как сказал мой отец (бывший офицер): "Чтобы сделать в армии карьеру, нужен талант, к военной службе отношения не имеющий". Это правда, а для женщин — правда вдвойне. Даже ефрейтором женщине стать невероятно трудно, гораздо труднее, чем срочнику, и почему так происходит, я не знаю. Может быть, потому, что женщин ставят на низкие должности и не спешат двигать "вверх". Может быть, женщины и сами к этому не стремятся, боясь ответственности. Так или иначе, многие из них уходят на пенсию в сорок пять лет с несчастными лычками младшего сержанта на погонах, а однажды я видела новоиспе-

ченную пенсионерку и вовсе без лычек: она двадцать три года прослужила рядовым.

Вообще, военная служба женщин во многом условна. Это касается и формы одежды, которую женщинам негласно позволено нарушать (а в некоторых частях они вообще ее не носят), и строевых занятий, от которых женщин часто освобождают, и спортивных мероприятий, и учений, и требований, которые предъявляют начальники. Так что половая дискриминация имеет свои плюсы — для тех, кому эти плюсы нужны.

Я знала одну девушку-прапорщика, ее звали Яна. То, что это именно девушка, мне стало ясно далеко не сразу: Яна имела рост 185 сантиметров, 41 размер обуви, носила стрижку почти под "ноль", была мастером спорта по двум видам восточных единоборств, отлично бегала, стреляла и метала гранату. Когда мы ехали с ней в автобусе, окружающие думали, что это — мой парень, потому что Яна и была похожа на парня, как лицом, так и повадками. Солдаты ее боялись, так и говорили: "Злой прапор". И все-таки однажды мне довелось увидеть Яну женщиной — на праздничном концерте по поводу Восьмого марта, куда она пришла в нарядном платье, покрашенная, под руку с мужем. Весь вечер она мило кокетничала, смеялась и выглядела очень красивой, женственной и даже хрупкой. Но наступило 9 марта, и все вернулось на круги своя — взяв в помощь двух рослых срочников, Яна отправилась в автопарк заводить заглохший в боксе ЗИЛ и через полчаса выглядела, как всегда: грязный бушлат, перепачканные смазкой руки, злые глаза и мат сквозь зубы. Никто не обращал на это внимания. Главное-то результат: машину из бокса они все-таки вытолкали.

Может, это и правильно: вспоминать о том, что ты женщина, только в Международный женский день. А в остальные дни просто служить, не деля обязанности на "мужские" и "женские". Ты ведь все-таки в армии.

Однако — есть в армии одна вещь, которая заставляет не только вспомнить свой пол, но и воскресить в памяти все, что ты умеешь или умел когда-либо делать. Это — армейские праздники. Но о них — в следующем номере.

хрупкое мело

Таланта

■ Увидеть Ирину Гриневу на сцене — несказанное удовольствие. С восторгом наблюдаешь, как через хрупкое тело, наполненное удивительной жизнью, будто электрический ток, проходят эмоции — страсть, боль, радость, отчаяние. Сидишь в зале, ввинтившись в кресло, и мурашки бегут по коже. Невероятная пластика и живая речь с легким прибалтийским смяг-

чением — волшебное сочетание. Ирины работы в спектаклях "Борис Годунов", "Гамлет", "Антигона", "Счастье есть", "Маскарад", "Месяц в деревне" и многие другие абсолютно заслуженно считаются лучшими из великого множества тех, что смотрела и обсуждала столица за последние годы.

— Ирина, что для тебя театр?

— Это очень абстрактный вопрос... Но отвечу так: театр — это моя жизнь. Однажды увидела сон. Передо мной расстилось огромное пространство, бесконечное небо, и кто-то говорил со мной, но мне никак не удавалось увидеть его. Я спрашивала в пущину: "Кто я? Кем я буду?", будто меня ещё нет на Земле. И вдруг слышу голос: "Ты — актриса Ирина Гринева! Играешь Офелию, Антигону, Нину в "Маскараде"... Помню, как я плакала во сне от счастья и благодарила Бога. Проснулась безумно счастливой.

— Как оцениваешь путь, который ты прошла до реализации своей мечты, считаешь ли тернистым, сложным?

— Да. Порой жизнь преподносит сюрпризы, которых не ждёшь. Моя мама всю жизнь мечтала быть актрисой и не стала ей. Погубить своё предназначение — огромное горе. Моей судьбой распорядилось провидение. Вполне могла и не поступить в театральный институт. Владимир Мирзоев не взял бы меня в театр, и, как тысячи других, окончивших актерский факультет, способных и талантливых людей, я бы лишь мечтала о сцене. В реализации моего жизненного замысла есть доля судьбы, но не обошлось и без упорства. Мне ничего не давалось просто так, только большим трудом, огромными усилиями, кровью и потом. Если не боролся — ты не победитель. А еще главное — это вера. Никто из окружающих не ведет тебя с флагами туда, куда хочешь прийти. Ты пробираться сам, постоянно повторяя: "Я могу!" Вспоминаю, как я уезжала из Казани. Шла с большим чемоданом мимо деревянных бараков, возле которых на завалинках сидели бабульки и смеялись надо мной, называли "актрисой погорелого театра", спрашива-

ли: "Ириш! Что такой большой чемодан взяла, как его обратно будешь везти?" В меня никто не верил. Оттуда, где я выросла, стать актрисой, всё равно, что стать космонавтом. Там люди не заканчивали институтов, не имели хороших профессий... С самого детства я ждала, когда мне исполнится восемнадцать лет, и я уеду.

— Каждый год тысячи девушек из провинции стекаются в столицу, чтобы осуществить свою мечту — поступить в театральный институт. Как тебе удалось осуществить свою мечту.

— Приехав в Москву, была на сто процентов уверена, что поступлю, что все упадет, когда увидят меня! Единственный экзамен, который волновал меня — сочинение, потому что я не очень хорошо училась в школе. Первое, что сказала, когда пришла в ГИТИС, что мы с бабушкой живем на одну её пенсию, поэтому для меня важно получать стипендию. Мне ответили, что вначале три тура пройди, а уж потом поговорим. В том, что я пройду три тура, сомнений даже не возникало. Потом, когда я начала сдавать экзамены, то не прошла ни один. Но вернуться в Казань со своим большим чемоданом! Я сидела под лестницей на этом самом чемодане и горько плакала, потому что осознала, что не могу вернуться. Мимо проходил студент и сказал, что может меня показать педагогу с другого курса. Мы пошли к преподавателю, который набирал студентов, стали просить, чтобы он посмотрел меня ещё раз. После второй попытки меня взяли, я была абсолютно счастлива.

— В беседе со мной многие работники телевидения сравнивали место своего обитания с акульим аквариумом. Скажи, в театральном мире похожая обстановка?

— Я не считаю театр акульим аквариумом. Думаю, что дела в театре обстоят так же, как и везде. В любом другом рабочем пространстве, например, на заводе, такое же количество людских пороков, измен, интриг, как и в мире искусства, просто актеры на виду.

— Как считаешь, можно ли верить в искренность творческих людей, жизненная

установка которых — “выживает сильнейший” или сосуществование возможно только в вечной конкурентной борьбе?

— Говоря о себе, замечу, что живу спокойно: прихожу в театр, играю, после разгримировываюсь и иду домой. Никто мне не вставляет палки в колеса. Если в кино вместо меня утверждают другую актрису, а она на мой взгляд, играла хуже, значит такова моя судьба. Конечно, у актера есть большое искушение славой. Слава, порой, очень пагубно влияет на личность тех людей, которые стремились и шли к её вершинам долгие годы. Многие ошибочно полагают, что это их заслуга, хотя все не так. Любое дарование — дар Божий, дело талантливому человеку — его отработать. Хотя возгордиться можно чем угодно, даже платьем, если оно лучше, чем у подруги.

— Тяжело, на твой взгляд, устоять перед искушением славой?

— Среди знаменитых людей есть те, кто умер ещё при жизни, их душа уже устала, ей скучно жить. Те, кто воздвиг нерукотворный памятник самому себе. Парадокс в том, что впоследствии памятник придавит личность, потому что в залог за его постройку закладывается душа. Как сказал Оскар Уайльд: “Когда человек приобретает мир — теряет душу”. Никто от этого не застрахован. Среди тех, кто приобрел мир, единицы, кто сберег душу. Думаю, что в нашей стране актеру смешно говорить о славе. Её просто нет. Разве то, что на улице на тебя оглянута вслед прохожие, а посетитель в ресторане попросит автограф, называется славой? В западном мире популярность актеров приобретает совсем иной размах. Когда человек постоянно на виду, каждое его слово становится достоянием прессы, каждый выход в свет — событием, попробуй морально поборись с той славой! А у нас разве слава? Скорее — “славочка”. А если на ней воспарить, уж совсем глупо получается!

— Знаю, что у тебя есть правило делать ежедневные письменные заметки. Это наброски будущих мемуаров, разновидность самодисциплины или просто удовольствие?

— Я человек пишущий. Пишу сказки. Еще у Л. Н. Толстого было правило: для того, чтобы развить свой язык, нужно каждый день делать записи. Таким образом, можно проследить за тем, как вырабатываются собственный язык и стиль. Я тоже завела себе подобное правило, сначала просто для того, чтобы “набить руку”. После это вошло в привычку. Хочется быть лучше, чем ты есть. Спустя время можно заглянуть в записи и проследить.

— В одном из твоих интервью я прочитала: “За красотой скрыта трагедия”. Какой смысл ты вложила в эту фразу?

— Это не мои слова, а Оскара Уайльда. Красивые черты лица — губы, глаза, нос, рот — это ещё не красота. Женская и мужская красота различны. И все же я — за внешнюю красоту женщины. Говорю не об идеальных физических данных и общепринятых параметрах и стандартах. На мой взгляд, некрасивых женщин нет, у каждой есть своя музыка, но есть те, которые забыли, что они красивы. Красота в том, что скрыто за её глазами, что сквозит во взгляде. Это одновременно и удивительно, и странно. Красота в моем понимании — это внешнее отражение внутренней жизни твоей личности. Цель нашего душевного развития — реализация собственных талантов. Мы часто врем, подменяем ценности, живем чужими жизнями. Я люблю свою профессию за то, что у меня есть возможность быть тем, кем я никогда в жизни не стану. Вне сцены человек не имеет такой возможности. Для того чтобы хорошо сыграть, нужно максимально пропустить через собственную жизнь образ, который ты должен в течение нескольких часов воплотить на сцене. В обычной реальности мы живем вспышками любви, предательства, счастья, остальная часть жизни проходит, словно в спячке. А на сцену выходишь, как на войну — должен быть сильнее, чем ты есть, постоянно превосходишь себя, и тогда происходят удивительные вещи. Например, внешность Ирвига, актера XV века, абсолютно противоречила всем классическим канонам красоты, но когда он выходил к публике — преобра-

жался до неузнаваемости! И сколько ещё таких талантливых людей, которые на сцене — прекрасны, гармоничны, а выходит из дверей театра обычный человек, как говорил Томас Манн: "Ничтожество вне подмостков". Но если смотришь в глаза такому человеку, то не можешь оторваться!

— А как ты относишься к красивым мужчинам?

— Я люблю красивых мужчин. Это моя слабость, от которой хотелось бы избавиться. Мужская красота — это честь и достоинство. Я должна знать, что мужчина сможет защитить меня. Если он красив и хочет встать за мою спину, становится страшно рядом с таким мужчиной.

— Мой любимый вопрос: красота + талант + личность = несуществующее сочетание?

— В моей жизни были красивые мужчины, но личный опыт показывает, что они недостаточно глубоки или недостаточно умны... Странное такое сочетание. Женщин одновременно умных и красивых я встречала. Но я надеюсь встретить мужчину с редким сочетанием названных выше качеств.

— Ты взяла премию "Чайка" в номинации "Обольстительная женщина" за спектакль "А — это другая". Образ героини перекликается с твоим внутренним ощущением обольстительницы?

— У меня совокупность таких ролей: Марина Мнишек, великолепная победительница, А — проигравшая, но выигравшая в другом плане, Мата Хари, легенда ушедшего века — роль которую я давно репетирую. У каждой из них своя тайна.

— Твое профессиональное кредо: "Актер должен вскрыть текст". Как это сделать?

— Я считаю, что искусство — это территория прекрасного. В каждом спектакле, в каждой роли, в каждом произведении великого автора заложено очень много. Тенденции последнего времени, в частности, современной драматургии, к которой я отношусь с опаской, весьма странные. Сказать со сцены: "Я тебя люблю" без тебя и кривляния стало вроде как стыдно, нужно

по этому поводу десять кувырков сделать и море серпантина напустить. На сегодняшний день актеры больше воплощают режиссерские фантазии, нежели раскрывают идеи, заложенные автором. Зачастую режиссеры не работают над текстом. В последнее время мало "застольных" периодов. Раньше актеры не менее месяца сидели за столом, обсуждая произведение. Очень важно, на мой взгляд, при постановке вскрыть текст, а не пытаться свои безумные идеи, которые тебе приснились, впихнуть в Чехова или Достоевского. В тексте все есть! Помнится, один из молодых режиссеров сказал, что нельзя ставить Шекспира так, как написано, нужно очень много всего придумывать. Мне кажется, что сейчас слишком увлеклись поисками новых форм. Результат — на сцене избыток движения и дефицит диалогов. Оценить актерский талант можно лишь после того, как услышишь диалог. В нем все заложено. Ведь каждая пьеса написана с определенной идеей, не вскрыв которую, можно сказать, что спектакля нет. Для меня мэтр и театральный Сократ — это Анатолий Александрович Васильев, который потрясающе работает с текстом. Вот у кого стоит поучиться. Прекрасно взаимодействует с актерами Петр Наумович Фоменко. Великолепно работает с образами, вскрывая идею, заложенную автором, Эймунтас Някрошюс. Мы, актеры, также порой грешим неумением работать над произведением, и вместо того, чтобы проживать чувства героев в реальном времени, здесь и сейчас, занимаемся иллюстрацией — создаем лишь иллюзию, реализуя режиссерские задумки. Трудно.

— Как ты справляешься с депрессией или плохим настроением?

— Борюсь! Депрессия — слишком большая роскошь. Кто знает, что будет завтра? Кто-то из великих сказал, что жизнь — это тихое отчаяние. Я бы не хотела, чтобы моя жизнь соответствовала такой формуле. Я выбрала в жизни всегда быть счастливой!

Беседовала **Дарья САМОРОДОВА.**

"Оглядись вокруг, может, ты сможешь найти что-то для себя в этой сутолоке.

Побудь здесь немного, пойми, сможешь ли ты здесь находиться?

Да, первое впечатление довольно обманчиво, тебе может показаться, что это твое, только позднее, окунувшись в это, ты узнаешь, что ошибался.

Не стоит отстаивать свою точку зрения, если не уверен в себе внутренне, что-то может сломить тебя надолго, а потом очень трудно восстановиться. Не стоит этого делать, если это для тебя важно, если непонимание или отказ может тебя поранить. Подумай прежде об этом, хотя все продумать нельзя, человек, так или иначе, спонтанен.

Постарайся с кем-нибудь заговорить первым, пусть это и трудно для тебя.

Ты не можешь сейчас решить, нужно тебе это или нет? Тогда я еще немного поболтаю, с твоего разрешения.

Видишь ли, для таких случаев нет рецептов, как и для многих других. И тогда ты снова остаешься наедине с самим собой, хотя вокруг много людей.

Попробуй спросить их, может, в тех ответах ты почерпнешь нужное решение, а, может, и нет.

Думай, анализируй и умей отключаться, иначе сойдешь с ума. Не можешь без этого? Что ж, тогда надо выбирать — либо жизнь в ее привычном понимании, либо мысли, от которых нет покоя, от которых кружится голова, от которых нет спасения. Зато они твои! Это лишь твой собственный забываемый аттракцион, почище американских горок, да только на твой не нужно покупать билет, ведь твоя жизнь и есть долгосрочный абонемент

Что-то...

Анастасия РУМЯНЦЕВА

Да, слишком много "но" можно прочесть между этих строк, но я не говорю "но", ах, нет, вот уже сказал целых три раза. Ты сам для себя выбираешь, где ставить запятую перед этим союзом.

Удивительно, что эта часть речи называется союзом, он противительный, а его название говорит о соединении...хм, все в жизни так устроено.

Не старайся все понять, от этого можно сойти с ума, а когда негде укрыться от мыслей, попробуй вспомнить считалочку, скороговорку или любимое стихотворение, хотя это не всегда срабатывает.

Есть вещи, которые ты не можешь контролировать, и наоборот, очень сложно отличить одного от другого, разделить на части и отправить в нужную папку.

на все виды аттракционов. Но не забудь, что он быстро кончается.

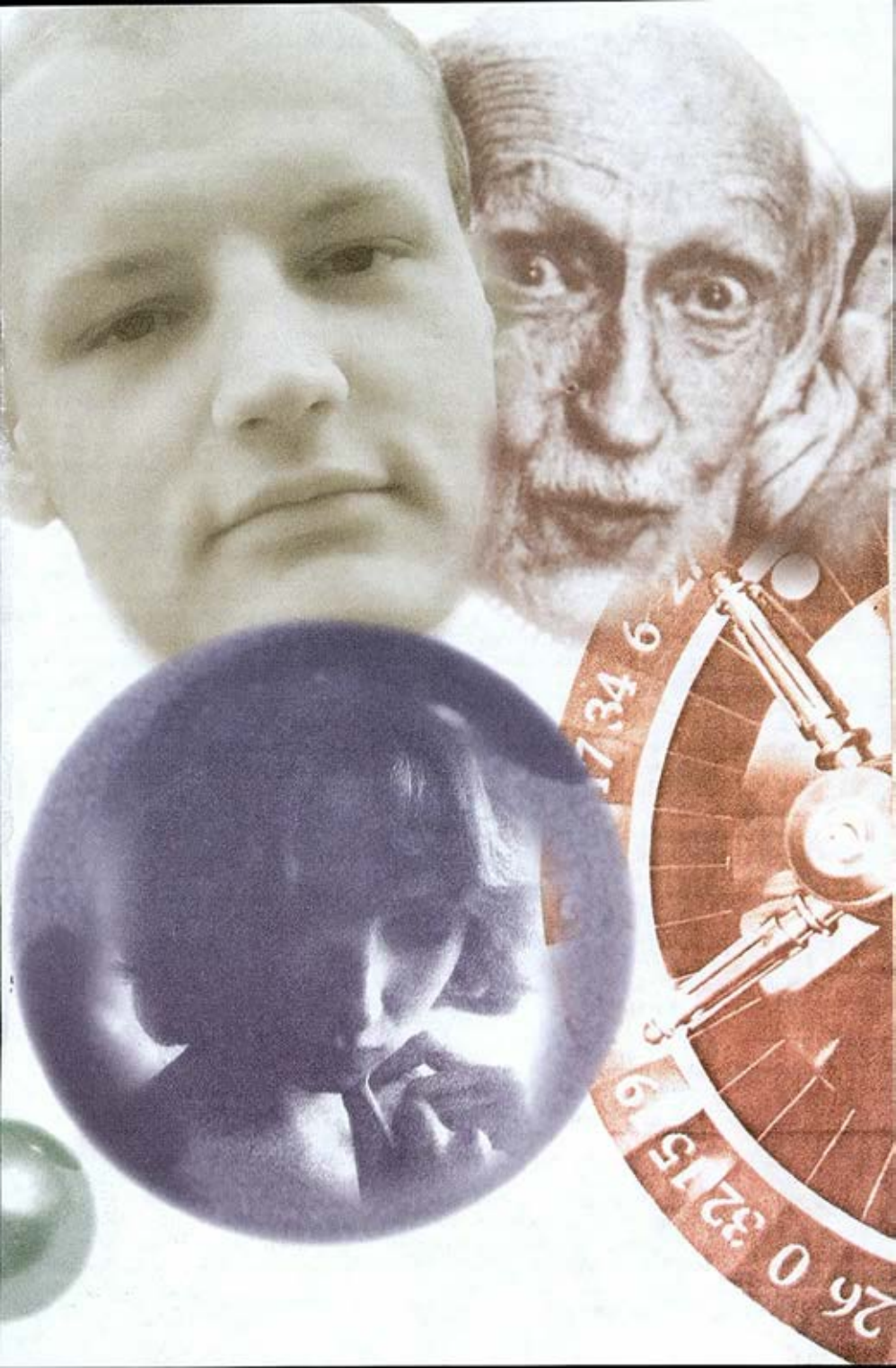
Ладно, прости, я заболтался. Решай и помни об этих словах, а впрочем...как знаешь!"

Я подумал и решил, что стоит попробовать. Ведь смотреть на американские горки не то же самое, что кататься на них!

7.10. Меня взяли, и теперь я буду возить на лифте пассажиров в этом шикарном отеле, мне уже выдали форму.

Померил! Смотрюсь шикарно. Завтра первый день, что ж, пожелаю себе удачи.

8.10. Первый день окончен, считаю, что это стоит того. Не слишком напрягает, хотя довольно скучно стоять весь день в этой коробке и всем улыбаться, но зато я могу слушать все разговоры позади се-

бя. Некоторые едут на дальние этажи, так что успевают многое обсудить, а я, в свою очередь, послушать! Не понимаю только, зачем тот парень втирал так долго те правила...

10.10. Сегодня был безумный день, мои скулы ужасно болят, лицо окаменело, с непривычки, наверное. Ближе к вечеру создалась аварийная ситуация из-за огромного наплыва людей. Их становилось все больше и больше, лифт постоянно был перегружен. Мне сказали, что я должен следить за тем, чтобы количество пассажиров не превышало 15 человек, но не буду же я попросту выталкивать их из лифта, чего доброго, еще склопочу жалобу.

13.10. Оказывается, не очень-то простая работа! Прихожу туда рано, а ухожу за полночь, и валюсь с ног, хотя, вроде бы, весь день на одном месте. Все, засыпаю!

15.10. Сегодня вез старика, который все время что-то бормотал себе под нос, я еле добился от него, на какой этаж, собственно, он держит путь, предварительно катая его по всем этажам с другими пассажирами минут двадцать. Он уселся в углу на красной скамье и сделал вид, что занят важной умственной работой.

18.10. Сегодня опять в лифт зашел тот же старик, не похоже, что он живет здесь, но когда я остановился на 17 этаже, он внезапно подскочил и кинулся к дверям. Мне не положено поворачиваться лицом к пассажирам, но достаточно лишь повернуть голову на бок, чтобы крайним зрением видеть все, что меня интересует.

23.10. Мне внезапно стало плохо. Между 16 и 17 этажами закружилась голова, и почудилось, будто лифт плавно соскальзывает вниз. Я ужасно перепугался, но мне нельзя волновать пассажиров во время хода лифта, впрочем, как и в любое другое время. Пришлось в срочном порядке делать глубокие вдохи и ждать, когда все покинут стальную коробку. Хорошо, что на 12 этаже все вышли. Я стоял перед открытой дверью и переводил дух с минуту. Нехорошо, конечно, так задерживать движение, но я ничего не мог с собой поделать. Когда взглянул на часы, оказалось, что я торчу здесь уже 10 минут, обливаясь потом. В лифте кругом зеркала, и внезапно я увидел свое отражение... чуть не закричал от ужаса, так как мне на секунду показалось, что тот старик все еще находится в лифте, но потом сообразил, что это всего лишь мое искаженное мучкой бледное лицо. Я порадовался, что это, наконец-то, случилось, я имею в виду, такая накладка. Ведь она неизбежно бы произошла, так лучше раньше, чем позже, да к тому же, ведь только у дураков бывает все гладко.

...Сбилс со счета... не помню, какой сегодня день... вроде, вторник! Так странно, что никто из обслуживающего персонала, так сказать, моих коллег по работе, со мной не общается, то есть, я, конечно, проявлял инициативу со своей стороны, но это не увенчалось особым успехом. Со мной сухо здороваются или же просто кивают головами в знак приветствия. Я попытался установить контакт со своим сменщиком, но хочу прослыть занудой и одиночкой, хотя все мы таковыми и являемся на самом деле, но сейчас не об этом. Просто как-то неприятно, когда тебя не замечают, думают о тебе неизвестно что, даже не зная тебя. Мне тоже, в общем, не больно-то и нужно с кем-то контактировать, но я решил хотя бы попробовать. Так этот мой сменщик, на мою приветственную речь в его адрес и хвалюбу нашего замечательного отеля, лишь сухо улыбнулся и отправился по очень, видимо, важным делам.

25.10. Забавная штука жизнь! Сегодня вез свою бышую девушку. Мы давно расстались, но мне порой казалось, что только ее я и любил. Она держала путь на 24 этаж со своим ухажером, мне даже показалось, что они недавно поженились, так как всю дорогу наверх щебетали и выглядели безмерно счастливыми. Она, конечно же, меня не узнала, или просто сделала вид, что не узнала, но на самом деле, скорей всего, просто не заметила. Не знаю, как к этому относиться, не желаю им счастья, но и не злюсь, просто пусто внутри. Я столько всего в жизни перепробовал к своим 27 годам, что чувствую себя попросту стариком. Хотя и в 70 лет можно радоваться жизни и уметь открывать для себя все новые и новые горизонты, но я устал перелистывать свою книгу жизни.

Двадцать какое-то число... прочитал, что успел написать, — забавно! С первого дня запустилась рулетка, набирая обороты, итог которой — остановка. Я же — шарик в этой рулетке, но она, похоже, "пошла на снижение"... Работаю здесь не так уж долго, а кажется, что целую вечность. Наверно, так всегда бывает...не вижу смысла...что за жизнь?! Даже смешно!

31.10. С каждым днем все больше замечаю, как старею, как время неумолимо отсчитывает свои секунды! Да-да, это удивительно, но я ощущаю этот бег времени внутри себя, и он неумолим.

...Сегодня в лифте ехали два человека, похоже, врач и его пациент. У второго ВИЧ, а его жена ещё не знает об этом. Врач советовал поскорей рассказать ей об этом, но пациент засомневался в правильности совета. Он просто хотел бросить свою семью безо всяких объяснений.

Интересно, прав ли он? Я задумался, как бы сам поступил на его месте...

Я — тень. Люди обсуждают за моей спиной очень важные и личные вещи, не замечая моего присутствия, а я чувствую себя при этом так, будто подглядываю в замочную скважину или залезаю к кому-то под одеяло! Но ведь это часть моей работы, и ее никак не избежать.

10.11. Сегодня у меня выходной. Я сижу дома и просто смотрю в окно, при этом чувствую себя полным идиотом, но иначе не могу... Два дня назад мой лифт застрял между 15 и 16 этажами, точнее, просто встал. Затем двери открылись сами собою, и моему взору предстал чудесный вид — шагающие мимо меня ноги: мужские, женские, толстые и худые. Оказалось, что лифт застрял аккурат посередине между этажами. Я почувствовал себя на минуту похороненным заживо, и почему-то вспомнился старик, что ездил до 17 этажа. Кстати, я давно его уже не видел...

Ноябрь... Я подсчитал, что на 17 этаж за все это время я возил только старика, больше там никто не выходил. Поэтому сегодня разузнал у управляющего, что там идет ремонт, хотя я не заметил никаких признаков ведущихся работ. Управляющий сказал, что в ближайшее время туда будут заселять обслуживающий персонал, на время, конечно. Вроде, я тоже числюсь в списках, хотя у меня есть своя комната, не Бог весть какая, но все же это лучше, чем ничего. Я и так долго искал хоть что-то, эта — самая лучшая из всех, что я мог позволить себе. Пусть там и грязновато, зато дешево.

Почему-то все время вспоминаю слова того парня, когда я устраивался на работу... про аттракцион, что-то в них есть, пожалуй!

Старик в очередной раз повел себя крайне странно. Когда он входил в лифт, то очень пристально смотрел на меня, прямо в глаза, будто изучал. Конечно, это длилось всего несколько секунд, но они мне показались вечностью. Что-то знакомое есть в этом человеке, где-то я его уже встречал, но где? Никак не вспомнить, порой перед сном долго мучаюсь, вспоминая.

Но это еще не все его выходки. На каком-то этапе, во время подъема лифта, он внезапно положил мне на плечо свою руку. Не самое приятное ощущение!

Пожоже, я схожу с ума! Зачем я так зациклился на этом старом сморчке?! В момент его прикосновения ко мне, я ощутил, что ему нужна помощь, исходящая непременно от меня. Но я так и не решился вернуться к нему. Бред, не правда ли? Может, взять больничный и немного отлжаться?..

27.11. Я благополучно переехал на 17 этаж, в комнату номер 1919. Свою комнату сдавать не стал, кто знает, что может произойти.

Там вполне уютно, но главное — бесплатно! Теперь у меня есть свободные деньги, я их трачу на кино, иногда хожу на один и тот же фильм по нескольку раз, если понравится. В кинотеатре я забываю обо всем, правда, иногда засыпаю, но редко!

Еще плюс переезда заключается в том, что теперь я не опаздываю на работу и не трачу время и деньги на автобус. Вроде бы, все хорошо, но что-то гложет меня...

Забавно, я снова видел свою девушку, то есть бывшую девушку. На этот раз она ехала одна, и я чуть ли не решился заговорить с ней, но сдержался, сам не знаю почему. Наверно, по причине того, что прошло немало времени, теперь у нее совсем иная жизнь, а прошлого не вернешь, да и это тут не главное. Мы оба изменились... но с другой стороны... человек — как стакан с водой. Когда он рождается, вода прозрачная, но со временем, с каждым днем жизни, в нее добавляются краски. К примеру, сначала красный, потом синий, потом зеленый и так далее. Так вот, о чем я?... Цвет воды меняется, но сами краски при этом остаются в ней, они нигде не исчезают, просто перемешиваются... Зачем я это пишу? Сам не знаю... "Прежний человек" нигде не уходит, он просто меняется. А какая теперь разница, все равно я не стал бы искать в ней тот прежний цвет, а она вряд ли бы позволила. Так что пожелаю ей всего хорошего и заткну своего философа!

Порой, по окончании смены, я долго не могу заснуть. Лежа в постели, просто смотрю в потолок, бывает, что до рассвета. Вчера выронил чашку, обратив внимание, что руку трясусь немного. Иногда не могу даже попасть ключом в замочную скважину с первого раза. Я стал быстро уставать. Может, сменить работу?

Люди стали сочувственно смотреть на меня. Неужели я так жалко выгляжу? Как довел себя до такого состояния, не понимаю! Может, я болен? Стоит сходить к врачу, завтра же запишусь...

Я опять видел старика... того самого... я же знаю его! Это точно! Он и смотрит на меня знакомо, то ли в глаза, то ли мимо...

Я жду старика... Где же он? Может, с ним что-то случилось?

...где?...

Где он?!

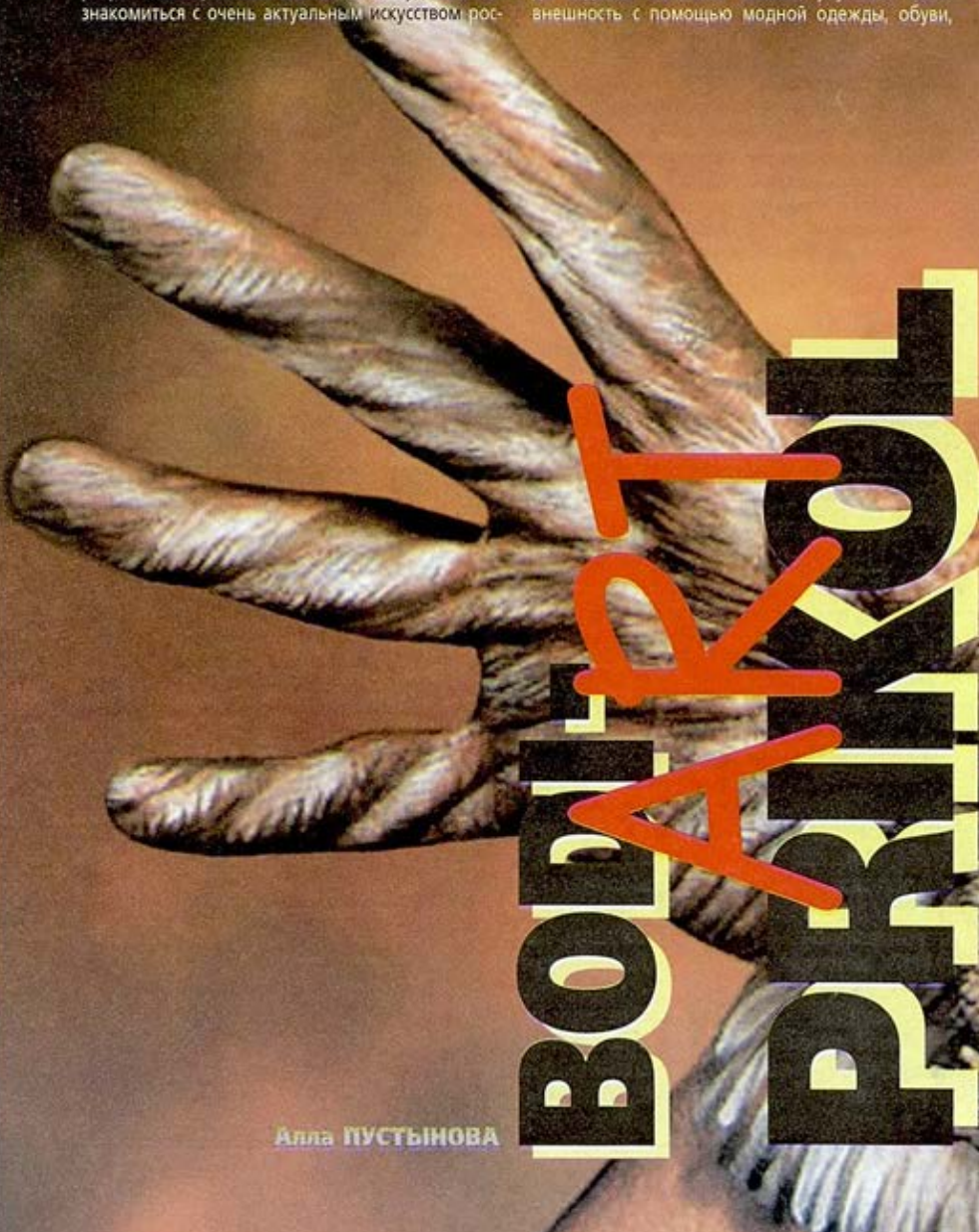
.....!!!!.....

... Повернувшись к нему, я стал говорить с ним... подошел ближе... и понял, что... это лишь мое отражение... ■

Я тут недавно футболочку присмотрела. Правда, не в магазине, а на девушке одной. Очень красивая футболочка — цвет, рисунок, на фигуре сидит замечательно. Пробралась поближе полюбоваться, но что-то странным показалось. Пригляделась повнимательнее и ахнула: вещичка почти второй кожей оказалась, просто все по телу разрисовано красками. Вот так близко удалось познакомиться с очень актуальным искусством рос-

писи по телу, короче БОДИ-АРТ. И хотя оно пришло в Россию всего лишь десять лет назад, мы с ним давно знакомы и большинство женщин занимаются этим искусством ежедневно, кто лучше, кто хуже. Разве подводка глаз, накрашенные губы, румяна, лак на ногтях не тот же самый боди-арт?

Его история уходит далеко в глубь веков. Люди издавна пытались менять, улучшать свою внешность с помощью модной одежды, обуви,

БОДИ-АРТ

Алла ПУСТЫНОВА

причесок и красок, которые фактически явились прообразом будущей косметики. В Древнем Египте и мужчины и женщины густо подводили глаза специально приготовленной краской. Ее делали из измельченного малахита, смешанного с маслом. Хранили в специальных сосудах и наносили маленькими палочками. Для окраски ногтей, ладоней и ступней ног пользовались хной. А в наше время пользование хной сузили только до окра-

шивания волос. А вот щеки и губы красили красной охрой, которую в измельченном виде смешивали с водой. В Риме и Греции мужчины макияжем не увлекались, но женщины всю пользовались самыми разнообразными косметическими средствами, которые хранились в маленьких горшочках и бутылочках. Они были изящно и нарядно выполнены и одновременно служили украшением дома или их хозяйки.

Когда в моде стала сильная бледность, дамы накладывали на лицо и руки толченый мел. Веки подводили сажей или сурьмой, красили губы и румянили специально приготовленным красным вином.

Русские женщины румянились и белились чрезвычайно сильно. В ход шли свекла, сажа, мел. В старых летописях сохранились упомина-

ния о том, что часто русские выглядели как ярко размалеванные куклы. Они раскрашивали шею и руки белой, красной, коричневой и голубой красками. Светлые брови и ресницы чернили, а темные мазали белилами. Оказывается, краситься надлежало обязательно. В тех же летописях говорится, что даже красивые, яркие от природы женщины, которым совсем не нужна лишняя раскраска, обязаны это делать, чтобы не подвергнуться насмешкам и издевательствам. Нет. Все-таки не ценим мы наши времена: как хотим, так и красимся. Кстати, церковь очень не одобряла такой макияж, и бывало, что в храмы набеленных и нарумяненных женщин запрещалось впускать.

В России не было принято расписывать тела. А у многих народов это считалось необходимостью. Например, у африканских племен и американских индейцев. Раскраска не просто украшала человека, но несла важную информацию соплеменникам, сородичам и посторонним: можно было без лишнего обмена словами узнать, к какому племени, роду принадлежит встреченный незнакомец, какое положение занимает он у себя, женат или холост, его возраст, сколько охотничьих побед на его счету, и многое другое.

Или вспомним виденные по телевизору расписанные лица актеров японского старинного театра. Настоящие маски. По их выражению зрители могли определить, какой перед ними герой, положительный или отрицательный.

Вот такая серьезная предыстория у, казалось бы, очень современного искусства, которое мы называем громко и загадочно — боди-арт. Этими сведениями и тайнами поделилась дизайнер Елена Королева, испытавшая себя в качестве как художника, так и модели.

— *Ощущения от работы над телом живой кожей отличаются от того, что чувствует обычный живописец?*

— Конечно. Роспись тела отличается в большой степени. Во-первых, должна оговориться, что не каждое тело хочется расписывать. И это зависит не только от состояния или особенностей кожи, а скорее от энергетики, исходящей от человека. В начале работы между моделью и художником контакт, как правило, может не возникнуть в силу зажатости, стеснения человека. Но постепенно в процессе работы возникает близкая связь, тело начинает отвечать на прикосновение, раскрывается, преобразуется и становится другим. Фактически художник вытаскивает из самой модели эмоции.

— *Образ рисунка зависит от самого типа модели?*

— Внешний вид, само тело подсказывают художнику, что можно из него сделать. Я смотрю на него и вижу, каким он может быть.

— Так же, как модельер, работающий с тканями?

— Да, похоже. Только его мысль отталкивается от фактуры ткани, цвета, а тело, кожа — такая же ткань. Но еще учитывается настроение и физическое состояние не только художника, но и модели. Любая женщина знает, что когда она наносит сама на лицо косметику, всякий раз получается что-то иначе, хотя все мазки уже привычные.

— Ты бывала и в роли модели. Скажи, как ты себя чувствовала? Было ли стеснение, неудобство? А может быть, это щекотно?

— Совсем нет. Ощущения очень приятные. Конечно, сначала как-то не очень удобно, все-таки приходится раздеваться. Но потом это проходит, раскрепощаешься. Стеснение проходит. Наблюдала за происходящим в зеркале, видела, как изменяется моя внешность, сживалась с образом. Видела себя уже как бы со стороны, как будто рассматривала портрет или чужую фотографию. Даже появился некий кураж.

— Ты чувствовала себя раздетой?

— Нет. Полное ощущение, что я одета, прикрыта тканями и стеснения не чувствовала.

— И становишься новым персонажем, во что-то перевоплощаешься?..

— Обязательно. В росписи по телу присутствует необычный психологический момент. Модель полностью входит в создаваемый образ. Я знаю об этом не только по себе, но и по рассказам других, кто подвергался боди-арту. Несколько лет назад я готовила заказ к Году Тигра. Вместе с моей дочкой мы должны были стать тигрицей и тигренком. Я наблюдала, как Аня в процессе росписи на глазах менялась. Из человеческого непоседливого ребенка она превращалась в тигренка, полное грации, пластики и достоинства животное. У нее изменились движения, даже выражение глаз. И я тоже испытывала актерское перевоплощение. Символ года получился очень интересным. Мы имели большой успех на показе.

— Как долго длится процесс росписи? Это утомительно для модели, она же стоит все время?

— Да, ей приходится стоять примерно часа три. Но если рисунок уже отработан и привычен для художника, требуется всего 20-30 минут.

— Чем наносится краска? Специальными кисточками?

— Руками! Основной инструмент — пальцы, для того, чтобы почувствовать энергетику, испы-

тать энергетический обмен и создать необходимый контакт между художником и моделью.

— Какими красками пользуются художники?

— Только естественными, на растительной основе. Чтобы кожа не страдала, а наоборот, оздоравливалась. Такие, как и для лица. Я чаще использую хороший грим и тени для век. Они не портят кожу, долго держатся, особенно если предстоит шоу-показ. Хорошо подходит натуральный продукт — свекла, вернее, отвар из нее, который дает красивый цвет. Также художники пользуются акварелью, гуашью. Но тело необходимо предварительно хорошо смазать защищающим составом. Лучше втирать в кожу масло для детей. Оно самое безвредное. Потом удобно всю роспись быстро смыть. Кстати, в наше время, как и в древности, некоторые народы продолжают пользоваться соками растений, которые держатся довольно значительное время и не приносят коже вреда.

— Краска на коже не расплывается?

— Нет, она же наносится ненадолго. Но, конечно, если жарко, то любая краска поплывет.

— Для чего люди хотят, чтобы их тела расписывали?

— Наверное, хочется испытать особые ощущения, также представить себя в новой ситуации, стать почти инопланетянином. Устроить какой-нибудь "прикол". Мы-то чаще готовим росписи для театрализованных представлений. И здесь многое зависит от музыки, от того, как выставлен свет. Таким образом усиливается эффект, получается очень красивое зрелище. Равнодушных не бывает.

Кстати, я обратила внимание, что уже часто обращаются к нам молодые люди с просьбой их расписать для участия в вечеринках или домашних праздниках.

И еще. При помощи искусства росписи по телу можно лечить людей. Например, клоуны из Франции Джони и Кэролайн, давно уже работающие в международной программе "Врачи без границ", ездят по местам боевых действий в разные страны и лечат искалеченные войной души детей и взрослых. Они раскрашивают во время своих представлений себе и детям лица. И зрители забываются, входят в образы и, приходя в себя, начинают радоваться, улыбаться. Врачи-психологи, работавшие с такими раненными душами в течение долгих месяцев, могут порой добиться потрясающих результатов. Со своей клоунской психотерапией артисты бывали и в Чечне.

Вот такой он — боди-арт. Одни радости от него!

ГОРОДСКИЕ ДЕВЧОНКИ
комедия

США, 1 час 29 мин.
Режиссер БОАЗ ЯКИН («Дерзкий»)
В ролях: БРИТТАНИ МЕРФИ, ДАКОТА ФЭННИНГ
«ГЕМИНИ ФИЛЬМ», ПУ № 2210344804

Красавица Молли Ганн, несмотря на свои двадцать два, по-прежнему, как маленький ребенок, безответственна и легкомысленна. Может, все дело в одиночестве? Ее отец — звезда рок-н-ролла — погиб, когда она была еще совсем маленькой, оставив ей огромное наследство.

Которое она и просаживает, проводя время в стильных бутиках да на бесконечных вечеринках. Но и беззаботной жизни приходит конец, лишившись денег, Молли вынуждена искать работу. Став гувернанткой у девочки.

А та, в свои неполные десять по занудности даст фору любой старушке! Им есть чему друг у друга поучиться.

КОСМИЧЕСКИЙ СПЕЦНАЗ
фантастический триллер

Германия, 1 час 30 мин.
Режиссеры ТОНИ КЭНДАХ, КЕРИ ХАУ.
В ролях: МИШЕЛ БЕРДЖИН, ЭМИ ВЕБЕР, ЭНДИ ГАРРИСОН, НИКОЛАС УОРТ.
«СПАЙР», ПУ № 221022803

За просмотр этого захватывающего космического триллера вполне можно усесться как с друзьями-однокурсниками, так и с младшим братом — мальчишкам придутся по вкусу все эти «стрелялки», «взрывалки» и «гонялки» на выживание... Уже не первый год свирепствует межгалактическая война, и на одной из далеких планет выживших всего лишь двое — солдат и мальчик Зед. Воспитанный бойцом, парень и сам становится «не промах». Проходят годы, и вот уже он — член космического спецназа. Его первое задание — подавление бунта на одной из дальних планет галактики. Но по прибытии на Осмар команда взбунтовалась. И Зеду придется искать выход из сложившегося положения...

ВОЗВРАЩЕНИЕ
драма

Россия, 1 час 46 мин.
Режиссер Андрей ЗВЯГИНЦЕВ
В ролях: ВЛАДИМИР ГАРИН, ИВАН ДОБРОНРАВОВ, КОНСТАНТИН ЛАВРОНЕНКО, НАТАЛИЯ ВДОВИНА
«СОЮЗ-ВИДЕО», ПУ № 11106403

Что говорить о фильме, о котором и так немало сказано.

Уже одно то, что он стал в прошлом году победителем кинофестиваля в Венеции, получив «Золотого льва», говорит о многом. Словом, — меньше слов, лучше самому посмотреть, чтобы не прослыть невеждой, или из патриотических соображений.

...В жизнь мальчишек неожиданно возвращается отец, которому суждено сыграть в их жизни роковую роль. Где он шатался долгие десять лет? Как видно, это не очень-то беспокоит жену, беспрекословно принявшую его назад и не знавшую, чем это обернется для семьи. И в первую очередь, для ее сыновей...

ВЛАСТЬ ЛУНЫ
романтическая комедия

США, 1 час 39 мин.
Режиссер НОРМАН ДЖЕВИСОН
В ролях: ШЕР, НИКОЛАС КЕЙДЖ
«ГЕМИНИ ФИЛЬМ», ПУ № 221070604

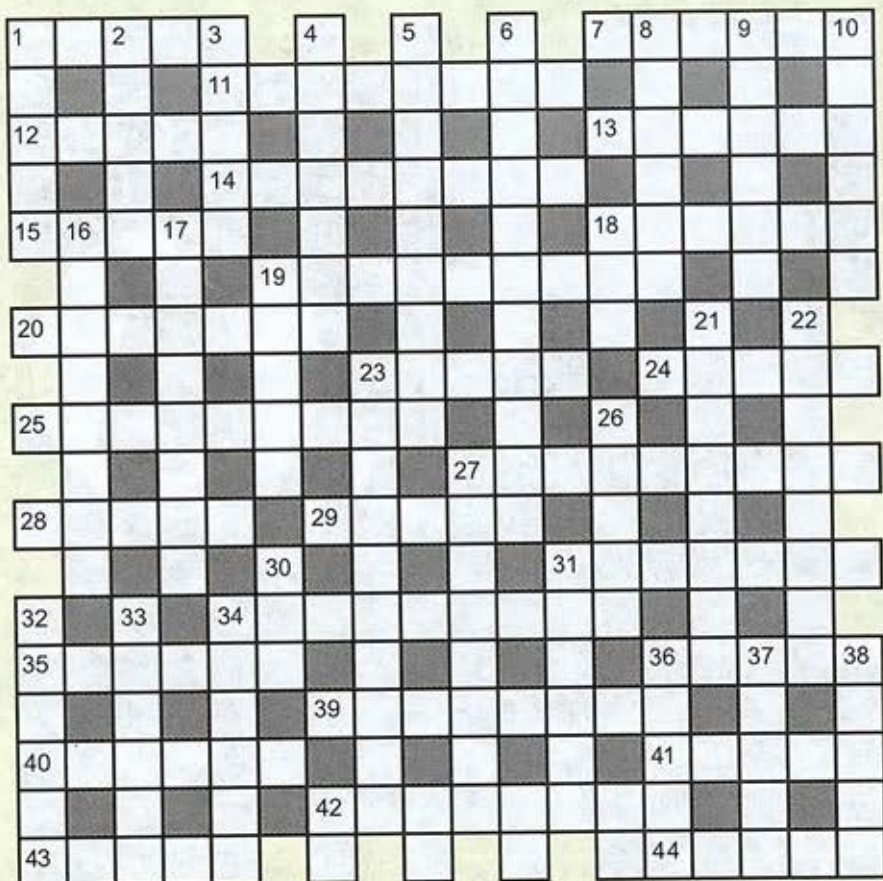
Во всем виновата, конечно, луна! По крайней мере, так думают герои этой ленты. Лоретта чертовски очаровательна и умна, но ей фатально не везет с мужчинами.

Став вдовой, она перестает верить в любовь. Но ей под сорок, шансы на личную жизнь все более иллюзорны, а так хочется порою опереться на надежное мужское плечо.

Встреча с пожилым, не очень решительным Джони как нельзя кстати. Но знакомство с Рони, младшим братом жениха, смешивает все карты — с наступлением полнолуния так трудно контролировать свои чувства!

Видеогид Наталья Тендора

«Бульвар» — ВИДЕО

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. На каждом конце коромысла. 7. Украшение под глазом после выяснения отношений. 11. Заговор, якобы возбуждающий любовь женщины. 12. "Звучит... и льются вина — Гудал сосватал дочь свою" (М. Лермонтов. "Демон"). 13. Голливудка, прозванная — по фильму — "голубым ангелом". 14. Предснежник в заботах дворников. 15. Разрисованная сума, с которой носятся недалекие люди. 18. Вечерний костюм для невыхода из дома. 19. Пирожок нараспашку. 20. Плотницкий инструмент. 23. Русский железный шлем с наушниками и наносником. 24. Отправная точка в певческой карьере В. Кикабидзе. 25. Зверь в одеянии монархов. 27. Землянин, способный однажды стать инопланетянином. 28. Горячительное, делавшее Э. Тейлор алкоголичкой. 29. Сила электричества — в нем. 31. Собрание высших чиновников в Древней Греции. 34. Дунул ветер — он упал, так, бедняга, истощал. 35. Человек, чья точка зрения расходится с официальной. 36. Тем-

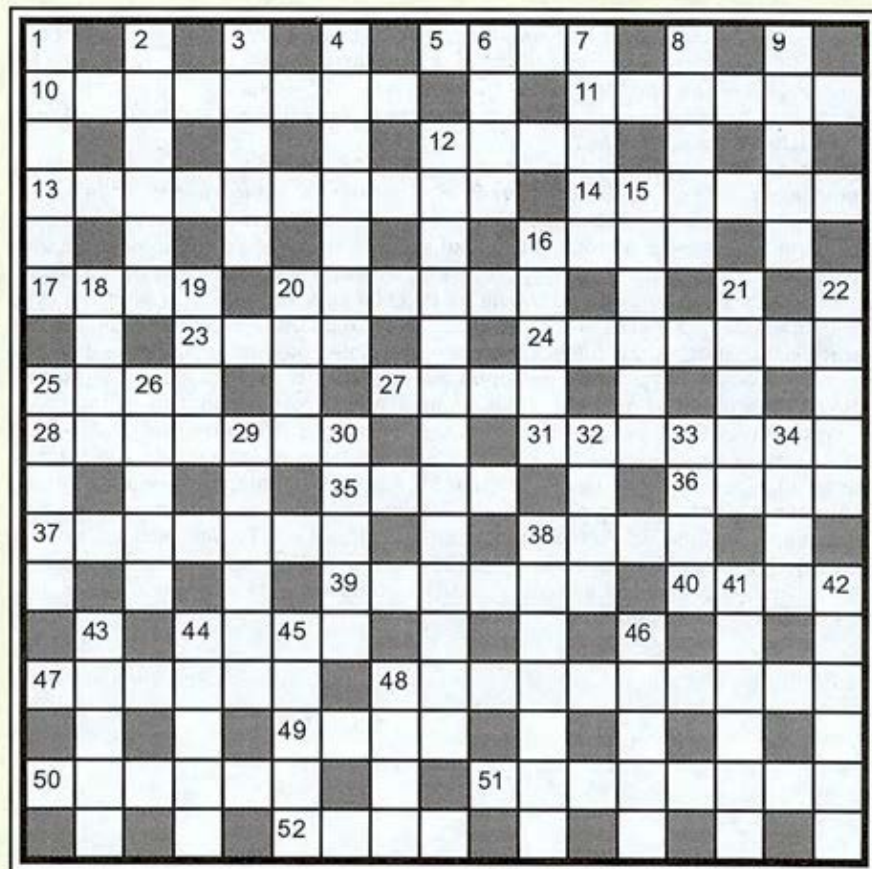
нохвойный лес в Сибири. 39. Император, при котором в Константинополе построили собор св. Софии. 40. Морская птица, живущая на одном из озер Полесья в Белоруссии. 41. "Благородный..." — сборник новелл О'Генри. 42. Гимнастический снаряд первоклассной попрыгуны. 43. Человек, живущий на проценты с капитала. 44. Шелковая колыбель.

По вертикали. 1. Наносная форма общения. 2. "Самый итальянский" из немецких художников Северного Возрождения. 3. Немилость милостивого порядка. 4. Шведский парламент. 5. Основоположник советской сказочной ветеринарии. 6. Специалист по уценке знаний. 8. Стойкий металл, который не по зубам даже царской водке. 9. Блюдофил. 10. Морской заяц весом до 300 килограммов. 16. Музыкальное произведение, чье название на русский слух хорошо отражает его суть. 17. Флорированная наука. 18. Фольклорная альтернатива к слову "пропал". 19. Писатель, вдохновивший французских революционеров, хотя их зверства привели бы его в ужас. 21. Журналист информационно-событийного жанра. 22. Знахарка, лечащая чем природа послала. 23. Женщина, всегда готовая броситься под копыта двух коней. 26. Старинный водитель междугороднего транспорта. 27. И ныне используемая, особенно на дачах и в глухих деревнях, предшественница газовой плиты. 30. Подмигивание без кокетства. 31. Римская прорицательница из ноты и загородного жилья нового русского. 32. Мифический пес, чье имя перешло на не "пущающих" людей. 33. Актер, говоривший в письме к Н. Гоголю, что его любовь к театру — "почти сумасшествие". 34. Пятница в глазах Робинзона. 36. Одно из грузовых судов, ходивших в старые времена по Волге. 37. Рыба в детстве. 38. Русский патриарх-раскольник. ■

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали. 7. Миллионер. 10. "Таис". 12. Немо. 14. Рур. 15. Биография. 16. Тол. 17. Урюк. 19. Срок. 20. Накал. 21. Тапир. 23. ...штора. 25. Ура. 27. Стогометатель. 30. Ер. 31. "Яр". 32. Эффективность. 36. Икс. 38. Уголь. 41. Эрато. 42. Цикля. 45. Мазь. 48. Клуб. 49. Ион. 50. Проклятие. 51. Ани. 52. Зной. 53. Иран. 54. Физиократ.

По вертикали. 1. Хитин. 2. Шлагбаум. 3. Нотариат. 4. Жених. 5. Струна. 6. Бирюк. 8. Метро. 9. Полкан. 11. Аура. 13. Моор. 18. Картофель. 19. Столетник. 22. Предика. 24. Агеев. 26. Отрок. 28. Орк. 29. Аян. 33. Тироксин. 34. Встряска. 35. Чумиза. 37. Рябина. 39. Гаон. 40. Озноб. 43. Кларк. 44. Луна. 46. Юргин. 47. Диван.

Э Р У Д И Т

По горизонтали. 5. Собака, потесненная в Европе пекинесом. 10. Самый распространенный на Земле металл. 11. Основоложник отечественной хирургической ортопедии. 12. Импрессионист, которого критики поедом ели за картину "Завтрак на траве". 13. Гусиный двор в Древнем Риме. 14. Русский художник-авангардист, чей "Матрос" — автопортрет, словно написанный с деревянной куклы. 16. Последняя стадия в жизни морских волн. 17. Должностное лицо на Руси, которое С. Соловьев называет приставником. 20. Гоголевское "талии никак не толще бутылочной шейки" как стилистический прием. 23. Общежитие взяточниц. 24. Самый детский ученый. 25. Доспех, какой напоминает холм Ржип близ Праги. 27. Вещество, которое Р. Бойль считал чистейшим химическим элементом. 28. Сборник церковных законов на Руси, но на византийский лад. 31. "Хромой ямб". 35. Эмблема праздника св. Валентина. 36. Старая китайская монета достоинством 7 цяней и 2

фыня. 37. Жители родного города О. Ренуара. 38. Кафтан, завезенный на Русь, как считают, при Борисе Годунове. 39. Ад на церковный лад. 40. Французский актер и режиссер, инициатор "театра жестокости". 44. Меченый продукт. 47. На... пера са-тирика должна быть злоба дня. 48. Наука в арсенале Г. Гельмгольца. 49. Танце-вальное движение с броском ноги. 50. Английский ученый, первым оценивший труды русского академика К. Бэра. 51. Лисохвостное просо родом из Судана. 52. "Китовый конь" викингов.

По вертикали. 1. Рыцарское звание кузнеца в Монголии. 2. Повелитель Севера в китайской мифологии. 3. Французский писатель, чья пьеса "Дела есть дела" на русской сцене шла под названием "Рабы наживы". 4. Залив, над которым пронесли первые в мире радиоволны. 6. Мыс, южная оконечность материковой Азии. 7. Самый красивый натюрморт Б. Кустодиева. 8. Вид "солнечных консервов". 9. ...бессмертен, но дурак дольше живет (народная шутка). 12. Внутренний компас, помогающий человеку выбирать дорогу. 15. Столица Нигерии. 16. Наступили времена, когда пора создавать неприкосновенный словарный ... 18. Генерал, один из самых храбрых сподвижников Валленштейна во время 30-летней войны. 19. Древнеримский серебряный грош. 20. Лебединая песня эротизма Зевса. 21. Одежда кузнецов и литейщиков в "Молохе" А. Куприна. 22. ...в печи красен — к морозу, бледен — к оттепели. 25. Классное общество. 26. Спутник Фомы в русском фольклоре. 29. В ... играют заостренной с обоих концов палочкой. 30. Вольный бедняк на Руси, готовый поработать хоть бурлаком, хоть лесорубом. 32. Животное на "Спрее" яхтсмена Д. Слокама, слопавшее во время кругосветки карту Карибского моря и соломенную шляпу. 33. Французский химик, ставший им с легкой руки А. Гумбольдта. 34. Древнегреческий скульптор и литейщик с Эгины, превосходивший талантом, по Павсанию, всех художников острова. 38. Вещество, провоцирующее организм на иммунный ответ. 41. Алмаз, украшавший шпагу Наполеона. 42. Птичка, которую, по В. Арсеньеву, дальневосточные казаки называли веселушкой. 43. Холм или гряда, порожденная озером или рекой и ледником. 44. Картина Ван Гога, первой проданная по цене выше 50 миллионов долларов. 45. Система жестких правил. 46. Английский художник, из надписей к рисункам которого родилась книга С. Маршака "Детки в клетке". 48. Галоген с самым маленьким атомом. ■

ОТВЕТЫ НА ЭРУДИТ, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали. 1. Влажность. 10. Публика. 11. Дебаркадер. 13. Ротвейлер. 14. Наваб. 17. Лунин. 18. Гемма. 24. Изюм. 26. Зенефельдер. 27. Ухарь. 29. Меря. 31. Госпитальер. 32. Эзоп. 34. Клюев. 35. Борис. 41. Меледа. 42. Меттерних. 45. Лициенталь. 46. Голиард. 47. Аллигатор.

По вертикали. 2. Любовь. 3. Журнал. 4. Овал. 5. Тьер. 6. Буквояд. 7. Клейнмихель. 8. "Эклер". 9. Яджна. 12. Рот. 15. Бубен. 16. Вильсон. 19. Аза. 20. Емь. 21. Ремез. 22. Переплетчик. 23. Чемпион. 25. Юрьев. 28. Отчим. 29. Мэр. 30. Рок... 33. Феррари. 36. Сеянка. 37. Цекало. 38. Шакья. 39. ...щенок. 40. Кил. 43. Хилл. 44. Киви.

Забавные детективные романы Галины Куликовой заставляют читателей хохотать до колик.

Почтенные домохозяйки, увлекшись приключениями героев, забывают о котлетах на плите, студенты — о предстоящем экзамене или (о ужас!) — свидании, солидные джентльмены — о свежей газете. Наш корреспондент постарался расспросить известную писательницу серьезно о смешном.

• Галина, в ваш адрес прозвучало очередное обвинение. Посетители вашего официального сайта опять намекают на то, что Куликова — это на самом деле некая бригада литературно-негритянского труда.

• О да. Я уже написала обвинителю, что все мое время и силы уходят как раз на руководство коллективом.

• Откройте тайну, что за коллектив кроется за именем "Галина Куликова"?

• Для написания нового романа "Рукопашная с купидоном" я привлекла одно, но поистине ангельское создание, а вот над предыдущим, "Брюнеткой в клетку" трудились двойняшки.

• Галина, вам удалось превратить в комедию детектив. Не превращайте в комедию интервью. Отвечайте серьезно.

• Я и говорю на полном серьезе. Писать детектив мне помогают куклы. Перед тем как засесть за новый роман, я покупаю на удачу куклу. Впрочем, сейчас кукол мне чаще дарят родные, знакомые или читатели. В любом случае, каким бы образом кукла ни появилась в доме, она усаживается перед компьютером и становится моим талисманом, ангелом-хранителем очередной книги. Так что я на самом деле считаю моих драгоценных пупсов своими соавторами. Они очень мне помогают.

• Как именно?

• Самим фактом своего существования. Например, едва закончив книгу "Фантом ручной сборки", я получила в подарок от сына симпатичную куклу в клетчатом платьице. А через несколько дней куклу преподнесла подруга. Кукла была совсем другая, но тоже носила платье в клеточку. Я посадила их рядом, полюбивалась — и неожиданно пришла мысль закрутить детектив вокруг путаницы из-за одинаково одетых героинь.

• А кто писал "Рукопашную с купидоном"?

• Он и писал, замечательный пухленький купидончик, которого мне преподнесли на День Святого Валентина. Для начала он придумал название имени себя, а потом и навалял текст. На книжной ярмарке мы с ним надеемся представить читателям новый детектив.

• Не сомневаюсь, читатели будут в восторге. Кстати, чем вы и ваши помощники объясняете растущую популярность детектива?

• Детектив, на наш взгляд, тот самый волшебный жанр, который в наибольшей степени соответствует человеческой природе. Человек любопытен, ему потребны острые ощущения и в общем-то присуще стремление к справедливости.

Читая детектив, он может реализовать заложенные природой качества: разгадать вместе с героем тайну, испытать дразнящее чувство опасности, найти и наказать виновного. А если герой еще и похож на читателя — такой же бухгалтер, инженер, секретарь, учитель, а вовсе не супермен или супервумен, стреляющие по-македонски и говорящие на шести языках, — то с ним легче себя ассоциировать.

- Если следовать вашей логике, читатель становится все более несерьезным: иронический детектив, комедийный детектив, ваш персональный жанр "Шоу-детектив" занимают первые строчки рейтингов.

- Я опять же считаю это абсолютно естественным. Темп нашей жизни все ускоряется. Чтобы не выпасть из обоймы, человек должен усваивать все больший объем информации, овладевать все большими знаниями и навыками. Нам со всех сторон говорят: будь сильным, будь конкурентоспособным, будь агрессивным, ты должен, ты обязан... Но нельзя сжимать пружину бесконечно. Она может сломаться — то есть человек заболит, начнет искать расслабление в алкоголе, наркотиках или просто впадет в депрессию. Пружина может и распрямиться с ужасающей силой — и человек пустится во все тяжкие. Нам предлагают (и даже навязывают) в качестве разрядки спорт, путешествия, — но не для всех эта рекомендация годится. Подсознательно мозг ищет более приятный и более простой способ разрядки, релаксации: смех. Со смехом уходят агрессия, раздражение, пессимизм, усталость. Дайте человеку возможность от души нахохотаться — и сам черт ему не брат, он будет здоров, исполнен оптимизма и справится со всеми проблемами!

"Мой дорогой читатель!

Надеюсь, что книги легкого жанра — забавные и занимательные — помогают Вам преодолевать неприятности и справляться с житейскими трудностями. Мы смеемся, когда счастливы, мы улыбаемся, когда нам хорошо, мы пытаемся развеселить других, когда хотим доставить им радость.

Смейтесь! Смех — великая объединяющая сила. Несмотря на свою заразительность, он весьма положительно влияет на здоровье. Тот, кто умеет искренне смеяться, живет не столько дольше, сколько качественнее. И если уж человек действительно произошел от обезьяны, то сделал он это, только научившись смеяться".

Ваша Галина Куликова.

Издательство "ЭКСМО" и Галина Куликова объявляют конкурс на самую смешную историю от наших читателей. Письма с историями присылайте по адресу: 127299, г. Москва, ул. Клары Цеткин д. 18, корп. 5, с пометкой — на конкурс "Смех, который мне помог".

Имена победителей будут опубликованы в №12. Победители будут награждены книгами Галины Куликовой.

КАЧЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СЕГОДНЯ -
БЛЕСТЯЩЕЕ БУДУЩЕЕ ЗАВТРА

Широкие возможности для обучения и развития
ЭТО КОМПЬЮТЕР «Ирбис»
на базе процессора Intel® Pentium® 4 с технологией Hyper-Threading

Компьютер
для обучения,
творчества
и развлечения

K-Systems Irbis на базе процессора Intel® Pentium® 4 с технологией Hyper-Threading - необходимый инструмент для образования Вашего ребенка. Выполнение домашних заданий, подготовка рефератов, поиск нужной информации. Все - только на «отлично»!

Москва (095) 495-1167, 948-3650
С.-Петербург (812) 327-6556
www.k-systems.ru

Различные продажи:
М.ВИДЕО (095) 777-777-5, МИР (095) 780-0000,
ТЕХНОСИЛА (095) 777-8-777,
ЭЛЬДОРАДО (095) 5-000-000,
K-SYSTEMS (095) 948-36-00 (доставка и установка)